

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

ГОРНЫ ПОХОД ПОЮТ!

Фото В. ГУСЕВА.

Л. СИМОНОВА

Страницы из записной книжки

Прекрасна эмблема IV Всесоюзного пионерского слета. Легкий, изящный корабль с парусами, наполненными ветром, и пионерский горн. Я понимаю это так. Закончилась наша двухлетняя экспедиция «Заветам Ленина верны». Мы хорошо потрудились и достойно встретили 100-летний юбилей В. И. Ленина. Мы собрались в городе Ленина, чтобы рассказать, чему научились, что успели сделать за два года экспедиции, о чем мы мечтаем теперь. А наш пионерский корабль снова поднял свои паруса. Горны пропели походную песню — слет стал стартом всеобщего марша «Будь готов!».

Будь готов хорошо учиться, многое знать и уметь!

Будь готов беречь и умножать богатства своей страны!

Будь готов стать защитником своей Родины!

Будь готов дружить с пионерами своей страны и других стран, с детьми трудящихся всего мира!

XVI съезд комсомола обратился ко всем юным ленинцам с призывом достойно встретить 50-летие пионерской организации. Марш пионерских отрядов посвящен пионерскому юбилею. Наш пионерский корабль взял курс на 19 мая 1972 года.

Счастливого плавания на всех парусах! Попутного ветра!

Эмблема пионерского слета на стенах домов и в окнах троллейбусов, на воротах Кировского завода и на парадных дверях Театра оперы и балета имени Кирова...

Поют над Невой пионерские горны, отбивают дробь барабаны, шагают по улицам пионерские отряды, мчатся автобусы с делегатами слета.

Пионерский слет — главное в городе событие, большой и торжественный праздник.

Я знаю, ленинградцы, взрослые и ребята, долго, тщательно, с любовью готовили этот праздник. Все продумали, все предусмотрели, чтобы праздник получился веселым и радостным, чтобы всем гостям хорошо жилось и работалось в Ленинграде, чтобы навсегда полюбили они этот прекрасный город.

Сотни ленинградцев пришли на Невский проспект в

день открытия слета. После торжественной линейки на Дворцовой площади делегаты слета отправились на всеобщий сбор «Заветам Ленина верны» в Большой концертный зал «Октябрьский». Они шли пионерским строем вдоль Невского проспекта, и ленинградцы приветствовали их.

Они улыбались. Они кричали: «Привет делегатам Украинцы!», «Привет пионерам Латвии!», «Привет ребятам из Грузии!», «Молодцы, ленинградцы!». Они бросали детям цветы и просто молча вглядывались в их лица.

Старик облокотился двумя руками на палку... Высокая седая женщина украдкой смахнула слезу... Другая женщина подперла рукой подбородок, должно быть, услышала пионерские горны и помчалась на улицу, не успела даже снять фартук, в котором обед готовила... Они смотрят на ребят ласково и пристально. Мне кажется, точно так смотрела на меня мама, когда я возвращалась из школы. «Как дела, дочка?» — спрашивала она. — «Что у тебя нового?» Так смотрят, наверное, все мамы. Никому не безразлично, какими вырастут их дети, потому что в детях люди видят свое будущее.

И этим людям из города, который столько пережил, выстоял и победил, нужно, необходимо знать, какими выросли наши дети.

Какими выросли наши дети? Правнуки тех, кто штурмовал Зимний и строил Магнитку, внуки и дети тех, кто победил фашизм, строил Братскую и Красноярскую ГЭС и поднимал целину.

IV Всесоюзный пионерский слет отмечен событием, которое, мне кажется, займет свое достойное место не только в истории пионерской организации, но и в истории всей нашей страны.

На торжественной пионерской линейке в день открытия слета первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручил пионерам памятную ленту к красному знамени, которой ЦК ВЛКСМ наградил пионерскую организацию страны, и сообщил, что Указом Президиума Верховного Совета СССР двадцать четыре пионера награждены Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд».

Ты знаешь, что эту высокую награду получили люди, которые много и хорошо поработали во славу Родины, люди, которых ценят, уважают и любят.

Но вот на Дворцовой площади первый секретарь Центрального Комитета комсомола прикалывает эту медаль к груди твоих сверстников.

Бригада украинской девочки Клавды Лазарь собрала прошлой осенью восемьдесят шесть тонн винограда, а пионерский отряд Энвера Багирова — Азербайджан — каждый день сдавал совхозу пятьдесят — шестьдесят килограммов вишни. Дружина Гали Покилюк из Белоруссии создала в школе прекрасный Ленинский музей, а дружина Теймураза Уклебы из Грузии собрала несколько тонн металла для пионерской колонны тракторов. Ягмур Ниязов из Туркмении во время черной бури укрыл в безопасном месте отару овец, а потом всех до единой привел на стоянку. А Николай Бернар из Закарпаття, когда случилось наводнение, спас школьное имущество и пионерское знамя. Игорь Лисовский из города Львова создает новые конструкции радиоприемников, а Лена Кирилловская из Свердловской области вместе с юннатами школы по заданию ученых испытывает на Урале новые сорта кабачков и выращивает сад лечебных растений.

Торжественный марш по Невскому проспекту.

Я записала рассказы троих ребят, награжденных Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд». Вот они.

Рассказ Володи Костенко из села Красноармейское Краснодарского края

Наше юннатское поле — это наша научная лаборатория. Мы следим за работой селекционеров. Узнали, что Павел Пантелеймонович Лукьяненко вывел четыре сорта пшеницы, и попросили прислать нам семена. Сеяли мы семена всех четырех сортов тремя способами: шахматно-гнездовым 15×15 и 20×20 и рядовым. Какой лучше? Испытали и посоветовали колхозу сеять «аврору» и «кавказ» рядовым способом. Из сорока шести килограммов, которые мы передали нашему колхозу имени Кирова, колхозники получили урожай в 900 килограммов. В этом году попросил у нас зерно и другой колхоз, «Советская Кубань», мы подарили им пятьдесят килограммов «авроры» и «кавказ», а они нам молотилку подарили.

Опыты с новыми сортами пшеницы надо не год вести и не два, это исследовательская работа, долгая и хлопотная. Один год дожди нам помешали, другой год — град, третий — пыльная буря... Что поделаешь, наукой нелегко заниматься, но очень хочется.

Рассказ Бекпаши Юлдашевой из села Ханки Хорезмской области

Я собрала две тонны триста сорок килограммов хлопка. Многие ребята собирали больше. Всего наша дружина сдала за сезон триста сорок тонн хлопка. Кто-то тут на слете спросил у меня: «Нравится тебе собирать хлопок?» Как ответить? Когда дождь идет или снег метет, не нравится. Но разве в этом дело? Я знаю, и все ребята знают: наша помощь нужна. В восемь часов утра к школе приходят грузовики и увозят нас в поле. В жару и в холод, в дождь и в снег. И никто не отказывается ехать, и никто не хнычет: не пропадать же такому богатству в поле.

А я председатель совета дружины. Мое дело — организовать работу так, чтобы работали все дружно и весело, чтобы хлопка собрали побольше, а когда в школу вернутся, чтобы учились хорошо и никто не отставал.

Рассказ Ишхана Серопяна из Армении

Вы не были в наших краях? У нас очень красивое место. Горы, лес есть... Вышли мы как-то с приятелем Валерием Саркисяном за село, к горам. Вдруг видим, что-то шевелится в яме у обочины дороги. Смотрим: человек. Незнакомый. А село наше у самой границы стоит, не положено здесь бродить неизвестным людям. Мы спрашиваем: «Дяденька, вы заблудились?» А сами не подаем виду, что нехорошее подумали. Он улыбнулся, тоже вроде как ни в чем не бывало, говорит: «Да нет, я из здешних мест, колхозник я». Наивный человек! Я ему: «Предъявите документы!» Он руку в карман, будто и правда за документами, а сам выхватил ее неожиданно и норовит ударить меня по голове. Только я не зря в отряде юных друзей пограничников, я его схватил за руку как полагается и как полагается держу его. А Валерий тем временем давно уже мчит на пограничную заставу. Пограничники и сами все это с вышики увидели и прибежали на помощь. Вот и все. А «колхозник» оказался нарушителем государственной границы.

Выходит с 15 марта 1994 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Издательство «Правда»

Москва 1970

Эти ребята получили высокую правительственную награду — медаль «За доблестный труд». В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.
Поздравляем награжденных!

Я слушаю рассказы Ишхана, Бекпаши, Володи и вспоминаю ребят из школьных научных обществ и кружков, из Ленинских музеев и клубов космонавтов, из юннатских отрядов и отрядов ЮДП — всех, кого я знаю лично и по рассказам товарищей-журналистов и из писем, которые приходят в редакцию.

Хорошими растут наши дети. Умными и добрыми. Образованными, умелыми, творческими людьми. Преданными Родине, очень надежными.

О дне 2 июля мне хочется рассказать особо. В этот день все участники слета вспоминали тех, кто погиб во время Великой Отечественной войны, в дни тяжелой ленинградской блокады. В этот день делегаты слета пришли на мемориальное Пискаревское кладбище. К монументу «Родина-Мать» легли четыре венка от всех пионеров Советского Союза, от Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, от делегатов IV Всесоюзного слета и от делегаций братских социалистических стран. На Дороге жизни, у памятника «Цветок жизни» пионеры — представители всех союзных республик, городов-героев — и ребята из братских социалистических стран посадили аллею Дружбы и мира. А потом опустили большую гирлянду цветов на воды Ладожского озера, которое было самым трудным участком Дороги жизни, единственной дороги, соединяющей осажденный Ленинград с Большой Землей.

Весь этот день ленинградцы были вместе с детьми. С каждой делегацией два-три человека, переживших блокаду, охранявших Дорогу жизни, отстоявших город. Я провела этот день с делегацией Свердловской области. В наш автобус пришла Мира Моисеевна Рыбальченко. В дни войны она была школьницей. Она рассказывала ребятам о мужестве детей блокадного Ленинграда.

О мальчике Коле, который задержал немецкого парашютиста. Дежурил на крыше, тушил «зажигалки» песком и водой и вдруг увидел прямо перед собой немецкого летчика. Самолет его сгорел, а летчик выбросился с парашютом. Нетрудно догадаться, как важны были тогда сведения, которые дал этот фашистский ас солдатам осажденного города.

О девочке с красивым именем Заря. Она отыскала старый самовар на чердаке своего дома, намылила его добела и принесла на огород, где усталые, изможденные, голодные люди после длинного рабочего дня копали картошку. Огороды стали делом первой важности в городе, где человек получал в день небольшой ломоть хлеба. И вот к самовару стали стекаться люди, чтобы отогреться у огня, выпить стакан горячего чая.

Рассказывает Мира Рыбальченко и о своих школьных подругах и товарищах, которые рядом со взрослыми работали на огородах, вставали к станкам, помогали перевязывать раненых и выступали с концертами...

Потом в наш автобус подсел Виктор Александрович Едемский. Он командовал ротой, защищавшей Дорогу

жизни. Он тоже рассказывал о мужестве. О мужестве бойцов. Вспомнил знакомых шоферов, которые везли с Большой Земли по хрупкому льду Ладожского озера боеприпасы, оружие и продукты. А на Большую Землю увозили из Ленинграда детей, стариков и женщин. Каждую секунду они рисковали своей жизнью, и многие из них погибли, утонув в водах Ладоги. Вспомнил молоденького бойца, который во время бомбежки вытащил из ледяной воды озера и спас маленькую девочку с баржи, потопленной фашистской бомбой...

В этот день в отличие от всех остальных дней слета ребята не шумели, не смеялись, почти не говорили. Ребята молчали. Думали. Вместе со взрослыми чтит память погибших во имя прекрасного сегодняшнего дня.

Мне хочется, чтобы каждый из вас, ребята, мысленно присоединился к траурному и торжественному этому дню слета. И понял, почему взрослым так важно, чтобы дети знали историю своей страны, чтобы помнили о подвигах, совершенных во славу Родины. Потому, что ты, и он, и она своею жизнью продолжаете жизнь своих дедов и отцов, и хочется им, вашим отцам и дедам, чтобы все, за что боролись они и о чем мечтали, свершилось в делах вашего поколения, в ваших делах, сегодняшних и завтрашних.

Пришел к нам сентябрь. Прозвенел школьный звонок. Вернулись в дружины, в отряды и звенья делегаты слета. Пусть расскажут о нем на сборах дружинных и отрядных. И давайте приниматься за дело. Пионерский юбилей не за горами.

«Цветок жизни» поставлен в память о детях, погибших в суровые дни блокады. Он построен на средства и с помощью ленинградских пионеров.

ПО КОЛЕНУ В ТРАВЕ

ПОВЕСТЬ

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Черные лошади

Крепче всех сказок я любил «Сивку-Бурку». А в ней особенно мне нравились главные слова: «Сивка-Бурка, вещая Каурка, встань передо мной, как лист перед травой!»

Когда несчастному Ивану грозили всякие беды, я заранее с тайной радостью шептал его врагам: «Ну, погодите, голубчики...» Знал я, что сейчас выйдет Иван в чистое поле, на высокий травянистый бугор, свистнет в четыре пальца, позовет верного коня: — Встань передо мной!.. Эти слова были как пароль. Как начало

песни, как сигнал тревоги, который поднимает друзей.

Встань передо мной,
Как лист перед травой!

Потом я часто слышал от разных людей, будто им непонятно: почему «как лист перед травой»? Что это значит? Я удивлялся. Никогда мне это не казалось непонятным. Совершенно ясно представлял я ночное поле под черным небом с большими белыми звездами, яркую траву, словно подсвеченную изнутри. Она кончалась у выбитой копытами глинистой площадки. И там, у края, вдруг, по тайному сигналу, пробивал глиняную корку и стремительно разворачивался из спирали высокий упругий лист. Тонкий и длинный, словно лезвие меча. Травы колыхались и шелковисто стелились под ночным ветром, а лист стоял строго и прямо (а из темноты, от горизонта, с нарастающим топотом летела еще невидимая лошадь).

Что тут было непонятного?

Нет, я все понимал. Наверно, потому, что очень любил траву. В середине зимы, когда стропила нашего флигеля потрескивали от снежного груза, мне снился речной обрыв, заросший коноплей и полынью, сиреневое небо и осколок месяца над крышами Заречной слободы. По крутой тропинке среди щекочущих стеблей и листьев я бежал к воде, прыгал с уступа на уступ. Темные метелки высоких растений пролетали у щек. В воздухе стоял запах мокрого речного песка и трав.

Посреди ночи я просыпался от жгучей тоски по лету, по шороху травы и теплomu ветру, который пахнет влажными листьями тополей. За окнами, как озябшая кошка, скреблась поземка. Мне хотелось плакать, но это было бесполезно: зимние месяцы впереди казались бесконечными, словно целая жизнь.

Но однажды среди зимы я увидел свежую зелень.

В палисаднике рядом с нашим флигелем я устраивал себе снежный блиндаж. Деревянная лопата была в два раза выше меня. Черенок цеплялся за кусты, и сухой сыпучий снег падал мне за воротник. За воротником он противно таял, и колючий шарф натирал шею.

Возиться с блиндажом не очень хотелось. Но еще меньше хотелось идти домой, потому что сразу засадят за уроки.

Правда, старшая сестра Татьяна сейчас жила не с нами: она вышла замуж за летчика и уехала в Ростов. Но мама следила за моей учебой так же придирчиво, как Танька...

Я вырезал в снежной толще квадратную яму, окружил ее бруствером и начал расчищать дно. И вот вместе со снеговыми крошками лопата вынесла к свету черные комочки смершей земли.

Я так давно не видел обыкновенной черной земли! Опустился на колени и варежкой размел на дне кружок величиной с блюдце. Открылся пятачок чернозема с мертвыми бурыми стебельками и бутылочным осколком. Рядом с осколком лежал земляной комочек. Я щелкнул по нему. Комочек отскочил. И на его месте, упруго разгибаясь, поднялся мне навстречу ярко-зеленый листик.

Крошечная зеленая стрелка!

Словно тоненький луч изумрудного маятника-фонарика.

Я ошеломленно смотрел на это чудо.

Открытие обрадовало меня и в то же время как-то придало своей необычностью. Тоненький листик-мальчишка был таким беззащитным среди снежных нагромождений... Почти не думая, подышал я в варежку и накрыл ею малыша. Потом, пятась, выбрался из палисадника и побежал к маме.

Мама была не в духе. Она пыталась затолкать на место выпавший из нашей старой печки кирпич. Зловредный кирпич отчаянно сопротивлялся. Он ловко извернулся, упал на железный приступок и назло маме раскололся. Мама плюнула...

— Там в палисаднике травинка...— виновато сказал я, глядя на кирпичные половинки.

— Что? — откликнулась мама.— О чем ты?

Она старалась не перенести досаду с кирпича на меня, но это было трудно.

— Ты бы лучше об уроках вспомнил,— сказала мама.

— Там совсем зеленая травинка,— подавленно повторил я. Было ясно, что мое открытие не имеет для мамы никакого значения.

Но она все-таки поняла. Спросила:

— Совсем зеленая?

— Да,— откликнулся я.— Как летом.

— Ну что ж...— вздохнула мама (и это был, видимо, вздох о лете).— Так бывает... Разве ты никогда не слышал, что зеленая травка зимует под снегом? Дождается тепла.

Да, я вспомнил. Я слышал, конечно. Только в это верилось не больше, чем в истории про живую воду или говорящие деревья.

Но ведь теперь-то я видел сам!

— Напрасно ты разрыл травинку,— сказала мама.— Она застынет на воздухе.

— А под снегом не застынет? Он же ледяной?

— Не такой уж он холодный. Он пушистый и мягкий.

Я побежал в палисадник.

Снегу я не очень доверял. Теплая варежка казалась более надежной, но за нее могло влететь.

Я убрал варежку. Узкий листик стоял смело и упруго. Я набрал с веток самого легкого и пушистого снега и белым курганчиком засыпал травинку. Потом уложил слой снега потяжелее... Потом заровнял яму...

Воспоминание о смелом листике наполняло меня радостным возбуждением. Я схватил санки и сбежал в овраг. Там летал с кручи на кручу, пока не пришли плотные, темно-синие сумерки.

Вечером мне попало. Слипались глаза, и я никак не мог решить задачу про ящики с фруктами. Мама назвала меня бестолковым лодырем, растяпой и мучителем. Она решила задачу сама, велела убираться спать и пообещала выдрать, хотя никогда этого не делала.

Я забрался в постель и стал реветь от обиды. Виноватым себя я не чувствовал. Трудно было понять, почему какая-то задачка важнее радости, важнее чудесной находки. Ведь травинка была крошечным осколком настоящего лета.

А задачка была про персики и абрикосы, которых я никогда не пробовал и видел только на картинках...

Поревев, я устроился поудобнее, улыбнулся укрытому снегом листику и шепотом спросил:

— Не холодно тебе?

— Что ты! — откликнулся он. Вытянулся в стрелку, разгорелся зеленым светом, и снег начал оседать и таять вокруг, а жухлые стебли на земле наполнились живым соком и заколыхались.

— Значит, это ты? — спросил я, радостно дыша. — Ты «лист перед травой»?

Он не ответил, только снег от него разбежался все дальше, а в ночи нарастал легкий стремительный топот.

И вот в темноте я не увидел, а скорее угадал большую черную лошадь. Она ласково дышала мне в лицо. Чуть в стороне осторожно переступали еще два черных коня.

Это был не сон. Я отлично понимал, что лежу в кровати под вытертым одеялом (а сверху еще мамина телогрейка), и кругом наша комната, и наши ходики стучат в темноте. Но в то же время я взбирался на оттаявшие перила крыльца, а с них — на спину лошади. Я чувствовал ногами влажную короткую шерсть на лошадиных боках, а пальцы тонули и путались в тугих прядях шелковистой гривы.

Я тронул щекой теплую шею коня и шепотом попросил:

— Ну, пошли...

Лошадь взяла с места плавно, почти не коснувшись земли. И быстро. По бокам, не отставая, шли еще две черных лошади. Заструился навстречу ночной летний ветер. Побежали светящиеся точки — то ли звезды, то ли огоньки, то ли отблески костров на копьях далекой конницы...

Лошади стали приходить каждую ночь. Их было три. Две всегда держались в стороне, а самая главная подходила вплотную, и я обнимал ее большую добрую голову. Потом прыгал с перил на спину.

Лошади уносили меня то в синий лес, полный шорохов, огоньков и полужнакомых сказок, то к самому краю неба, где громадный месяц задевал нижним рогом большие ромашки. Иногда мы влетали в самую гущу битвы, где бесшумно и яростно рубились наши и вражеские всадники. Среди мелькания копей, мечей и щитов я самозабвенно размахивал подхваченной на лету саблей и, сразив вражеского атамана, невредимым уносился из схватки.

Но это было не главное. Вот что было главным: темное поле, высокие звезды и теплый воздух, который легко струился по траве; беспокойные горизонты, где прокатывались не то бои, не то грозы; певучий и немного тревожный голос трубы вдалеке. И надо скакать кому-то на выручку. Ничуть не страшно, только надо торопиться. И мы летели сквозь ночь, а она охватывала со всех сторон и мчалась впереди. Звезды исчезали. Казалось, мы несемся внутри громадного черного конуса, и он, будто великанское копы, нацелен на одинокий огонек впереди. Под копытами дробно гремела мощная дорога, и от булыжников сыпались искры...

Это ощущение тревожного полета я помню удивительно прочно. И так же помню нарастающую радость, когда от гремящего топота разлетались все опасности и тревоги, а огонек впереди превращался в яркую рассветную щель.

Я не знаю, тогда или после сложились такие строчки:

В край, где солнечные ветры разгоняют зимы,
Уноси меня, мой верный, уноси, родимый...

Через полтора десятка лет в целинной палатке под осенним звездным небом Хакассии я рассказал о Черных Лошадях одному человеку. Я считал его товарищем. Он любил быть откровенным. Он сказал:

— Знаешь... Я понимаю. Ты, конечно, был маленьким. Но вообще-то это все равно бегство от действительности.

Я назвал его идиотом и замолчал.

Детство не делит действительность на жизнь и сказки. В детстве все настоящее. И сказки тоже настоящее, если они помогают жить. Если в них веришь.

Я крепко поверил в Черных Лошадей.

Лет пятнадцати в первой тетрадке с немелкими стихами я писал, прощаясь с детством:

...А по ночам у косого плетня
Черные Лошади ждали меня.
Добрые,
Смелые,
Быстрые,
Рослые,
Черные — чтоб не увидели взрослые.

Косого плетня на самом деле не было. Я про него сочинил для пущей поэтической красоты и рифмы. А был шаткий палисад-

ник, примыкающий к забору из досок от товарного вагона. Одну доску я оторвал и таким образом познакомился с Майкой, которая жила в соседнем дворе. Но это было потом. А пока я ждал по вечерам лошадей.

Я так поверил в них, что и вправду стал думать, что, может быть, они приходят по ночам. Стоят у застывшего крыльца и терпеливо ждут, медленно переступая копытами.

Когда наступала тишина и мама, укладываясь спать, выключала свет, я сползал с кровати. Совал ноги в теплые мамины валенки, натягивал ее телогрейку и пробирался к выходу.

Над крышами висела озябшая ночь. Звезды блестящими гвоздиками торчали в стылом небе. И была особая тишина: каждый звук отпечатывался на ней четко, будто новая калоша на свежем снегу. Далеко, за несколько кварталов, тявкал пес. Временами паровоз вздыхал на станции. Потом издали выплывали, нарастали, поскрипывая, неторопливые мягкие шаги. Кто там? Наверно, сосед Виталий Павлович возвращается из депо, отработал смену... А может быть, это лошади?

Я разжимал кулак и оставлял на перилах хлебную корочку. Маленькую, с мизинец. Я берег ее с ужина, с той минуты, когда доедал последний ломтик из нашего довольно скудного дневного рациона. Оставить гостинец побольше я не мог. Хотя и не было войны, а жилось еще трудно, и до отмены хлебных карточек оставался почти год.

Утром, уходя в школу, я старательно осматривал перила и снег у крыльца. На обледенелом, затоптанном снегу трудно было разобрать следы. Но хлеба не было. Значит, они приходили!

До школы меня провожал полубеспризорный пес по имени Моряк. Он умильно махал хвостом. С некоторых пор Моряк стал проявлять ко мне особо дружеские чувства. Иногда я подозрительно измерял его взглядом. Но Моряк был низкорослый и коротколапый, а перила такие высокие...

Потом лошади стали приходиться реже. С зюйд-веста по ночам накатывали сырые ветры. Они сбрасывали с тополиных веток снежные пласты и торжественно гудели в проводах. Это были первые налеты весны. А затем наступили синие от безоблачности дни, просохли тротуары, и на рыжей проталине у забора я нашел не одну, а несколько свежих травинок.

Про лошадей я почти забыл: радостное ожидание лета целиком заполняло меня. Но лошади напомнили о себе. Еще раз я увидел их — вплотную — не ночью, а днем.

Был вечер в конце марта, и солнце висело над крышами в тонком облаке, похожем на золотистую пыль. Девчонки расчертили на упругих досках тротуара «классы» и прыга-

ли, шлепая калошами. Чуть в стороне звякали пятаками о кирпичную стенку мой одноклассник Левка Аронов и второгодник по прозвищу Быпа. Они играли в «обстенки». На втором этаже из форточки временами появлялась завитая голова соседки Таисии Тимофеевны. Таисия Тимофеевна огорчалась испорченностью нынешних детей и пыталась перевоспитать Левку и Быпу. Они, однако, не перевоспитывались и звякали.

Я стоял у калитки и размышлял, к кому присоединиться. Прыгать с девчонками было веселее, но я опасался, что Левка станет меня презирать. Он и так уже отзывался обо мне насмешливо, узнав, что я боюсь Тольку Засыпина. Я не хотел окончательно терять приятельские отношения. А играть в «обстенки» не было особого смысла: в кармане лежал всего один пятак, и я знал, что Быпа со своей широкой пятерней в момент меня обставит. К тому же Таисия Тимофеевна могла донести маме, что я играю на деньги.

Вдруг сквозь шлепанье девчоночьих калош я услышал медленный и неровный топот многих шагов.

Из-за поворота, с Первомайской улицы, выходили лошади.

Девчонки перестали прыгать. Левка и Быпа сунули в карманы пятаки. Я оттолкнулся плечом от калитки и вышел на край тротуара.

Конечно, лошадей в нашем городе хватало. Они возили сани с дровами, хлебные повозки, телеги со щербом для ремонта дорог. За отцом Вовчика Сазанова — известным хирургом, который жил в нашем квартале, часто приезжала пролетка, запряженная гнедым жеребцом. В общем, лошади были не в диковинку.

Но так много сразу (и без упряжки!) мы не видели никогда. Их было больше десятка. Разные они были. Понуро шагали брюхастые савраски, лениво давил копытами грязь мохнатый битюг, неторопливо ступали изящные кавалерийские кони. Впереди табуна ехал на гнедой лошадке мальчишка. Ну, большой, конечно, старше нас. Но все равно мальчишка. В кепке козырьком назад и драгой телогрейке. Он смотрел перед собой гордо, как маршал.

Чавкая копытами, лошади проходили мимо нас. И незаметно для себя мы пошли рядом с ними по краешку тротуара. Не знаю, что думали другие, а меня беспокоила смутная тревога и непонятная жалость к лошадям.

— Куда их? — спросил я у ребят.

— На колбасу, — ответил деловито Левка. — Колбаса из них ничего, только зазря такую соленую делают.

Левкина мать работала на мясокомбинате, в цехе ливерных пирожков, и Левка разбирался в колбасных вопросах.

Я подавленно молчал. Машинально дви-

гался за лошадьми, которые шли на казнь. И не знаю, сколько прошло времени. Видимо, всего несколько секунд, потому что вдруг сзади, с высоты, я услышал ясный и крепкий голос:

— У тебя, мальчик, наверно, в голове колбаса.

Замыкая табун, ехал у обочины всадник на высоком вороном жеребце. В брезентовой куртке и кожаной фуражке. Он показался мне похожим на Багратиона, которого я видел на картинке в журнале «Огонек». Всадник со спокойным сожалением смотрел на Левку.

— Это колхозные лошади,— отчетливо сказал всадник.— Колхозу не колбаса нужна, а лошадиные силы. Они работать будут.

— Ну и силы! — нахально вмешался Быпа.— Одни шкелетины.

— Ничего, поправим,— откликнулся всадник. Негромко так, будто себе говорил, а не Быпе и Левке. Потом опять глянул на Левку: — Вам бы в таких передрягах побывать, как они. Тоже не потолстели бы. А среди этих коней половина на фронте была. Да и потом они не сладко пили-ели...

Упитанный Левка понял намек и обиженно отстал. И Быпа с ним. А я шел.

Черный конь легко ступал у тротуара и косил на меня темным глазом. Это был большой добрый глаз. В нем словно плавала золотая искорка. И еще в нем отражалась улица и я сам — крошечный, еле заметный. Мне казалось, что конь чуть улыбается.

Надо было хоть спасибо сказать, а я молча смотрел на подкову.

— ...Ну, что домой не бежишь? — вдруг услышал я голос всадника.

— Не хочу, — сказал я и посмотрел вверх. Мне понравилось лицо этого человека: твердое, серьезное, но не сердитое. И очень неожиданной была его улыбка — быстрая и ласковая.

— Не хочешь... — сказал он. — А прокатиться хочешь?

Прокатиться? Я обалдело выдохнул «ага» и даже не успел испугаться. Он легко прыгнул из седла и крепкими руками взметнул меня на спину лошади.

Я оказался на какой-то твердой щтуке впереди седла. Сидеть было совсем не так удобно, как я думал. Жестко и страшновато. Но большие ладони прочно держали меня за бока.

— Не боишься?

— Не боюсь, — неуверенно сказал я.

Конь тронул с места, и улица качнулась навстречу. Я смотрел на знакомые дома и заборы с непривычной высоты, и все казалось немножко странным. Да еще закат окрашивал все вокруг в непривычный золотистый свет. Будто во сне. Черный конь (настоящий черный конь!) шел неторопливым шагом, временами дружелюбно косился на меня и покачивал головой.

— Как его зовут? — спросил я.

— Олень.

Это было чудесное имя. Такое стремительное и красивое. И я несколько раз повторил: «Олень... Олень... Олень...» И конь слышал меня.

Не знаю, долго ли мы ехали. Не помню.

Я уже совсем не боялся, и сидеть мне стало хорошо. Я поверил в надежность державших меня ладоней. В доброту и верность Оленя.

— А ты не заблудишься? — услышал я. И очнулся.

— Не заблужусь.

Но были мы уже далеко от дома. У реки, перед мостом.

— Беги домой, — сказал всадник. — А то еще потеряешься.

Он ссадил меня на дорогу, и пришлось примириться с этим. Ведь чудо не может продолжаться вечно! Я посмотрел, как человек в кожаной фуражке садится в седло, провел рукой по гладкому боку Оленя и повернулся, чтобы идти домой. Хуже бывает, если долго прощаешься.

И тут услышал:

— Подожди, сынок.

Эти два слова толчком остановили меня. Он сказал не «мальчик», не «пацан», а «сын». С давних пор никто из мужчин не называл меня так. И я не думал, что назовут когда-нибудь, потому что отец в апреле сорок пятого года погиб от случайной пули в немецком городке.

Я медленно обернулся.

— Подожди, — сказал всадник.

Из кармана брезентовой тужурки он достал непонятную вещь и протянул мне:

— Возьми. На счастье.

Я подошел. В руке у всадника была крошечная подковка. Ну, совсем маленькая, даже для жеребенка не подошла бы. Я принял ее в ладонь. Она оказалась тяжелой и теплой.

Надо было бы хоть спасибо сказать. А я молча смотрел то на подковку, то на Оленя, то на всадника.

Но, наверно, я все же по-хорошему как-то смотрел. Потому что всадник улыбнулся короткой своей улыбкой. Потом тронул каблуками вороного Оленя и рысью стал догонять уходящий табун.

Во мне стремительно выростало воспоминание о зеленом узком листике, пробивающем снег, и о лошадях, мчащихся сквозь ночь...

Я опять возвращаюсь к тетрадке своих полудетских стихов. Просто мне кажется, что в те дни я говорил о детстве лучше, чем сейчас:

Это память о зимнем садике,
О травинке среди зимы...
Жили-были на свете всадники —
Жили-были на свете мы!
Вся земля гудела под нами,
Были ночи, как копыта, отточенны.
Били кони

копытом

в камень —

Искры сыпались по обочинам.
Это был не сон, не бессонница,
Трубы звали за горизонт.
Мы не просто играли в конницу —
Мы, как конница,
брали разгон...

Итак, табун ушел. Я помахал всаднику и Оленю рукой, в которой держал подковку.

И мне кажется теперь, что очень скоро, чуть ли не на следующий день, пришел теплый, зеленый май и вымахали вдоль заборов густые высокие травы.

Американский товар

В одно из солнечных майских воскресений сорок седьмого года я совершил базарную кражу. Сейчас решаюсь признаться в этом. Надеюсь, что читатели и закон простят меня. Во-первых, прошло уже много лет. Во-вторых, на этот ужасный шаг меня толкнула любовь.

Вот что случилось.

В давние годы покоритель Сибири Ермак Тимофеевич разбил в наших местах татарские отряды и поставил деревянную крепость. Чтобы она была неприступной, казаки окружили бревенчатые стены глубоким ровом. Ров заполнили водой. В воде отража-

лись островерхие башни, сигнальные огни и копыа казачьей стражи.

Но на крепость никто не нападал, и она постепенно развалилась. Вода ушла в реку. Только ров остался. Он был соединен с большим оврагом, по которому журчала речушка. Речушка эта пробилась в ров и проточила новое русло. Все вместе это называлось «лог».

Над обрывами, над заросшими полынью и коноплей откосами, склонами и косогорами раскинулся наш городок. С колокольнями, деревянными тротуарами, гранитными мостовыми на центральных улицах и афишными тумбами, стоявшими чуть ли не по пояс в траве. На тумбах пестрели объявления о продаже мебели, о пропаже козы, рекламы фильмов, афиши о концертах в городском саду и открытии цирка, в которое уже никто не верил.

Мы, мальчишки, любили наш город. Даже те, кто родился не здесь, а приехал во время войны, эвакуировался из прифронтовой зоны. Он был удобным для ребячьей жизни. В запущенных скверах и старых переулках отлично игралось в разведчиков. Невысокие крыши верно служили площадками для запуска змеев. Деревянные тротуары помогали бегать: гибкие доски пружинисто подталкивали нас. А лог с заросшими тропинками и закоулками был полон разных тайн и запахов трав. Особенно сильно пахло полынью. Я растирал ее семена в ладонях и прижимал руки к лицу. Губы становились горькими, и запах сухой земли и солнца долго не исчезал. Мне казалось, что так пахнут саванны неведомой Африки. Я не знал тогда еще, что это запах детства и родины...

Но иногда нам хотелось, чтобы город был большим. Чтобы блестили рядами окон многоэтажные домищи, звенели трамваи, сияли по вечерам разноцветные огни. Чтобы в цирке каждый день шли представления, а по улицам проносились тысячи легковых машин. И поэтому все заволновались, когда прошел слух, что главную улицу собираются покрывать асфальтом. Асфальт казался признаком настоящей городской культуры.

Во дворах торопливо застучали молотки: мальчишки сколачивали самокаты. Вы представляете, какие возможности открывали перед самокатчиками асфальтовые тротуары!

Я тоже взялся за дело. У меня был один кольцевой шарикоподшипник, он годился для переднего колеса. А для заднего я надеялся раздобыть потом. Еще нужен был строительный материал.

Ранним утром, вздрагивая от прикосновения росистой травы, я босиком, в трусиках и безрукавке пробрался к забору и стал расшатывать доску. Нижний край оторвался быстро, но верхний держался на крепчайшем гвозде. Я разозлился. К тому же во дво-

ре могла появиться Таисия Тимофеевна, тогда не миновать скандала. Я вцепился в доску и начал раскачиваться, как на громадном маятнике, обдирая о забор пальцы и засаживая в колени занозу за занозой.

Доска не обрывалась, и я усилил злость и размах. И тут мелькнуло в широкой щели сердитое девчоночье лицо. Девчонка что-то крикнула.

Я прервал полет. Встал перед щелью, придерживая плечом отодвинутую доску. Девчонка смотрела очень недружелюбно, и я на всякий случай сообщил ей, что она дура. Тут же я был поставлен в известность, что сам дурак, хулиган и жулик. На «жулика» я обиделся.

— Я у тебя что украл?

— А доску зачем отрываешь?

— А она твоя?

— Это наш забор.

— А фигу не хочешь? Ваш! Он наш двор отгораживает!

— А наш, что ли, не отгораживает?

— А доски с нашей стороны прибиты! Значит, наш!

— Я дедушке скажу,—пообещала она.

— Хоть начальнику милиции.

— Вот он тебя поймает, тогда запляшешь.

— Я твоего дедушку одним мизинцем на трубу закину!

Мы оба посмотрели на верхушку высоченной трубы, которая дымила над печарней.

— Хулиган,— снова сказала девчонка.

Я, не нагибаясь, нащупал стебель прошлогоднего бурьяна, вырвал его с корнем и, как снаряд, пустил в противника. Девчонка присела и подняла с земли ржавую консервную банку. Я отодвинул плечо. Доска опустилась и закрыла щель, разделив мир на две враждующих половины.

Я ушел на крыльцо, сел, зубами вытащил из колена самую крупную занозу и затосковал.

Ее звали Майка, это я знал. Она приехала недавно, и раньше я видел ее только издали. А сейчас разглядел как следует.

Эх, ну зачем я порутался!

Оттого, что она сердилась, волосы у нее слетали на лицо, и глаза блестили, словно за живой золотистой сеткой. И вся она, Майка, была легкая, тонкая, как та маленькая балерина, про которую я читал в сказке «Стойкий оловянный солдатик».

Странная грусть и нежность овладели мною. И было ясно, что это любовь.

Ну что ж! Любовь так любовь. Я знал, что за нее надо воевать. Надо быть стойким, как солдатик. Я сдвинул брови, встал и даже поджал одну ногу, чтобы больше походить на оловянного героя. Чипа — драный петух Таисии Тимофеевны — подошел и уставился на меня одним глазом. Я метко плюнул ему в спину. И начал действовать.

Во-первых, я все-таки оторвал доску. Во-

Девчонка смотрела очень недружелюбно, и я на всякий случай сообщил ей, что она дура.

вторых, тут же распилил ее за сараем тупой ножовкой. Из коротких досок я сколочу вполне приличный самокат. Может быть, не очень красивый, но прочный. Я даже придумал ему имя — Олень. Как у того черного коня.

На нем, на Олене, я буду, как смерч, проноситься мимо Майкиных ворот. По единственной доске развалившегося тротуара — длинной и гибкой. Под железный рев подшипников и крики изумленных пешеходов. А Майка (упрямая и капризная) с тайным

восхищением станет следить за мной сквозь дырку в заборе, которая осталась от выпавшего сучка.

А потом... Потом переднее колесо Оленя сорвется с доски, и я грохнусь с размаху на твердую землю и, наверное, потеряю сознание. И Майка, позабыв про свою вредность, выскочит на улицу, начнет трясти меня за плечи, вытирать кровь с моего лба, и ее волосы будут щекотать мне лицо. Я медленно открою глаза...

— Ты несносный человек, — услышал я мамин голос. — Ну-ка, марш домой! Вместо того, чтобы умыться, одеться, сразу хватаешься за какие-то доски. Пошевеливайся. Пойдем сейчас покупать тебе штаны.

Вот вам мечты и действительность. Впрочем, штаны были необходимы.

Надо сказать, что мой гардероб не блистал богатством. Был у меня один костюм: байковая лыжная курточка и такие же шаровары. Когда-то костюм был коричневым, но потом облинял и приобрел жидко-табачный цвет. Курточка была еще так себе, а штаны совсем обветшали. На заду и коленях они вытерлись до такой степени, что материя стала похожа на редкую мешковину. Резинки у щиколоток давно лопнули, и получилась какая-то бахрома. Зимой с валенками или весной с мамиными сапогами эти штаны еще можно было кое-как носить. Но когда я надевал их с сандалиями или ботинками, мама вздыхала и говорила:

— Жуткое зрелище.

И вот мы пошли покупать новые штаны. На толкучку.

Мы вошли в ворота и сразу окунулись в суету и шум. Толпа оттеснила нас к забору, где приткнулась фотография под открытым небом. Она мне очень нравилась. Здесь можно было сняться в настоящей морской форме, или верхом на деревянной лошади, или у тумбочки с надписью «Привет от друга». Но лучше всего был всадник, нарисованный на громадном полотне. Он скакал по степи, над которой вспыхивали белые мячики взрывов, и размахивал саблей. Вместо головы у всадника было круглое отверстие. Каждый, кто хотел, мог просунуть в отверстие голову и потом получить фотокарточку, будто он лихой кавалерист.

Я давно уже намекал маме, что не прочь иметь такой снимок. Раньше мама терпеливо объясняла, что кавалерист — большой, а я маленький, и получится смешно. А сейчас с досадой сказала:

— И так денег нет, а ты с глупостями пристаешь...

Она взяла меня за руку и увлекла в круговорот.

Люди толкались, кричали, спорили. Толстая женщина с обиженным лицом продавала фотопластинки в довоенной упаковке и сиреневую стеклянную вазу. Вертлявый

дядька голосил: «Кому будильник?» — и шепотом предлагал кремни для зажигалок.

Но штаны найти было не просто. Продавали полосатые костюмные брюки, зеленые и синие галифе и даже настоящие матросские брюки-клеш. Но для меня ничего не было. Лыжные штаны с объемистыми задними карманами мама забраковала, а парусиновые штанишки с лямочками крест-накрест я сам с холодным презрением отверг. Мама сказала, что я чудовище, и пошла покупать ножи для мясорубки.

Я поплелся следом. Именно поплелся. Но не потому, что устал, а потому, что нравилось разглядывать разложенную для продажи мелочь. Я замедлял шаги. Потом остановился совсем. Замер!

На серой кошме среди мотков проволоки, электропробок и непонятных железяк лежал подшивник.

Два блестящих кольца с шариками между ними. Подшивник для заднего колеса Оленя!

Горбоносый продавец в войлочном колпаке немыслимой формы отрешенно смотрел сквозь толпу. Мой первый робкий вопрос он, видимо, не слышал. Я поднял с кошмы подшивник, проглотил слюну и опять, громче, спросил:

— Вот это... сколько он стоит?

Не двинувшись, торговец сказал:

— Двадцать пять рублей.

Я обомлел.

Конечно, двадцать пять рублей в те годы были не те, что сейчас. Большая порция мороженого стоила например, десятку. Но все равно. Таких оглушительных сумм у меня сроду не бывало.

Среди мальчишек подшивники имели другую цену: от рубля до трех. Но беда в том, что никто сейчас не продавал. Все строили самокаты.

Я уныло переступал с ноги на ногу. Может, этот дядька в колпаке просто так сказал, чтобы я отвязался? Или мы, ребята, ничего не понимаем в таких вещах?

От растерянности я забыл положить подшивник, и он все еще оттягивал мне ладонь. Его хозяин по-прежнему равнодушно смотрел перед собой и про меня, видимо, уже не помнил.

Суетливый парень отодвинул меня локтем и стал копать в электропробках. Потом чьи-то широченные галифе совсем заслонили меня от торговца.

И отчаянная мысль толкнулась во мне.

Я еще внутренне вздрагивал и колебался, а ноги сделали шаг назад. Потом второй. И не было слышно криков и шума погони. Я сделал еще два шага.

Сердце не колотилось, не бухало, а стреляло очередями, как крупнокалиберный зенитный пулемет. Спина стала мокрой, будто после купания. Я боком пробирался в толпе, ускользая от места преступления.

Должен признаться, что совесть лишь мельком кольнула меня. Я загнал ее в угол мыслью, что дядька в драном колпаке все равно спекулянт и жулик. Зато страх никуда загнать не удавалось. Я был готов к тому, что вот сейчас крепкая милицейская рука ухватит меня за воротник и прямо по воздуху перенесет в заплесневелую тюремную камеру. Мне даже казалось, что я ощущаю жавый запах оконной решетки.

Несколько раз я уже совсем хотел незаметно выбросить опасную добычу. Но, кроме видения тюремной камеры, передо мной стояло еще одно: сердитая девчонка с золотистой сеткой волос перед глазами. Смутное сознание, что поступок мой не столько кража, сколько подвиг во имя любви, поддержало меня. И я опустил подшивник в карман. Штаны сразу начали сползать, и пришлось их придерживать.

Я догнал маму. Она не купила ножей для мясорубки и была окончательно раздосадована.

— Где тебя носит? Всегда фокусничаешь! Что это у тебя карман отвис?

Она извлекла подшивник, и я почувствовал, что становлюсь пунцовым.

— Нашел, — хрипло сказал я.

— Обязательно надо всякий хлам подбирать! Убери с глаз.

Я в душе радовался маминому невежеству в технике и медленно отдышался.

— Ума не приложу, во что тебя одевать, — печально сказала мама. — Пошли поищем снова.

Я был готов на все, даже на те парусиновые штанишки, лишь бы покинуть опасный участок.

И наконец нам повезло!

Худая решительная женщина предложила нам брюки изумительной красоты.

Это был полукомбинезон из вельвета (его тогда почему-то называли просто «бархат»). Черные штанины, малиновая грудь, такие же отвороты внизу и широкие лямки со сверкающими пряжками. Я от восхищения даже забыл про подшивник. Представил, как появлюсь перед Майкой в столь мужественном виде, и горячая волна восторга накрыла меня с головой.

Но тетка назвала такую цену, что маму пошатнуло. Она даже сказала:

— Совесть-то у вас есть?

Женщина ответила, что совесть есть, но денег за нее не дают, а жить надо. К тому же товар заграничный, американский.

Наверное, эти брюки попали к нам в одной из посылок, тех самых, которые вместе с яичным порошком и тушенкой Америка посылала нам во время войны «для помощи».

Мне очень хотелось получить заграничные штаны. Я готов был обещать маме полное послушание на вечные времена и сплошные пятерки в табеле. Но мама и женщина

торговались, и нельзя было вмешиваться, чтобы не сорвать дело.

Наконец чудо свершилось. Сверток с брюками перешел ко мне, и солнце засияло в два раза ярче.

Жизнь состоит из постоянной смены радостей и огорчений.

Дома, когда я надел обновку, мама ахнула, опустилась на стул и вдруг начала смеяться. Все громче и веселее.

— Санкюлот,— говорила она.— Гаврош! Кошмар, честное слово!

Что такое «санкюлот», я не знал, а в слове «Гаврош» не видел ничего смешного. И при чем здесь кошмар?

Я обиженно повернулся к зеркалу. Ну и что? Надо сказать, что брюки пришлось впо-ру, сидели как влитые. Правда, были они длинноваты, на ногах собирались в гармош-ку, да и ширина внизу была, пожалуй, чрез-мерная. Малиновые манжеты подметали пол. Но это даже придавало особый шик!

Мама, однако, думала не так. Она уже перестала смеяться.

— Да, без переделки здесь не обойтись... (Этого еще не хватало! Какая переделка?)

Мама смотрела прицеливающимся взгля-дом.

— И вообще... Зачем тебе к лету длинные штаны? Я тебе из них две пары сделаю.

Я тоскливо взвыл.

Я боком
пробирался
в толпе,
ускользая
от места
преступления.

Но мама уже приняла решение. Она заявила, что плату за брюки отдала двойную и, значит, иметь двое штанов за эти деньги правильно и справедливо.

Я удалился на кухню, чтобы не видеть жуткого надругательства над американскими брюками. И предался скорби.

В комнате лязгали ножницы и стучала машинка. Она мне казалась пулеметом, открывшим огонь из предательской засады.

Через час мама позвала меня на примерку. Я подчинился с мрачной покорностью и не стал смотреть на себя в зеркало, но потом украдкой посмотрел.

Ну, если говорить честно, то вид был не хуже, чем раньше. Даже аккуратнее как-то. Однако я не признался в этом даже себе. — Все прекрасно. Нечего дуться, — сказала мама.

Но я продолжал дуться до вечера.

А вечером перестал.

Во-первых, потерянного не вернешь. Во-вторых, пора было приниматься за самокат, а в плохом настроении браться за работу нельзя. В-третьих, если разобраться, то длинные штаны летом и вправду были ни к чему. Кроме так называемой «солидности», в них не было ничего хорошего. Жарко в них и неловко. По лужам не поскачешь, футбольный мяч гонять неудобно. Через забор полезешь — зацепятся. К тому же я очень любил бродить по густой прохладной траве, когда высокие листья и стебли мягко щекочут колени и кажется, будто идешь в струящейся ласковой воде.

Враг

Ночью мне приснилось, будто я в длинных, еще не обрезанных штанах еду на самокате мимо Майкиной калитки. Майка выходит на тротуар, удивленно смотрит на меня и начинает хохотать. Она так обидно хохочет, показывая на меня пальцем и встряхивая волосами.

— Отойди, сшибу! — ору я. Майка отскакивает и ехидно кричит вслед:

— Жулик! На краденном подшипнике едет!

Ой, мама! Я от внезапного страха чуть не лечу кубарем. Оглядываюсь. Горбоносый дядька в колпаке большими шагами настигает меня. Он дует в милицкий свисток и лязгает громадными ножницами. Я понимаю, что он хочет отстричь мне голову. Пытаюсь набрать скорость, а ноги путаются в штанах и примагничиваются к тротуару. А ножницы: ж-жик, ж-жик!..

И так несколько раз в эту ночь. Правда, голову он мне не отстриг: я успевал проснуться.

Поднялся я рано. Лучше уж совсем не спать, чем видеть во сне такие страхи. А мама решила, что мне просто не терпится отправиться в обновку в школу.

Когда я надел обновку, мама ахнула, опустилась на стул и вдруг начала смеяться.

Напрасно она так думала. Наоборот, я опасался, что американские штаны да еще в урезанном виде вызовут в классе обидное веселье. Но главная забота у меня была другая: понадежнее спрятать проклятый подшипник. Пусть лежит подальше от всех глаз, пока не поставлю на самокат. Мне казалось, что, как только я его приделаю к Оленю, он перестанет считаться краденным. Ведь он будет частью самоката, а самокат-то мой...

В школу я пошел дальней дорогой — через сквер у цирка. Утро было теплое и ясное. Такая синева стояла над городом, что даже оконные стекла сделались голубыми, как осколки моря.

От изгороди я повернул к середине сквера, пересек поляну, усыпанную золотыми веснушками одуванчиков, и нырнул в полосу кустарника. Это была желтая акация.

Зеленые стволы кустов разрастались по сторонам от корня, а в середине получался будто шалаш. Тенистый, прохладный, кружевной. Крошечные кусочки неба голубели в разрывах листьев, похожих на перья. Здесь пахло травяными соками и влажной землей. И можно было найти много местечек для тайника.

Я забрался в такой «шалаш» и на земле, среди корней, расчистил ямку. Потом из противогазной сумки (она была у меня вместо портфеля) вытащил подшипник. А во что завернуть? Содрал с задачника газетную обертку.

Ямка была подходящая. Аккуратно засыпал я краденое сокровище землей, забросал тайник прошлогодними листьями. Прислушался. В сквере была шелестящая тишина, только чвиркала какая-то птица. Да сердце тукало...

Я выбрался из укрытия и поскакал в школу, поддавая коленками сумку.

В общем-то я зря опасался. Никто не обратил особого внимания на мои штаны. Только Вика Малеева засмеялась совсем необидно и сказала, что я совсем как снегирь — вся грудь красная. Да Вовка Вершинин — воображала и хвостун — заметил на моем кармане иностранное клеймо и продекламировал:

Один американец
В ноздрю засунул палец
И думает, что он
Заводит патефон.

Подумаешь! Я знал про этого американца строчки похлестче. Мог бы ответить этому типу, если бы захотел. А тут еще за меня заступился Быпа.

— Чурбан, — сказал он Вершинину. — Чего пристал к человеку? Он ведь не сам себе шьет. Что мать достала, то и носит.

От такой неожиданной и серьезной поддержки у меня даже в носу защипало. Но, конечно, я виду не подал. Назвал Вовку обезьяной и пошел на место, потому что уже брякал звонок.

Сидел я рядом с Викой Малеевой. Мы никогда не мешали друг другу. Она, хотя и девчонка, но не придиралась и не ябедничала, если я рисовал в учебниках или читал на арифметике книжку.

И в этот день она не мешала мне. А я мечтал. О самокате мечтал, о Майке. О том, как прокачу ее, может быть, на своем Олене по асфальту, когда его сделаю. Майка будет стоять впереди меня, и мы помчимся по длинному спуску на Пристанской улице, и ветер полетит навстречу, и Майкины волосы будут щекотать мне щеки...

Но мечты мечтами, а суровая действительность в лице Антонины Петровны угрожающе надвинулась на меня. Антонина Петровна пожелала узнать, почему я блаженно улыбаюсь, хлопаю глазами и не решаю заданные примеры. Уж не хочу ли я получить двойку и остаться на второй год? Или я забыл, что с арифметикой у меня дела не блестящи?

Я вздохнул, возвращаясь в унылый мир чернильных клякс и примеров со скобками. До каникул оставалось меньше недели, и ни о каком «втором годе» теперь не могло быть речи, хоть завались двойками. Все это понимали. Но что поделаешь? Я полез в сумку за ненавистным задачиком.

— У, какой чистый, — шепотом удивилась Малеева. — Новый купили? Зачем сейчас новый?

— Обертку содрал, — объяснил я. И тут же с полной четкостью вспомнил подшипник, завернутый в газетную обложку от задачника. Старая газетная бумага с кляксами, нарисованным чернилами рыцарем и моей фамилией.

С фамилией... Ой-ей-ей! Какой же я дурак! Ведь там даже школа и класс написаны, а не только имя! И если кто-нибудь найдет подшипник и узнает, что он краденый, сразу мне конец.

Напрасно я успокаивал себя здравыми мыслями, что хозяин подшипника скорее всего и не заметил пропажи, а если и заметил, то, конечно, плюнул и забыл. Не пойдет же он в милицию заявлять о такой мелочи! И не будет же милиция обшаривать все кусты в городе! А если кто-то наткнется на тайник, ну и что? Откуда он узнает, что подшипник этот я не нашел, не выменял, а стащил?

Но, несмотря на такие разумные доводы, тревога разъедала меня, как кислота. Я машинально списывал у Вики примеры и хотел только одного: чтобы скорее задребезжал звонок.

И вот он задребезжал.

Я первым выскочил из класса. Потом из школы. И, как выстреленный из рогатки, полетел к цирку.

Ну, стоило ли так психовать? Все оказалось в порядке. Вот он, круглый газетный сверточек с подшипником. Куда он денется? Я взял сверток в руки.

Странно... Почему он такой легкий?

Я сорвал газету. Вместо подшипника в ней была баночка из-под сапожного крема. Ничего не соображая, ногтями отколупнул я тугую крышку. Там лежал свернутый вчетверо листок из блокнота. Я развернул. На листке была старательно нарисована фигура.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

КНИГИ ОСТАЮТСЯ ЖИТЬ

Долгие годы разные поколения читателей неизменно находили в каждом номере журнала «Пионер» имя Льва Кассиля. Ребята не только впервые знакомились здесь со многими его произведениями. Серьезные мысли писателя, веселая его выдумка, его взгляды на жизнь постоянно присутствовали в журнале, так как Лев Абрамович Кассиль был бессменным членом редколлегии «Пионера».

Лев Кассиль пришел в журнал со своей первой повестью почти юношей и остался в нем на всю жизнь любимейшим автором, другом и советчиком. Вот как он писал об этом в 1949 году:

«В дни 25-летия «Пионера» я и сам чувствую себя юбиляром: ровно двадцать лет назад я впервые встретился с «Пионером», и с тех пор установилось наше крепкое, дружеское сотрудничество...

В «Пионер» я попал благодаря Владимиру Владимировичу Маяковскому... Маяковский настойчиво рекомендовал мне сблизиться с «Пионером»: «Там работают превосходные ребята. Очень люблю этот журнал. Хорошие люди. Все понимают. Идите к ним. Тоже кое-что поймете».

«Пионер», по словам Кассиля, стал его родиной. В «Пионере» постоянно звучал проникновенный голос писателя. И слова его казались только что рожденными, они летели к читателям, всегда согреты теплом, и не остывали.

Льва Кассиля уже нет. Но советские ребята никогда не расстанутся с его книгами, с героями его увлекательных повестей, в которых он с таким искусством и с такой силой сочетал поэзию, чувство и мысль.

Он знал ребят, любил и уважал их, как своих младших друзей. И учил их действовать, осуществлять их мечты, желать и творить хорошее не для себя только, а на общую пользу, на благо своего народа и его будущего.

Все книги Кассиля — серьезный и увлекательный, взволнованный разговор с детьми о жизни, жизни нелегкой, но интересной, полной прелести и романтики труда.

Автор удивительно непринужденно и естественно вел разговор со своими читателями. Умел раскрыть им поэтическое ощущение нашей действительности. Он обладал редким даром — юмором: от прикосновения его тонкого юмора все сверкает, все дышит.

Время не мешает жить книгам Кассиля. То, что было написано давно, не потускнело, а так же, как и прежде, радует и волнует все новых и новых читателей.

И «Кондуит» — его книга о старой гимназии, — и милые мечтатели Леся и Ося, открыватели несуществующей страны Швамбрании, и вратарь республики Антон Кандидов, и Черемыш, и маль-

Лев Абрамович Кассиль.

чик-герой Володя Дубинин из «Улицы младшего сына», и Капка из «Дорогих моих мальчишек», и Коля Дмитриев — юноша-художник из книги «Ранний восход», — как это все наполнено любовью к человеку, гордостью за всех наших советских людей! В одной из последних своих книг, «Про жизнь совсем хорошую», писатель рассказал детям о самом справедливом в истории обществе — о коммунизме.

Нельзя представить ни одного детского праздника, пионерской годовщины, Недели детской книги, чтобы во всех этих торжествах не принимал участия Лев Абрамович. Он умел каждую встречу с ребятами сделать серьезной и в то же время нарядной, праздничной.

Лев Абрамович неустанно думал о том, как лучше воспитать душевную красоту у нашего юного поколения. Он много писал о революционном искусстве, которое воспитывает и переделывает человека. Он наставлял своих читателей помнить и чтить бесценные заслуги ушедших поколений, их подвиги, таланты, их жертвы, их ратные дела.

Книги, учившие жить по-коммунистически — честно, достойно и красиво, — останутся не только в памяти теперешних читателей, но и тех ребят, которые придут им на смену. И те — будущие — тоже станут благодарными читателями талантливых книг Льва Абрамовича Кассиля.

Р. ФРАЕРМАН

Олег АЛЕКСЕЕВ

ГЛАВНОЕ

На лесной опушке

В детстве у меня был неразлучный друг. Звали его Михаилом. Мы жили в лесной деревне, учились в начальной школе. Однажды по весне мы с Мишей забежали на лесную опушку и решили разжечь костер. Набрали сушняка, веток, смолья, приволокли из лесу корягу. Жарко занялось пламя, забило на ветру. Земля на опушке была торфянистой, торф загорелся, дым повалил густо, как из трубы паровоза...

Неподалеку в поле работал трактор. Он вдруг остановился. О чем-то крича, к нам бежал тракторист — Мишин отец. Он еловой лапой сбил пламя, затоптал огонь. Водой из помятого, пахнущего соляркой ведра залил тлевший торф...

Успокоившись, Мишин отец спросил:

— Скажите-ка мне, непутевые головы, а какое у наших колхозников главное богатство?

— Машины, тракторы, — не задумываясь, ответил Миша.

— Молочная ферма, — добавил я. — Птичник, пасека, зерносушилка.

— Не угадали, — сказал Мишин отец. — Главное наше богатство — земля.

— Земля-я? — недоумевая, протянул Миша.

— Да, земля, вот эта самая, по которой ходим. Она дает нам урожай. А машины только

помогают вырастить и убрать его. Земля — богатство. Если бы я не погасил костер — сколько торфу выгорело бы, сколько земли пропало бы...

Мы с Мишей молчали, смотрели на широкое поле. Смотрели так, словно видели его впервые.

— Идем-ка, — сказал Мишин отец и повел нас к пашне. Потом наклонился, разгреб землю, поднял и положил на широкую ладонь маленькое золотистое зерно.

— Осенью оно обернется колосом. А знаете, сколько хлеба вырастет вот на этом поле? Целый вагон! Было несколько мешков зерна, и вдруг — целый вагон хлеба. Разве это не чудо?

Мы жили в деревне, знали, что хлеб растет в поле, но то, о чем говорил отец моего друга, нам никогда не приходило в голову.

Когда пришла осень, я вспомнил слова тракториста. По большаку без конца шли грузовики с зерном. Будто облака, плыли возы льноволонна. В колхозном саду вызрели яблоки величиной с кулак кузнеца. А в омшанике, рядом с пасекой, с утра до ночи гудела медогонка, пахло летним лугом, липовым цветом.

Я вырос, сам стал работать в колхозе. И научился беречь землю. Я узнал, что земля может быть еще богаче. Если ей поможет человек...

БОГАТСТВО

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Самый сильный человек

Самым сильным человеком в деревне был кузнец Михаил. Он шутя поднимал на вилах копну сена, на сенокосе его прокос был куда шире, чем у других. Говорили, что он работает за четверых...

Младший сын кузнеца, Коля, вырос невысокий ростом, плечи — намного уже отцовских. Зимой его послали на курсы трактористов, а когда вернулся, дали трактор. Мальчишки с завистью смотрели на голубую машину на высоких колесах, с кабиной и мягким сиденьем.

— Необыкновенный трактор, — похвастался Коля. — Любую работу умеет делать!

Мальчишки не поверили, покачали головами. Весной трактор вел плуги, пахал, потом возил сеялку. Поднялась на лугах трава, и Коля выехал в поле на тракторе с прицепленной к нему косилкой. Трактор ехал по лугу, оставляя за собой широкий, как дорога, прокос. Даже самые быстрые косари идут медленно, а трактор шел быстро и легко. Лишь на минуту остановил его Коля, для того чтобы вспугнуть притаившегося зайчонка: у косилки острые ножи.

Потом на лугах выросли копны, а Колин трактор выкатился за деревню со странным приспособлением, похожим на огромный гребень и

ковш. Трактор шутя поднимал огромную копну, легко вез и так же легко подавал на стог.

Вырос стог под облака. Гена Каляный посмотрел на его вершину, и с головы у Гены упала на пожню шапка.

А потом трактор стоговал солому, и на поле, будто золотые горы, поднялись зароды. В августе Коля тербил лен, а когда работа была закончена, возил лен в город — на прицепе. Каждое утро по деревне проплывало льняное облако.

— За сто человек парень работает, — похвалил Колю бригадир. Подумав, добавил уважительно: — Механизатор!

И я вдруг понял: он самый сильный человек в нашей деревне.

Сейчас, в последние несколько лет, механизаторами стали почти все наши парни. Потому что без машин — как без рук. И машины в колхозе самые разные: и грузовые автомобили, и легковые, и «газики», и трактора — гусеничные и колесные, и зерновые комбайны, и льнокомбайны. На фермах тоже работают машины.

Механизация как бы **умножает** человеческие силы. Придет такое время, когда каждый колхозник станет механизатором. Потому что каждое, даже малое дело будет **механизировано**.

Новое название

Ранним утром мы с Геней Каляным, взяв новые корзины, отправились в лес за грибами. Шли берегом ручья. Узкий, тинистый ручей петлял между холмов. На пути лежало черное поле — огромный пустырь, заросший осокой, мокрый, с бесчисленными мочажинами.

— Сколько земли пропадает! — вздохнул Гена. — Недаром Гнилым логом зовут... Что это?

На берегу речки работал экскаватор. Огромный ковш вгрызался в вязкую болотную землю, черпал песок пополам с камнями, корягами и водорослями. Пахло илом и травой. Шлепнулся в отвал дубовый кряж, со звоном раскололась облепленная ракушками эсэсовская каска.

Мальчишки нашей деревни стояли чуть в стороне. Смотрели не дыша.

— Ничего не получится, — вздохнул Гена. — Пока речку чистишь — зарастет снова. Тонка ниточка, да длинна.

А экскаватор шел уже напрямик, срезая петли беспокойного ручья. По глинистому глубокому каналу, бурля, хлынула коричневая вода...

В деревне быстро привыкли к экскаватору и его хозяину — молодому парню в армейской фуражке. По вечерам он играл с мальчишками в городки, ходил в клуб, спал на сеновале у Павла Каляного.

Все дальше и дальше в сырые луга продвигалась грохочущая машина. И когда однажды утром вместо привычного грохота мотора люди слышали тишину, то всей деревней собрались у речки.

Чистая и прозрачная бежала вода. Были видны даже мелкие камушки. Мелькнул радужный окунь.

А на Гнилой лог торопились уже другие машины. Они рыли глубокие траншеи. Мелиораторы в брезентовых плащах споро укладывали в траншеи керамические трубы, каждый стык обкладывали мхом-белоусом.

Когда работа была закончена, машины засыпали траншеи землей.

Прошла еще весна, наступило лето. Мы с Геней отправились в лес за ягодами. Шли берегом нового ручья.

Я замер вдруг. Перед нами лежал огромный голубой плес. На месте Гнилого лога цвел лен.

— Какой же он теперь Гнилой лог? — улыбнулся я.

— Правильно, — согласился Гена. — Надо назвать по-новому. Придумал! Голубой лог!

Теперь слова «мелиоратор», «мелиорация» в деревне слышишь на каждом шагу. Удивительное это дело! На том месте, где я в детстве жег костер вместе с дружкой Мишей, стоит стеной пшеница. А на берегу реки, где прежде были только кусты и кочки, скоро зацветет молодой колхозный сад. Мелиораторы расчистили от огромных валунов большое заречное поле, заготовили целые горы торфяной крошки — ценного удобрения.

Новые слова и новые названия приходят в деревню и приносят с собой богатство, радость, свет.

Псковский лен

Зимой тракторист Коля Васильев привез из города на тракторном прицепе целую гору хлорвиниловых тюков с удобрениями и другими химикатами. Тюки сложили в сарае. Коля сделал несколько рейсов, и сарай заложили тюками по самую крышу.

А в начале лета на опушке леса приземлился зеленый самолет, и опушка превратилась в аэродром. Самолет рассеивал удобрения над посевами льна. А когда лен подрос, его снова опылили от сорняков...

Теплым вечером Павел Каляный возвращался со стогования вместе с сыном Генкой. Ехали лугами. До деревни было еще далеко, но Павел не торопил коня. Показалось льняное поле. Высокий и густой долгунец стоял стеною. Золотые головки тоненько звенели на ветру.

Дорогу перебежал огромный рыжий заяц. Он с треском врезался в лен и вдруг забился на одном месте, словно угодил в сети. У Генки не выдержала охотничья душа. Сорвался с повозки и

бросился к зайцу. И тоже увяз в густом долгунице.

Павел с трудом освободил зайца, а потом сына...

А на коня набросились комары. Мерин фыркнул и вдруг затрусил к деревне.

Отец с сыном выбрались кое-как на дорогу, пошли пешком. Генка насупился, опустил голову.

Но Павел улыбался:

— Лен-то... Лен-то какой! Сколько лет прожил — такого льна не видывал. Одно слово: химия!

И вот еще одно новое слово — «химизация». Если машины как бы умножают силу человека, то химические удобрения умножают силу земли, и с одного ее гектара, скажем, собирают столько зерна, сколько собирали прежде с нескольких гектаров. Земли, на которых растет лен, особенно требуют удобрений, и, если их внести, долгунец встает стеной...

Вот и случилось такое...

Сто профессий пилота

Борис ОРЛОВ

«Ми-4» в горах

Однажды мне довелось быть у вертолетчиков Узбекистана в аэропорту Сергели. Осень в тот год выдалась холодной, и в горах неожиданно выпал снег. Геологи, альпинисты, метеорологи оказались в белом плену. На помощь к ним поднялись вертолеты. В один такой полет взяли и меня.

«Ми-4» держал курс в местечко Кранги-Тугай. Нам предстояло забрать метеоролога из засыпанного снегом домика.

— По дороге разбросаем вот этот пруз,— кивнул командир экипажа Саша Сафронов на тюки прессованного сена.

— А зачем? — полюбопытствовал я.

— Для диких животных: кабанов, горных коз... Им ведь тоже сейчас несладко.

Через сорок минут я помогал бортмеханику Джоре Абдумаликову бросать животным обед. Толкнем тюк с сеном в дверь вертолета, упадет он черной точкой в снег, и вскоре видим, как спешат к нему по белому склону рогатые козы.

— Летом соль скоту развозим! — кричит мне на ухо Джора. — На отгонных пастбищах соль — настоящий

деликатес. В горных реках ее почти нет. Вот мы и развозим. Насыпаем в ящики, в старые автопокрышки и разбрасываем...

Сахар тоже возим,— продолжает Джора. — Пчел подкармливаем. Помогаем переселять пасеки ближе к душистым горным цветам. Тысячи пчелиных семей переселили...

— Так кто же вы: летчики или животноводы? — улыбнулся я.

— И животноводы, и пчеловоды, и зоологи, и геологи, и метеорологи... Видите у вершины оранжевый шест? — показал Джора на торчащую из камней высокую палку. — Это снеговая рейка. Наша работа. Зимой по ней метеорологи отсчитывают толщину снежного покрова, определяют силу будущих паводков...

Операция «Март»

Каждую весну отряд вертолетов «Ми-4» и «Ми-8» вылетает из Архангельска в Белое море. Авиаторы помогают охотникам добывать ценного пушного зверя — тюленя-белька.

Словно огромный миноискатель, «прощупывает» сверху землю вертолет-геолог.

Появляются тюлени в горле Белого моря в начале марта, когда приливы и ветры угоняют за ночь льдины за полтора-два десятка километров. И тут вертолеты незаменимы. Они и разведывают лежбища, и доставят людей к месту скопления тюленей, и вывезут добытого зверя. Как огромную «авоську», несет вертолет по воздуху сетку с тюленями.

Вертолет-разведчик на баллонетах-поплавках. Поднявшись с борта судна, он и рыбу разыщет и доложит о ледовой обстановке...

Воздушная статистика

«Ан-2» летит над заснеженной тундрой. Ученые-охотоведы прильнули к стеклам иллюминаторов. С высоты птичьего полета ведут подсчет диких оленей. На земле такой статистикой не займешься: северные олени пугливы и осторожны.

Около трехсот тысяч диких оленей — самое крупное в мире стадо зарегистрировала на Таймыре воздушная перепись.

Биологи с воздуха пересчитывают и лосей, косуль, лисиц, волков, морских зверей, птиц...

«Иду на пожар!»

Вспыхнула огнем тайга. Первым заметил беду пилот-наблюдатель лесопатрульного самолета «Ан-2».

«Земля! Я «Сокол», — летит радиogramма на авиабазу. — Прошу срочно доставить пожарных парашютистов в квадрат 43».

Через несколько минут к месту пожара прибудет таежный десант. Защитные костюмы, парашютные ранцы за спиной, топоры за поясами, маски на лицах — обязательные доспехи воздушных пожарников. Для борьбы с огнем надо уметь и прыгать с парашютом на деревья, и спускаться с вертолетов на капроновых лентях, и знать взрывное дело, чтобы опоясывать огонь вром...

В распоряжении пожарных специальный самолет «Ан-2». За пять секунд он может из любого водоема забрать в отсеки своих поплавков тысячу литров воды. За три секунды выливает воду на очаги огня размером до тысячи квадратных метров.

Охраняет леса от пожаров и реактивный вертолет «Ми-8». На Урале «Ми-8» доставлял к линии огня по две тонны воды. А однажды спустил в помощь таежным пожарникам роторный трактор.

Конец волчьей стаи

Оленеводы предгорья Урала обратились за помощью к авиаторам Салехарда. «Волки осадили стада оленей, мы не в силах справиться», — сообщали они в письме.

К оленеводам вылетел «Як-12». Не успел самолет сделать круг над стойбищем, как пилот заметил, что один из пастухов показывает длинным шестом на заросли. Там волки. Пилот переводит самолет на бреющий полет. Вскоре из кустарника выбежал поджарый хищник. Поравнялись с ним. Стрелок Виктор Марченко выставил в окно самолета ружье.

Шесть волков уничтожил Виктор Марченко в этом полете. А всего на счету опытного авиаохотника двести шестьдесят волков.

«Скорая» в небе

От мастерства пилотов часто зависит жизнь больного.

Сто тысяч вылетов в год совершают воздушные «неотложки» страны. За этой цифрой — тысячи больных, принятых на борт, тысячи литров крови, перевезенной в отдаленные районы для переливания, тонны медикаментов, доставленные в нужный момент.

Раз в году десятки вертолетов и самолетов превращаются в «воздушные поликлиники». Врачи таких «поликлиник» кочуют по пустыням и тундрам, пастбищам и тайге, производя осмотр и лечение пастухов, оленеводов, охотоводов.

Авиаторы — добрые друзья и помощники чукотских охотников.

«Ка-26» — аэрогеолог

Зимой 1949 года маленький самолет «По-2» летел над Тургайской степью. Пилот Михаил Сургутанов торопился доставить груз в геологоразведочную экспедицию. Трасса несложная, погода хорошая — все благоприятствовало полету. И вдруг стрелка магнитного компаса, установленного в кабине пилота, заволновалась. Самолет летел на северо-восток, а стрелка решительно убегала к югу... На следующий день «история» повторилась. Тогда пилот пригласил в очередной рейс опытного геолога... Так было обнаружено знаменитое железорудное месторождение в урочище Сарбай, запасы которого превышают миллиард тонн.

Позднее в том месте вырос город Рудный.

...Летом прошлого года я была на испытаниях геологоразведочного вертолета «Ка-26». Словно огромный миноискатель, висит он над горами. На вертолете установлена геофизическая аппаратура для поиска руд. Километр за километром прослушивает землю «ухо» кольцевой антенны вертолета. Электромагнитный генератор, укрепленный на тросе под фюзеляжем, посылает сигналы к земле. Если в горных складках, над которыми летит вертолет, есть металлические руды, электромагнитные волны, посланные к земле, отразятся. Бортовая аппаратура поймает и тут же расшифрует сигнал с земли: «Под нами рудное тело».

Десятки таких машин скоро придут на помощь геологам.

Авиарыбаки

Уже который день рыболовецкие суда гонялись за скумбрией. Рыба эта хитрая. Ходит у самой поверхности воды косяками. Но поймать ее в сети нелегко. Стоит забросить невод, как, путливая, стремительная, она мигмом скрывается в неизвестном направлении.

Вот и сегодня, казалось, удача сама шла в руки. Эхолоты показывали густые скопления скумбрии под килем. Но всякий раз невода выбирались пустыми. И вдруг знакомый гул над головой. Промысловый авиаразведчик «Ил-14» пришел к рыбакам на помощь. В эфир несутся команды:

— Траулер «Орлан», приступай к замету! Косяк движется на восток...

Разведка рыбы с воздуха — дело не новое. Только раньше было как? Прилетел, обнаружил, своевременно сообщил рыбакам. И все. Сегодня самолет, словно флотоводец, командует с воздуха всей операцией на воде. Пилот-наблюдатель следит за сейнером или траулером до тех пор, пока не убедится, что косяк «окружен».

С самолета хорошо видны эти косяки. Они даже различаются по цвету. У сельди цвет коричневый, у скумбрии — фиолетовый, у минтая — желтый...

Профессия авиарыбака не из легких. Бывают дни, когда один самолет «ставит» на косяки за рабочий день до пятидесяти судов. Это требует большого напряжения.

Инженеры и ученые стараются облегчить труд воздушных разведчиков. Недавно к рыбакам Дальнего Востока прибыл «Ил-14», специально подготовленный для рыбаков. В большом салоне, где размещались пассажирские кресла, сложная поисковая аппаратура. На борту установлено два дополнительных бензобака, позволяющих самолету находиться в воздухе более десяти ча-

Воздушный грузовик «Ми-10».

сов. Но главное — радиационный термометр: прибор, который через каждые две-три минуты измеряет температуру воды в море. Рыбакам это очень важно знать: ведь косяки сельди, корюшки, трески, скумбрии, салаки ходят по океану в поисках теплых вод — там для них пища, там жизнь.

Черная метель

Случилось это в Якутии, на алмазном руднике Айхал. Люди построили здесь обоганительную фабрику. К маю наметили пуск. А воды для промывки алмазных руд нет: весна в эти края приходит поздно, и озеро еще было сковано льдом. Лишь в местах, где снег загрязнен, появились «блюдца», наполненные водой. Известно ведь, что темная поверхность поглощает больше солнечных лучей.

— А что, если помочь солнышку, подчеркнуть озеро золой или угольной пылью? — предложил кто-то.

— Чернить все озеро вручную — недели не хватит, — возразили ему.

Самолет «Ан-2» отлично с этим справился. Он низко кружил над озером, оставляя за собой шлейф угольной пыли. Ровным слоем осела она на снег. А к вечеру следующего дня на озере зарыбились первые волны. На фабрику пошла вода. На двадцать дней раньше, чем у соседей — старателей золота, которые ждали теплого дождика.

Погода по заказу

В Алма-Ате серебряные туманы окутывают землю до шестидесяти раз в году. И в день моего пребывания в аэропорту небо закрыл непроглядный туман. Висеть бы ему над летным полем не одни сутки, если бы...

— Сейчас восемь утра, — сказал аэролог Илья Алексеевич Костюков. — К девяти обеспечим пилотам летную погоду...

Мне казалось, что меня разыгрывают. Но вот мы уже в самолете «Ил-14».

— Сначала «побегаем» по полосе, — объясняет мне Костюков. — Разгоним туман на земле.

— Включить «метель», — командует он молодому помощнику Лене Бурцеву.

Специальный аппарат на борту размельчил в белую крупу лед уголекислоты — тот самый сухой лед, что обычно лежит в ящиках у мороженщиц. Если этой ледяной крупой густо «посолить» туман, то капельки влаги замерзнут, скристаллизуются, и туман выпадет на землю снежной порошей.

Делаем первый «посев». Узкая струйка ледяных зерен тянется за хвостом самолета. Когда в конце полосы самолет разворачивается, я замечаю, что бетонка побелела от выпавшего снега. Улучшилась видимость. Чтобы высветить над полосой «солнечный коридор», нам пришлось изрядно поутюжить небо. Тут нужно особое мастерство пилота. Курс полета должен быть точным: чуть отклонился, и рассеешь туман в стороне от летного поля.

Через час над аэродромом образовалась зона хорошей видимости, засияла полоса чистого неба. Сверху было видно, как на старт рулит первый взлетающий самолет. Путь самолетам открыт!

— Говорят, вы мастер не только разгонять туманы, но еще и дожди вызывать? — обратился я к Илье Алексеевичу.

— Было такое. Три года назад. Стояло очень жаркое лето. Чтобы не допустить сильного таяния снега в горах и наводнений, мы оберегали вершины от теплых дождей. Подстерегали дождевые облака, которые двигались в сторону гор, и стреляли в них с помощью ракетниц, заряженных специальными химическими веществами. Туча тут же проливалась дождем...

Лошади

А. НЕСТЕРОВ

...Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.
Вот и все. А все-таки мне жаль их,
Рыжих, не увидевших земли.

Б. Слуцкий

А все же лошади те выжили...

Когда тонули корабли,
до берега добрались рыжие,
стряхнули воду — и пошли!
Они пошли бродить по свету,
пошли разгуливать печаль.
Мне кажется —

свистит не ветер,
а лошади несутся по ночам...
Они бегут от глупой смерти,
от океанской злой воды,
как убегает грусть от смеха,
как все живое от беды.

Я их за городом встречаю,
пасутся мирно на лугу.
И, грустно головой качая,
о прошлом память берегут.
И поднимают к небу морды,
ведь небо, океан — родня...
Я лошадей не видел мертвых,
они бессмертны для меня.

*

Зима уходит постепенно,
с себя снимая маскхалат.
И наостrenно, как антенны,
деревья голые стоят
и ловят жадно позывные.
Они известий новых ждут:
чем дышит, чем живет Россия.
...Деревья Родиной живут.

*

Не стоит врагов наживать.
Врагами гордиться — пустое!
Сумей там, где надо, смолчать!
И драться, пожалуй, не стоит.

Мы люди! Дружить наш удел,
пусть ссоры навечно сотрутся...
Будь честен! Будь честен и смел —
враги непременно найдутся.

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

Владимир СУДОМА

Алешкины обиды

РАССКАЗ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

На целый километр по речке Снеже растянулась деревня Старина. Посреди — ветхий, зацветший зеленью дом бабки Марьи. В начале каждого лета к бабке приезжает из Мурманска дочь, полная, строгая женщина, и привозит сына Алешку. Погостив немного, дочь уезжает, а Алешка остается, чтобы целыми днями пропадать на Снеже.

Алешке в этом году исполнилось девять. Он маленький и очень худой. Несколько лет у него болели легкие, пятнистый румянец выступал на щеках, и мурманские бабушки от-

таскивали от него детей, шипя: «Туберкулезный!» Алешка выздоровел, но еще не оправился после болезни и часто ходил задумчивый и грустный.

Похожим на других ребят он делается на Снеже: так же задорно машет удищем и плюет в воду. Но что толку, здоровые деревенские ребята все равно равнодушны к нему: они уважают силу. Поэтому у Алешки и нет еще в Старине настоящих приятелей.

Вдобавок всем на смех, когда начинается дождь, на берег выбегает бабка Марья и чуть

ли не хворостиной гонит Алешку домой. На всю деревню слышен ее пронзительный голос:

— Всыпала б, кабы тебя по врачам не за-
тытали!

Алешка становится у окна, сквозь мутные подтеки смотрит на Снежу, и глаза его темнеют — точь-в-точь распузырившаяся Снежа. Его тянет на улицу. Он завидует мальчишкам, которые мокнут на Снеже. По рыбацкому поверью, в дождь рыба лучше клюет.

У Алешки есть друг, и еще какой! По субботам из города приезжает на велосипеде Алешкин дядя — Валюха, в белой рубашке, в остроносых ботинках, и как будто привозит с собой праздник.

Он улыбается Алешке и спрашивает:

— Бабка тебя еще не загрызла?

Алешка хохочет.

— Нет!

— Мать не приехала?

Алешка мрачнеет.

— Ну и радуйся. Вдвоем обязательно загрызли б. По себе знаю, — говорит Валюха.

Но Алешке Валюха вовсе не кажется загрыженным. Наоборот, бабка при его появлении начинает суетиться и жарит любимую Алешкину яичницу. Валюха то и дело подшучивает над бабкой. Бабка обороняется:

— Балалайка ты, балалайка.

Но разве переспоришь Валюху?

Валюха переодевается, собираясь ехать на Полисть, натягивает рыжие рыбацкие сапоги, приторачивает к раме велосипеда удочки и сажает Алешку.

Велосипед скрипит, кричит, но набирает скорость. С гогом разлетаются деревенские гуси, а сзади бежит орава мальчишек и качает:

— Вальк, дай крючок.

Валюха настолько знаменитый рыболов, что даже его крючки считаются счастливыми. Алешка гордо восседает на раме.

Едут по узкой тропинке прямо через лес. Велосипед подпрыгивает на корнях осен, трещит сушняк. Алешку бросает в жар: а вдруг что-нибудь лопнуло в велосипеде?

Полисть медленно течет в ивовых берегах, лишь на повороте за зеленым валом желтеет отмель. На нее-то и выбирают Валюха с Алешкой.

Лещей ловят на «секретную» приманку — круто сваренную в марле манную кашу, только ее и не трогает всеядный ерш, от которого рыбаку порой тяжелее отвязаться, чем от комаров. За этими удочками следит Валюха.

Алешка ловит на червя живцов, чтобы ими наживить донки — длинные лесы с крючками, грузилами и колокольчиками. Попадаются большие ерши, их Алешка пускает в стеклянную банку с водой. Перед вечером ставят донки, и когда начинает темнеть, Валюха, как коня под уздцы, выволакивает полуметрового судака, а то и двух.

Этим летом Валюха долго не приезжал, хотя бабка жарила по субботам яичницу. В до-

вершение этой беды у Алешки начался кашель, и бабка не выпускала его на улицу. Приходилось, как при дожде, сидеть у окошка.

А что окошко? Алешка вчера так и не рассматрел, что за рыбу поймал Демин Колька, леща или окуня, уж больно быстро тот сунул ее в торбешку, которая долго прыгала по берегу.

Но Валюха приехал. Он, как и прежде, похотел с Алешкой и стал собирать снасти.

Вошла бабка и, пока Валюха готовился, рассказывала ему деревенские новости. Валюха не слушал ее, отмахивался руками и над чем-то смеялся. Напоследок с какой-то ехидцей бабка обронила:

— Светка Липодеева приехала.

— Когда? — Валюха остановился.

— Еще во вторник.

Валюха отставил в сторону сапоги, сунул в рот папиросу и с преувеличенной веселостью сказал Алешке:

— Наше где не пропадало! Поедем на утреннюю зорьку. На вечерний лов уже опоздали.

Алешка видел по солнцу, что на вечерний лов ехать самое время, потому сказал:

— Врешь ты, дядя. Солнце-то вон как высоко.

— Ты маленький, вот оно тебе и кажется высоко. — Валюха улыбнулся, но улыбка получилась такой кислой, что Алешка понял: на рыбалку они не поедут.

— В полтретьего подыму, — сказал Валюха, оставил все разложенным так, как есть, и направился к деревенскому клубу.

Алешка проснулся в два часа. Валюхи все еще не было. Алешка решил дожидаться его на улице и потихоньку вышел.

Ночь была серой и теплой. На дальних болах ухала выпь, звук был такой, будто кололи дрова.

Алешка сел на крыльцо и задумался. Думал он о матери, как она когда-то осталась с ним в деревне, даже сидела за его спиной на берегу, когда он ловил рыбу. Как это было хорошо! Думы перешли на Валюху, и Алешка невольно улыбнулся.

В доме старинные часы ударили раз, два, три. Три часа! Алешка вскочил, его охватила тревога. Валюха не придет. И, как бы в подтверждение, у клуба заиграла гармонь и пошла, повела кого-то за деревню. Наверное, и Валюху.

От Валюхиного обмана закружилась голова. Алешке захотелось схватить камень и запустить им в окошко. Пусть все, все узнают, что его обманул Валюха.

Но Алешка опомнился. Ему показалось, что он наконец нашел потаенную черту окружающих — все они обманщики. Но сегодня его не обманут, он сам пойдет на Полисть. Один!

Брать тяжелые лещовые удочки Алешка не стал, взял две легкие, для ловли живцов. Положил в карман банку из-под леденцов, на-

Наконец Алешка уселся возле удочек.

битую червями, и две донки на судака, намотанные на дощечки.

За деревней на него черной стеной надвинулся лес, пахнуло сыростью и терпким ароматом хвои. Тропинка нырнула под сосны в густую темноту, словно в пещеру. Алешке стало страшно, он вспомнил, что в этом лесу водятся волки. Так и есть — вот один сидит, и даже тускло мерцает оскаленная пасть.

Через секунду Алешка рассмотрел, что это старый пенёк с расщепленной верхушкой. Но страх не проходил, страх усиливался, и Алешка остановился, потоптался на месте и уже хотел повернуть назад, как за спиной, там, где должна быть деревня, снова запиликала гармонь и кто-то запел частушку. «Валюха гуляет», — решил Алешка.

«Ну и пусть гуляет», — со злостью подумал он и шагнул вперед. Страх не проходил, но сильнее страха была обида.

Сколько раз обманывала мать, говорила, что скоро придет, бабка не в счет, бабки словно созданы для того, чтобы обманывать внуков. «Съешь каши, завтра выздоровеешь».

Теперь Валюха. Хоть бы правда съел волк, все бы заревели, вспомнили свой обман — и мать, и Валюха, и бабка.

От этих мыслей у Алешки на глаза навернулись слезы, хотелось заплакать громко, во весь голос, но вокруг стоял лес — спокойный,

строгий, и страшно было нарушить его тишину.

Вскоре Алешка выбрался на отмель. Вода в реке стояла сонная, в тени прибрежных кустов черная, как деготь. Вниз по течению реки плыл предутренний туман, отчего казалось, что вода течет вспять, а туман стоит на месте.

Алешка размотал и закинул удочки. Чтобы не терять времени даром, подготовил донку — уложил лесу кольцами у воды — в любой момент насаживай живца и бросай.

Наконец уселся возле удочек. Начало светать, и высоко в небе на востоке, как красная ладя, поплыло облако.

Поплавок ушел под воду. Алешка подсек и вытащил здорового ерша. Отложил удочку и, насадив ерша на кованный крючок донки, забросил снасть в конец ямы, туда, где крутит воронки струя воды. Оставил запас лесы и крепко привязал конец донки к вершине нависшей над водой ветви ивы.

Взошло солнце. Теперь поплавки беспрерывно плясали и ныряли под воду. Алешка одного за другим выбрасывал на берег подлещиков в ладонь величиной, пучеглазых ершей и уговаривал замерший после поклевки поплавок:

— Ну дерни, ну еще, еще...

Рядом зазвенел колокольчик. Донка!

Учение с увлечением

С. СОЛОВЕЙЧИК

С шипением уходили в воду запасные кольца лесе, вершина куста, к которой был привязан конец донки, согнулась и забила по воде.

Алешка вскочил по колени в воду, но леса ожгла ладонь и вырвалась. Алешка потерял равновесие, шлепнулся в воду, встал и, уцепившись за лесу, выбрался на берег.

Рывки ослабли, но леса шла тяжело, будто на конце ее сидела здоровенная коряга.

К поверхности приблизилась черная рыба и ударила хвостом. Алешку с ног до головы обдало мокрым песком и водой. Он отпустил лесу, дал рыбе нагуляться и вновь потащил.

Рыба вышла на отмель и сразу стала из черной стального цвета с латунными искрами. «Судак», — определил Алешка и схватил рыбу руками.

В ладони словно ударило током, отбросило в сторону, и судак пошел в глубину. По лесе, круто уходившей вниз, заскользили с ладоней красные капли воды.

«Колючий, как еж, не вытащишь», — с отчаянием подумал Алешка, задерживая лесу. Позади что-то зашуршало, и рядом с Алешкой в воду прыгнул человек.

«Валюха», — узнал Алешка.

Валюха схватил лесу и захрипел:

— Врешь, не уйдешь!

Судак подошел, растопырив плавники, — попробуй схвати руками, но Валюха упал на него животом, так и выволоч на берег, как бревешко, не замечая, что белая рубаха вся в песке, а из ботинок тонкими струйками льется вода.

«Прямо с гулянья», — понял Алешка и пытливо взглянул в Валюхино возбужденное лицо.

Валюха вынес судака на берег и бросил в оплывший от времени окоп. Чертыхаясь, вынул пачку размоченных сигарет, нашел, какая посуше, и щелкнул зажигалкой.

— Одного? — через дым спросил у Алешки.

— Одного.

Помолчали.

— Если б ты не обманул, может, еще поймали бы, — сказал Алешка.

— Теперь не обману. Все вечерние зори наши, — с горечью ответил Валюха. Лицо у него было темным.

Алешка понял, что в клуб Валюха не пойдет. Его там, видно, обидели. Но это Алешку почему-то не обрадовало.

— Жизнь — это, брат, не одна рыбалка, — серьезно и как-то виновато сказал Валюха и далеко щелчком отбросил окурочек.

Алешка посмотрел на судака, на свои руки, ободренные лесой и колючими плавниками, внезапно вспомнил события ночи, вспомнил, как шел по лесу, и это показалось значительным, даже более значительным, чем пойманный судак. И почему-то не сохранилось обиды на Валюху. Что-то в Валюхиных словах было близким и понятным. Алешка прошептал:

— Я знаю.

На свете есть два вида занятий: учение с мучением и учение с увлечением.

Учение с мучением — дело известное. Бродишь, бродишь по комнате и никак не заставишь себя сесть за стол и открыть книгу. Наконец откроешь, а в ней все непонятно, все скучно, все ненавистно. Ну ладно, сегодня кое-как выучишь урок. А завтра ведь опять садиться за учебники. Опять это мучение!

Но знаете ли вы, что такое учение с увлечением? Какое это счастье — торопиться домой, чтобы скорее сесть за книгу? Какая радость братья за трудную задачу по физике, вертеть ее так и этак, прикидывать — может, получится? Не-ет, не выходит... А если попробовать по-другому? Ура, просвет! Неужели просвет? В душе что-то зажигается, предчувствие решения волнует, вы в нетерпении пригибаетесь к столу, и, если кто-нибудь окликнет вас в эту минуту, вы вздрогнете, оглянетесь в недоумении: «Что случилось? Разве в мире есть еще что-нибудь, кроме этой задачи?» Просвет, просвет, предчувствие успеха, — а вот и сам успех, вот решение... Да такое неожиданное, такое простое и ловкое... И на следующий день вы опять никак не дожидаетесь того часа, когда можно будет взяться за учебник или задачник. Жизнь получается хорошая, совсем счастливая. Учение с увлечением — счастливая жизнь. Таков закон.

Но в чем дело? Почему у одних людей учение с мучением, а у других — учение с увлечением?

Почему одни счастливы в школе, а другие несчастны?

Почему у одних хорошая жизнь, а у других плохая? Несправедливо.

Не на всякое «почему» есть точный ответ.

Когда я учился в школе, меня однажды выбрали в учком. Мы в учкоме очень хотели добиться полной успеваемости в нашей школе. Мы вызывали двоечников на свои заседания, ругали их, стыдили и брали с них слово исправиться. Мы «прикрепляли» к отстающим отличников; в конце четверти мы бегали за учителями и уговаривали их переспросить такого-то и такого-то. Ничего не помогало!

Однажды, отчаявшись, мы пришли к заве-

дующей учебной частью школы Елизавете Алексеевне Редькиной. Это умная, строгая и справедливая женщина. Ее любила и уважала вся школа. Она заслуженная учительница и в то время была депутатом Моссовета.

Мы подошли к ней гурьбой и сказали:

— Елизавета Алексеевна! Ну что нам делать? Бьемся, бьемся, уже сами учиться почти что перестали, целыми днями пропадаем в школе... А двоек не уменьшается!

Елизавета Алексеевна обвела всех нас взглядом, помолчала и ответила:

— Если бы кто-нибудь знал, что же делать с двоечниками, давно, ребята, сделали бы без вас...

Но никто не знает!

Никто не знает.

Некоторые считают: все дело в силе воли. У кого есть воля, тот каждый день делает все уроки, не отстает от класса — вот он и хорошо учится. А у кого не хватает своей воли — тому нужна воля посторонняя: воля учкома, или воля учителей, или воля родителей. Нужно, чтобы его заставляли учиться.

Но чем больше нас заставляют, тем больше мучения приносит учение! Увлечение и принуждение — враги. Принуждение съедает увлечение.

Что же все-таки делать? Как вырваться из этого заколдованного круга?

Кажется, такой выход все-таки есть. Но этот способ еще никто в мире не пробовал, и неизвестно, помогает он или нет. Это не теория, а гипотеза, то есть предположение. Давайте проверим эту гипотезу все вместе, каждый на себе. А вдруг нам удастся хотя отчасти решить проблему «учения с увлечением»?

Все читатели «Пионера» приглашаются принять участие в важном эксперименте!

Когда врачи открывают новую вакцину, они иногда пробуют ее на себе — делают себе прививки. История медицины знает много таких случаев. Это очень опасные опыты. Порой они кончались смертью ученого. Но они были необходимы.

Наш опыт необходим, но безопасен. От него никто не умрет.

Риска и мужества ни от кого не требуется. Нужно только желание помочь человечеству.

Отнеситесь, пожалуйста, к этим словам со всей серьезностью. Если наш опыт удастся, если мы докажем правильность предположения, которое будет высказано здесь, то **КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕЗАВИСИМО ОТ ЕГО ВОЛИ И СПОСОБНОСТЕЙ СМОЖЕТ УЧИТЬСЯ С УВЛЕЧЕНИЕМ!**

В чем же заключается подлежащая проверке гипотеза? Об этом чуть позже. Сначала

ла две истории: одна очень известная, другая известная не всем.

Гениальная мысль Тома Сойера. Все помнят: тетя Полли решила наказать Тома и превратить его праздник в каторжную работу. Она дала ему жестяное ведро с известкой и заставила в субботу, в свободный день, белить забор неимоверной длины и высоты. Жизнь показалась Тому бессмыслицей, существование — тяжелой ношей. «И вдруг, — пишет Марк Твен, — в эту черную минуту отчаяния на Тома снизошло вдохновение! Именно вдохновение, не меньше — блестящая, гениальная мысль».

Гениальная мысль Тома Сойера заключалась, как вы помните, в том, что скучную работу можно представить как увлекательную. Мальчишки, друзья (да и враги!) Тома готовы были отдать все свои богатства за право хоть несколько раз мазануть кистью по забору. Ничего не изменилось: тот же забор, та же известка, тот же субботний день — но побелка забора стала праздником. Том Сойер превратил каторгу в праздник.

История с соломенными шляпками. Одно-го немецкого революционера в конце прошлого века посадили на много лет в тюрьму, в одиночную камеру. В этой тюрьме арестантов заставляли с утра до вечера плести соломенные шляпки. Нет более нудного занятия. Многие заболели, сходили с ума от однообразия дней, недель, месяцев и лет. Скука очень опасна для здоровья. Скука вреднее простуды, голода и всех других лишений.

Революционер, о котором идет речь, понял, что единственный путь к спасению — заинтересоваться работой. Самому заинтересоваться! Он стал придумывать новые узоры, он соревновался с самим собой — старался плести быстрее. Он увлекся плетением дамских шляпок и радовался этой работе! А радость очень полезна для здоровья. Она помогает переносить любые лишения. Революционер выжил, и дух его не был поколеблен.

Из двух историй — два вывода.

ВЫВОД ИЗ ИСТОРИИ С ЗАБОРОМ: на свете нет дел, интересных самих по себе или скучных. Побелка забора может быть каторгой, а может — праздником. Все зависит от точки зрения, от того, как вы относитесь к делу, каким оно предстало перед вами. Значит, всякое дело в принципе может быть очень интересным для вас.

ВЫВОД ИЗ ИСТОРИИ С СОЛОМЕННЫМИ ШЛЯПКАМИ: человек может сам найти что-то интересное в ужасно скучном занятии, сам может заинтересоваться им.

Вот этот второй, казалось бы, очень простой вывод и предстоит проверить.

Может ли каждый человек сам, по своему желанию, заинтересоваться скучным для него делом?

Есть очень много научных работ и книг о том, как заинтересовать ученика занятиями, как сделать урок интересным. Это книги для учителей.

Но в мире нет ни одной книги о том, как самому заинтересоваться скучной работой, самому отыскать в ней интерес, самому увлечься!

Давайте возьмемся за дело! У «Пионера» много читателей, больше миллиона. Если каждый примет участие в опыте — предположение будет или доказано, или окончательно отвергнуто, что тоже важно для науки.

Люди всегда были уверены, что Солнце ходит вокруг Земли. Оказалось, наоборот: Земля вращается вокруг Солнца. Очевидное не всегда правильно.

Каждый знает: скучную работу мы делаем нехотя, плохо; интересную — хорошо.

А что, если все происходит наоборот? Если не качество работы зависит от интереса, а интерес от качества работы?

Как Том Сойер завлекал мальчишек да и себя самого завлекал? Вместо того, чтобы лениво водить кистью по забору, он вдруг — и это далось ему очень легко — стал работать с упоением художника.

Как спасался от смертельной скуки революционер? Он стал делать соломенные шляпки так хорошо, как только мог.

ВЫВОД: чтобы скучная работа стала интересной, надо делать ее не как всякую другую работу, а наилучшим способом!

На первый взгляд это кажется трудным и нелепым. Но ведь и мысль о том, что Земля вертится, тоже долгое время казалась нелепой. В нашем опыте мы идем против очевидного. Мы пробуем научиться управлять тем, чем до сих пор люди управлять не могли, — своим собственным увлечением. Конечно, это нелегко, это не может быть легко, иначе люди давно научились бы этому. Но вы представляете себе, что значит научиться управлять своими интересами? Такой человек совершенно непобедим. Например, его невозможно наказать. Любое наказание он превратит для себя в праздник и посмеется над наказавшим, как Том Сойер над тетей Полли.

Кто сможет вызвать у себя настоящий интерес, тому не нужна будет даже воля, ему никогда и ни в чем не придется заставлять себя. Интерес сильнее самой сильной воли!

Как ведет себя человек, когда ему интересно? Приступая к работе, он потирает руки. Он улыбается.

А я делаю **все наоборот**. Начиная **скучную** работу, я нарочно потираю руки, как сделал бы это от удовольствия, я говорю своей работе: «Я люблю тебя!» И, представьте, от этого смешного упражнения моя работа не так скучна. Если при скучной работе я стара-

юсь делать все точно так, как при самой интересной, то мне и вправду становится очень интересно!

Итак, вы приглашаетесь принять участие в этом трудном эксперименте.

Два серьезных научных вопроса стоят перед нами:

1. **Может ли КАЖДЫЙ человек сам управлять своими интересами? Сам превращать скучное занятие в интересное?**

2. **Верно ли, что, если человек старается сделать скучную работу хорошо, как художник, ему становится интересно?**

Понятно: для того, чтобы проверить самое важное здесь слово — «каждый», в опыте и должен принять участие **каждый!** Таким образом, успех опыта зависит именно от вас.

Как только вы прочитаете журнал, в тот же день отправьте в «Пионер»

ПЕРВОЕ ПИСЬМО:

Меня зовут... Я учусь в ... классе.
Самый скучный для меня предмет —...
Я приступаю к опыту с этим предметом
с ... сентября.
Учение с увлечением!

Принимаясь за дело, никому не говорите об этом — так будет лучше для чистоты опыта. Можно сказать только самому близкому другу или подруге: опыт хорошо проводить вдвоем или втроем. Продолжать опыт надо долго, целых две недели. А ровно через четырнадцать дней — не пропустите срок! — обязательно, даже в случае полной неудачи, отправьте

ВТОРОЕ ПИСЬМО:

Меня зовут ... Я из города (из села)...
Учусь в ... классе. Я продолжал опыт ...
дней. Опыт удался (не удался). По-
моему, человек может (или не может)
сам заинтересоваться скучным делом.
Учение с увлечением!

После этих коротких ответов как можно подробнее опишите ваш опыт.

А в следующих номерах «Пионера» мы расскажем еще очень много важных вещей насчет учения с увлечением. Ведь это только начало!

ОТ РЕДАКЦИИ «ПИОНЕРА»: «Пионер» устанавливает 50 премий для тех ребят, кто напишет самый подробный отчет о своем опыте — удачном или неудачном. Премия — интересная книга.

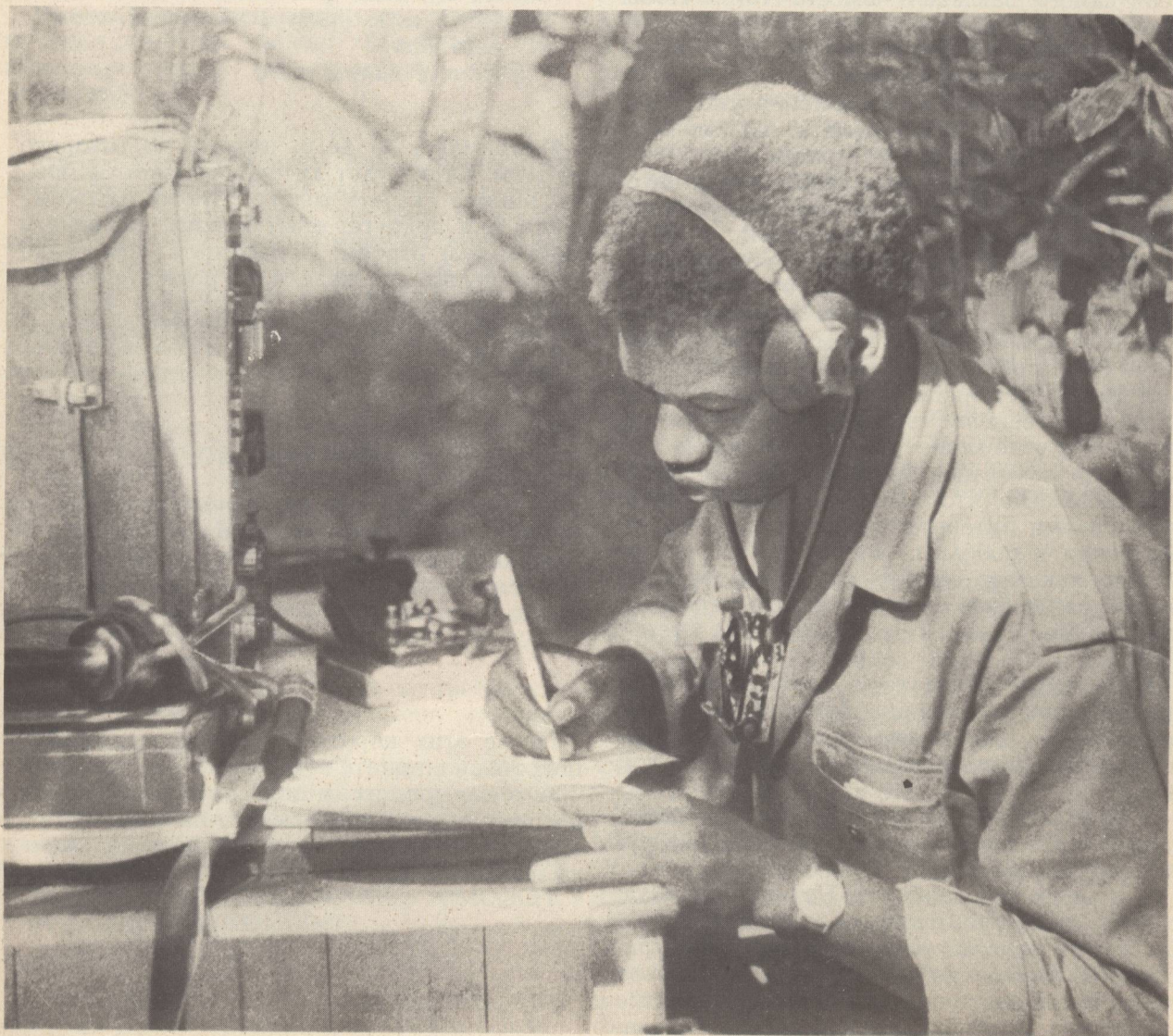

ОНИ ПОБЕДЯТ

В. ИГНАТЕНКО
Фото автора.

Марселино да Силва тоже воспитывался в интернате. Теперь его имя знают повсюду, на всех фронтах Гвинеи. Он пришел в партизанский отряд пятнадцатилетним и вот уже много лет не выпускает из рук автомата. Дважды Марселино был тяжело ранен. Потерял ногу...

Военный радист.

Бойцы-автоматчики.

Между республикой Гвинеей и Сенегалом лежит маленькая страна со столицей Бисау. Она тоже называется Гвинеей, но на карте обозначена как португальская колония.

Восемь лет сражается гвинейский народ с колонизаторами. Восемь лет он, как и народы других португальских колоний — Анголы и Мозамбика, вытесняет угнетателей с родной земли. Свободны уже две трети территории Гвинеи. В освобожденных районах есть школы, больницы, магазины, даже первые крестьянские кооперативы. Против тугов, как здесь презрительно называют португальцев, отважно действуют народная армия и партизанские отряды.

На восточном фронте сражающейся Гвинеи я оказался после долгой, тряской дороги по джунглям. Потом присоединился к автоматчикам и почти месяц шел боевыми партизанскими тропами. Перед нами по этим местам проходили португальцы. Они отступали поспешно, бросая убитых, раненых, оружие, машины...

Однажды наш отряд повстречал на пути народный интернат. Там воспитывались мальчики и девочки, у которых родители в армии. У многих ребятшек пап и мам не было вовсе: они погибли в боях.

Интернат хорошо засекречен (о его расположении знают только командиры), впереди него надежные кордоны автоматчиков и партизан, враг никогда уже не вернется на эту землю, и все-таки каждый день и каждый час ребятам угрожает опасность. Это воздушные налеты.

Когда самолеты португальцев обнаруживают интернатские хижины, ребята быстро собирают книжки, миски и ложки, аккуратно укладывают парадную голубую форму и вместе с учителями уходят в джунгли искать

новое место для жилья и учения. Трижды до нашего прихода бомбили португальцы интернат. Директор Жозе Дуарте подсчитал, что на каждого его подопечного пришлось по пяти бомб. И все же живет интернат — первое учебное заведение на свободной территории, учит ребятшек грамоте, добру, любви к отчизне, ненависти к колонизаторам.

Нам трудно себе представить класс, где на столе учителя рядом с букварем и указкой лежит автомат. Но здесь, на фронте, учитель всегда готов с оружием защищать своих учеников.

В обозе нашего отряда было немного лакомств. И я с собой кое-что нес. Как удалось мне сохранить на африканской жаре московские шоколадки, до сих пор непонятно. Зато какой пир устроили дети! В тот вечер я рассказывал своим новым друзьям про Советский Союз и наших пионеров. Вместе с бойцами ребята сочиняли сказки про колонизаторов и героев-партизан. Иногда кто-нибудь забывал название отвоеванных партизанскими форта, и все ребята хором подсказывали.

Поздно ночью воспитанники интерната сели за письмо советским пионерам. Мы, взрослые, светили им фонариками, а они старательно выводили:

«Дорогие советские пионеры! Мы приветствуем вас из далекой и жаркой Африки. Желаем вам хороших отметок в школе, успехов в спортивных состязаниях, здоровья. Мы очень любим вас и, когда разобьем колонизаторов, обязательно пригласим вас в гости. Мы победим!»

Это письмо мы привезли в Москву и, как обещали, передаем его вам, дорогие читатели. Жаль только, что не так легко будет ответить на него: интернат все время под угрозой бомбежек, а стало быть, в пути...

Дирекция театра «ФОНАРИК» благодарит всех ребят, которые прислали нам свои пьесы, эскизы костюмов и декораций. Куда только не приглашали нас на премьеры — и на остров Сахалин и на Кубу, где девочки организовали свой театр. В письмах ребята задали много вопросов: как оформлять спектакли, придумывать костюмы. А письмо Саши Долгинова, сейчас уже шестиклассника из Москвы, показалось нам таким интересным, что мы решили напечатать его в журнале.

Кто рисует правильнее? ~ вот какой вопрос задал

Саша

Когда я нарисовал костюмы к пьесе «Город дураков», один мой товарищ сказал, что я нарисовал неправильно, а что в журнале «Пионер» нарисовано правильно. Потому что там рисовал настоящий художник и он лучше знает. Я с ним не согласился.

Однажды я видел два спектакля по пьесе «Три толстяка» — один во МХАТе, а другой в Центральном Детском театре. Во МХАТе оружейник Просперо был одет в красную рваную рубаху, а в ЦДТ он был одет в трико, как в балете.

В этих двух театрах два разных художника, и каждый видит Просперо по-своему. Кто же лучше знает?

Так сравнивать нельзя. Дело не в том, кто лучше знает, а кто как видит. Если десять человек нарисуют короля из сказки «Город дураков», то все они будут разные.

Некоторым людям кажется, что король должен быть толстым, жадным, некоторым кажется, что король должен быть похож на рыцаря в доспехах. Мне кажется, что король должен быть в короне, в мантии, в перчатках и широких сапогах.

Я знал, что шериф относится к полиции. Мне кажется, что шериф из сказки может быть под видом мушкетера: в большой шляпе с перьями, с пышными рукавами, ведь в пьесе «Город дураков» шериф — это приказчик короля.

Потом я нарисовал двух других шерифов в желтой каске и с копьем и полосатого, но они мне понравились меньше.

Трубочиста я нарисовал во фраке и в цилиндре, потому что мне кажется, что это самая черная одежда. Лицо у него измазано сажей. Пекарь обычно похож на белую булку. Рыжая Мери, раз она не русская, а англичанка, может быть одета в джинсы и с гитарой.

Декорации: горы, лес, город и речка — это все нарисовано на большом куске материи.

ДОЛГИНОВ Саша,
5-й класс «а» 112-й школы г. Москвы.

Стветить Саше мы попросили главного художника Центрального Детского театра ЭДУАРДА ПЕТРОВИЧА ЗМОЙРО. Это в его декорациях смотрел Саша спектакль «Три толстяка».

Если десять художников будут оформлять один спектакль, то их решение спектакля, конечно, будет непохожим. И это очень хорошо. И ты безусловно прав в споре со своим товарищем.

Ты пишешь, Саша, что, если десять человек будут рисовать короля из «Города дураков», — все короли будут разные. Да, разные. Но как узнать, какой костюм лучше других? (Я говорю, костюм, так как ты рисуешь персонажей пьесы-сказки.)

Трудно узнать, но можно. Можно найти лучший костюм, и этот поиск для тебя, Саша, как для будущего художника полезен. Ведь ты сам, прежде чем нарисовать, думаешь, какой должен быть король. И в твоём воображении мелькает очень много королей, которых ты уже видел в книжных иллюстрациях, в театре, в кино, по телевизору и даже на шахматной доске.

Ты сначала его придумываешь, а потом рисуешь. Эти два явления очень тесно переплетаются друг с другом по времени, у многих это бывает почти одновременно, но все же придумка перегоняет руку, и в конечном счете ты рисуешь то, что придумал. Так что мы с тобой установили: надо придумать, а потом рисовать.

А как короля придумать? Ты пишешь: некоторым людям кажется, что король должен быть толстым, жадным, что король должен быть похожим на рыцаря в доспехах. Тебе же кажется, что король — в короне, в перчатках, в мантии и сапогах. Тут нет разногласий, и тебе и «некоторым людям» кажется одно и то же: корона и

мантия не мешают королю быть толстым и жадным, так же как перчатки и широкие сапоги. Дело не в этом.

Дело в том, каким он должен быть. Это — самое важное. Самое главное не сапоги и не шляпа, а характер того человека, которого ты рисуешь. Из десяти рисунков короля ты сумеешь определить лучший только в том случае, если точно будешь знать, каким должен быть король. Неважно, что у него на голове корона, а ноги в сапогах, важно, что он жаден и глуп, что он считает свой народ дураками, а на самом деле сам дурак. В пьесе Владимира Лифшица «Город дураков» действуют трудовые люди города, которых король и его подручные считают дураками. На самом же деле трубочист, пивовар, пекарь талантливее и умнее жадного и глупого короля.

Значит, для короля (и для артиста, играющего эту роль) лучше всего подойдет тот рисунок из десяти, в котором ярче изображен глупый и жадный дурак король. Лучшим будет наверняка тот рисунок, который точнее выражает мысль пьесы. И костюмы на артистах лучше те, которые точнее передают характер персонажа. Есть что-то главное для каждого персонажа и в пьесе-сказке «Город дураков». И это главное должно быть изображено.

Ведь первый придумал сказку автор. И все те, кто ее иллюстрирует или ставит на сцене, стараются нарисовать так, чтобы ярче выразить то, что задумал автор. Это не значит, что необходимо слепо следовать букве текста.

У Ю. Олеши, автора сказки «Три толстяка», ничего не говорится о волосах трех толстяков, а во МХАТе, если ты помнишь, у трех толстяков волосы золотые. Это фантазия художника Батурина, но она настолько точно и органично сливается с авторским замыслом, что не является чужеродной.

У тебя очень красивые рисунки, Саша, и хорошее чувство живописи. И теперь тебе надо больше думать над тем, что ты рисуешь и для чего. Трубочист во фраке может быть только на параде. Я бы посмотрел на тебя, как ты во фраке по пять раз в день влезешь в закопченную печную трубу и вылезешь оттуда. А цилиндр ему оставь — это историческая деталь. В западных странах, где всегда топили печи, — в Германии, Голландии, Швеции, Бельгии, Англии, Франции, Чехословакии, — из дома в дом трубочисты переходили улицу в черных цилиндрах, чтобы прохожие видели их издалека и сторонились, потому что трубочисты были сплошь вымазаны сажей. Так было в XVI, XVII, XVIII, XIX и XX веках с трубочистами.

Рыжая Мери у тебя героиня сегодняшнего дня, шерифы — черный из XIII века, мушкетер из XVII, шериф-улан из XVIII, король из XVI века, пекарь — на все эпохи. По-моему, так нельзя. Раз ты затеял игру — актеры будут играть в твоих костюмах, — надо договориться со зрителями о правилах игры и их не нарушать.

Действие сказки «Город дураков» может происходить в любую эпоху, в любое время, — на то это и сказка. Но весь народ, населяющий данную сказку, должен жить в одно и то же время. Нельзя, чтоб король был из XVI века, а Рыжая Мери из сегодняшнего дня. И в старинные времена играли на гитаре. Если ты хочешь, чтоб Мери играла на гитаре, разыщи рисунок старинной гитары или подобного инструмента и нарисуй его. Каждая эпоха дает персонажам свои выразительные средства...

Если король жаден и вдобавок хочет быть грозным, он не будет так щедро и пестро одеваться, как одет король у тебя. Ведь ты же подумал, что раз пекарь все время печет пироги, то он в бело-желтом костюме, как бы осыпан мукой. Это очень хорошо и точно нарисовано.

Твой шериф в черно-красном костюме действительно страшноват, — такие ты выбрал краски, и это убеждает. А вот шериф под мушкетера скорее способен развеселить человека, чем заставить его уважать закон. Он бы так не оделся, этот «приказчик короля». Думай над тем, какое чувство у зрителей эти персонажи должны вызвать.

Ты, Саша, хорошо чувствуешь цвет — старайся свои мысли выражать в цвете.

Рисунки, которые вы тут видите, сделал Саша Долгинов.

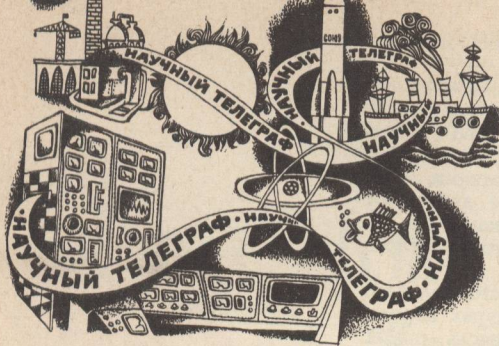
Это эскизы костюмов к пьесе «Город дураков».

На странице 32-й трубочист — он во фраке и черном цилиндре — и шериф.

На этой странице наверху пекарь. Внизу Рыжая Мери, другой шериф и король.

Тяжелеет наша планета...

К детской площадке подъехали самосвалы с сухим песком. Кузова опрокинулись, и на земле выросли песчаные горки — одинаковой высоты, с одинаковой крутизной склонов, такой же точно, как у приморских дюн и барханов в пустыне. Эта крутизна потому одинакова, что наша планета с одинаковой и строго постоянной силой притягивает каждую песчинку.

Но вот что удивительно: советские геологи обнаружили, что в древних осадках, расположенных глубоко под землей, песчаные холмики выглядят совсем иначе. Ученые сделали несколько тысяч измерений и пришли к выводу, что со временем склоны становятся все более пологими. С каждым тысячелетием земля все сильнее притягивает песчинки. Значит, земное притяжение не так уж постоянно — оно понемногу увеличивается, наша планета тяжелеет. Объяснить это можно тем, что на Землю непрерывно падают из космоса метеориты и космическая пыль. Но это пока только предположение.

Четыре плюс два

У всех саламандр четыре ноги. У одной — шесть. Две лишние ей пересадили зоологи, когда саламандра была еще зародышем. Подросла шестиногая и сначала чувствовала себя неуверенно. Но потом научилась легко ходить и даже бегать, как и ее четвероногие сородичи. Ходит она так: один шаг левой передней ногой, потом левой средней и правой задней, а затем — тремя остальными сразу.

И операция и изучение походки шестиногой саламандры затеяны не из простого любопытства. Ученые хотели узнать, может ли нервная система животного приспособиться к новому органу, научиться управлять им. Оказывается, может...

Химия беговой дорожки

Почти все нынешние мировые рекорды в беге и прыжках установлены на дорожках из синтетического материала тартана. Точный его химический состав до сих пор нигде не описан — фирмы хранят секреты. Недавно приготовлен первый отечественный тартан не хуже зарубежного. Он сделан из упругого пластика — полиуретана. «Химическая» дорожка уложена на Стадионе юных пионеров. Бейте рекорды!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Где истоки Куросиво?

Если ты думаешь, что на карте нашей планеты совсем не осталось белых пятен, ты ошибаешься. Вот, казалось бы, изученный вдоль и поперек район земного шара — Тихий океан. А в нем знаменитое теплое течение Куросиво, которое достигает берегов нашего Приморья. Совсем недавно советские и японские океанологи обнаружили еще одно, неизвестное ранее мощное течение, из которого, по-видимому, берет начало Куросиво. Это течение возникает в западной части Тихого океана, между Филиппинами и Новой Гвинеей, и движется на восток, перенося в секунду 47 миллионов кубометров воды.

Солнечная кухня

Чтобы вскипятить воду, чайник нужно поставить на плиту. А в южных районах, где солнечные дни бывают девять месяцев в году, можно обойтись и без плиты. Конечно, прямо на солнце чайник не вскипятишь. Делают иначе: на крышах домов укладывают плоские баки с водой и покрывают их волнистыми листами стекла. Жаркое солнце так нагревает стекло, что вода под ним закипает. Из баков кипятки может идти на кухню или в душ. Или в цеха заводов, фабрик. Такая солнечная печь уже работает в Узбекистане, на Чарвакском гидроузле.

Ступеньки в вечную мерзлоту

Почти четверть земной суши занимает вечная мерзлота. Это толстый (до нескольких сот метров) слой промерзшей земли. Он не оттаивает даже летом. А в этой земле — нефть и уголь, золото и алмазы, на этой земле надо строить заводы и дома, рыть шахты и прокладывать трубопроводы. Как жить и работать на промерзшей земле, — эти вопросы исследуются в удивительной научной лаборатории, расположенной под землей, в самой толще вечной мерзлоты.

На пятиметровой глубине — небольшой зал, стены его покрыты сверкающим в свете ламп инеем. Еще ниже — длинная штольня, которая, расширяясь, образует комнаты, уставленные приборами. Здесь даже летом температура не поднимается выше нуля, и все работают в ватных телогрейках.

Для чего же нужен этот естественный холодильник? На этот вопрос нам ответил директор Института мерзлотоведения П. И. Мель-

ников, член-корреспондент Академии наук СССР. Во-первых, здесь исследуют свойства промерзшего грунта, чтобы научиться строить — на нем и в нем. Во-вторых, выясняют, как ведут себя разные материалы при низких температурах. А ведут они себя совершенно необычно: кристаллики льда могут разорвать цемент, прочнейшая сталь становится хрупкой, как стекло. А здесь под землей велико-лепная, созданная самой природой холодильная камера, подходящая для всех опытов и испытаний...

Два километра к звездам

В горах Северного Кавказа, на высоте 2 100 метров над уровнем моря, строят крупнейший в мире телескоп.

Пятидесятиметровый купол, если взглянуть на него немного сверху, со склона соседней горы, похож на шлем былинного богатыря. Это сходство еще усиливается, когда купол плавно поворачивается и, подобно забралу, поднимается огромная металлическая штора. Под ней — самый большой в мире телескоп.

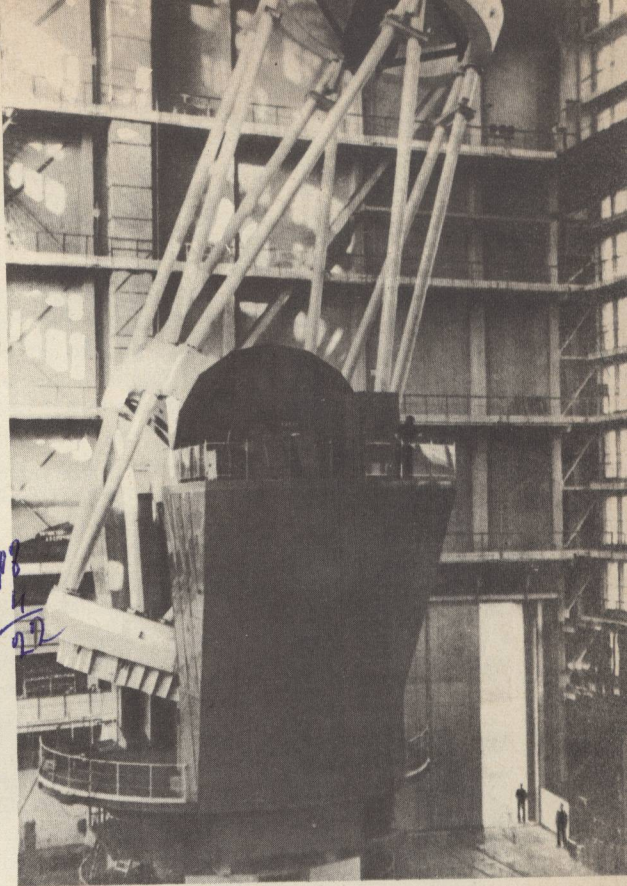
Телескоп часто представляют себе так: большая подозрительная труба на треноге, нацеленная в небо. Такие телескопы тоже есть, но прибор, установленный здесь, в Специальной астрофизической обсерватории Академии наук СССР, непохож на них.

Весит он 800 тонн, а высота его — 60 метров. Это не труба, а гигантская решетчатая конструкция, которую хорошо видно на снимке. Многоэтажное сооружение плавно поворачивается вокруг оси, и сделать это можно одной рукой. Мы сначала не поверили, а потом, когда нам самим удалось это сделать, удивились. Оказывается, все устройство покоится на масляной «подушке» — тончайшем слое жидкого масла...

Поворачивать телескоп нужно для того, чтобы следить подолгу за далекими светилами, чтобы лучи от звезд падали все время точно на «зрачок» телескопа — на его главное зеркало. Это зеркало — гордость строителей и научных работников обсерватории. Диаметр огромной тарелки — шесть метров (на целый метр больше, чем у последнего рекордсмена среди телескопов). Размер зеркала особенно важен: ведь чем оно крупнее, тем больше собирает света. А свет — это та ниточка, которая связывает нас с далекими мирами. Свет рассказывает ученым о размерах и скорости небесных тел, об их химическом составе.

Свет звезды или далекой галактики отразится от главного зеркала, расположенного внизу всего сооружения, и, пройдя сложную систему призм, линз, зеркал, оставит след на фотографической пластинке. И наблюдатель, который сидит в кабине под самым куполом обсерватории, смотрит не на звезды. Его задача — следить за приборами. Он уже не столько наблюдает звездное небо, сколько изучает следы световых лучей на фотопластинках. И эти слабые светлые полоски с темными штрихами говорят ему о звездах неизмеримо больше и точнее, чем собственные глаза...

Но зачем же понадобилось тащить гигантский телескоп в горы? Прежде чем упасть на зеркало, звездный луч проходит расстояние в тысячи световых лет. И самая трудная часть этого пути — последние несколько километров в плотных слоях земной атмосферы. Здесь луч света может исказиться, растерять в воздухе те бесценные для науки сведения, которые он нес многие миллиарды километров. Вот и встречаются его, этот свет, в горах — на два километра ближе к звездам, в чистом, сильно разреженном воздухе.

За шишками с вертолетом

М. ГУРЕВИЧ,
М. ЛИБКИН.

Есть такая детская песенка: «Мишка ко-сопалый по лесу идет, шишки собирает, песенку поет». На самом же деле во время сбора шишек не до песенок. Потому что собирать их надо сотнями тонн — для того, чтобы вырастить гектары лесов.

Недавно придумали, как механизировать эту работу с помощью... вертолета. Весит он всего три килограмма, и летать на нем, обрывая шишки с деревьев, конечно, нельзя. Зато можно запустить его к верхушкам деревьев, придерживая, как бумажного змея, за веревку. Специальные лопасти сбивают шишки, они падают в прикрепленный к вертолету сборник, а оттуда по брезентовому рукаву вниз, в мешок.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

История, которую я собираюсь рассказать, произошла ли она наяву? Или это был сон? Сейчас мне кажется, что это был просто сон. Но почему же теперь в газетах, по радио и телевидению пишут и говорят о новом способе воздушного передвижения, который я увидел тогда? И почему, если это был сон, я так отчетливо помню каждую деталь, каждый штришок того, что произошло?

Было утро. Раннее июльское утро, которое хранит ночную затаенность и прохладу, а воздух кажется густым, как мед, и звонким, как песня.

«Чик-чик», «чирик-чик-чик», — почти не смолкая, перекликались воробьи, галки, грачи и еще бог весть какие птицы, и мне почему-то казалось, что я понимаю их язык, все эти «чик-чирик». Поэтому что все-таки необычное было утро! Я и сам думал на каком-то птичьем языке, и все во мне чик-чирикала, и сейчас даже не верится, что я мог быть таким беззаботным и легкомысленным.

И все-таки это было. Пионерский лагерь, наполовину состоящий из брезентовых палаток — легковушек, как сначала называли их лагерные остряки, а потом и все остальные, включая начальника лагеря. И лес, вдоль которого тянулся дощатый лагерьный забор. И эта встреча, похожая на сон...

Как я уже сказал, было очень рано, часов пять утра. Я сразу это почувствовал и прежде, несомненно, повернулся бы на другой бок или на живот и ткнулся бы головой в подушку. Но тут меня что-то как подтолкнуло. Я вскочил, быстренько натянул спортивный костюм и вылез из палатки.

Какое было утро и то, как я помню каждую мелочь вокруг, я уже говорил. Но главное — странное ощущение, которое больше никогда не повторялось. Я шел, не зная куда, повинаясь ногам, и в то же время точно знал, что скоро, вот-вот, произойдет что-то необычное, какая-то неожиданная встреча, которую я запомню на всю жизнь.

Лагерь наш был большой, и выходов из него было целых три, и еще в заборе, примыкающем к лесу, было несколько дыр, но я пролез именно через эту и сразу попал на узенькую тропинку с чуть примятой травой, потому что по ней редко ходили.

Я шел по тропинке, иногда наступая на сухую опавшую шишку, и тогда раздавался треск, похожий на потрескивание горящих в костре сучьев. Птицы на секунду смолкали, прислушиваясь, и мой молчаливый разговор с ними обрывался.

Один раз я споткнулся об узловатый корень толстого дуба, пересекавший тропинку, и до сих пор помню ощущение удара. Это отвлекло меня от дороги, и я присел на одно колено, чтобы растереть ушибленное место. А когда поднял голову, увидел его...

В первый момент мне почудилось в нем что-то знакомое, будто я давно знал этого мальчика.

Он стоял ко мне боком, прислонившись к дереву, и что-то, может быть, одному ему известное, разглядывал в небе.

Одет он был в короткие атласные трусы, как у боксеров, и легкие плетеные сандалии на босу ногу.

Сейчас я думаю и не могу понять, почему я так растерялся? Отчего в моей голове мгновенно мелькнула мысль: вот она, неожиданная встреча?

Ничего, казалось, в нем особенного не было — только руки как-то сразу выделялись, сильные, с длинными, упругими мускулами. Это я сразу разглядел.

Наверное, краем глаза он заметил меня, и, когда резко повернулся, я увидел на его груди странные, идущие крест-накрест следы лямки, уходящие за плечи. Как будто от ребер до плечей провели светло-коричневой краской.

Неожиданно для себя я сделал несколько шагов и оказался почти рядом с ним. Он смотрел на меня серьезно и вопросительно и молчал.

— Вот случайно забрел сюда, — как бы оправдываясь, сказал я.

— Никого не бывает в лесу в это время. — Его голос звучал немного сдавленно.

— Но я не мог не прийти.

Он понимающе кивнул, будто ему понятно, как это бывает, когда человек обязан что-то сделать.

Над нами медленно-медленно скорее проплыла, чем пролетела, крупная темно-серая птица. Мальчик неотрывно смотрел за полетом, пока птица совсем не скрылась из виду.

— Сапсан, — наконец сказал он. — Ты видел: он почти совсем не машет крыльями.

— Да, — удивился я, вспомнив полет. — Даже странно...

— Он парит, — перебил меня мальчик, — я все это долго изучал. Понимаешь, от земли поднимается нагретый воздух, и птицы плывут по воздушным течениям.

Я с уважением посмотрел на него и вдруг вспомнил, как плыл на пароходе вместе с родителями. Над морем часто кружились стаи чаек. Иногда, пролетая над пароходом, они неожиданно взмывали вверх, по вертикали, совсем не двигая крыльями.

Я сказал об этом мальчику, и он как-то по-новому посмотрел на меня и коротко объяснил:

— Чаек уносили вверх теплые воздушные струи.

Мы снова замолчали, но это было уже не то напряженное молчание, а другое — раздумчивое, будто мы оба были посвящены в какую-то тайну.

— Иди за мной, — первым заговорил он, и его чуть приглушенный голос звучал мягко и приветливо.

Не дожидаясь согласия, он повернулся и пошел по нашей тропинке. И тогда я увидел на его спине точно такие же светло-коричневые полосы, которые пересекались на уровне лопаток.

Ростом он был выше меня и немного шире, и поэтому, идя за ним, я видел только его спину. Неожиданно он остановился и, не оборачиваясь, отступил чуть в сторону.

Перед нами оказалась овальная полянка, крепко стиснутая высокими узкостебельными соснами. Трава на поляне была сочной и сильной, но самые верхушки травинок поблекли и пожелтели. Наверное, солнце нещадно сжигало их, не защищенных деревьями.

Но все это запечатлелось автоматически и отчетливо вспомнилось потом. А сам я, как вкопанный, стоял у края овала и во все глаза глядел на два распластавшихся поверх травы предмета, похожих на огромный полураскрытый веер или непогашенный парашют.

А на веер это было и вправду похоже, но еще больше — на крылья гигантской доисторической птицы, какого-нибудь птеродактиля, о котором писал Конан Дойль. Непонятно, как мне сразу не пришло в голову такое сравнение.

Итак, я стоял, как вкопанный, замерев, зная, что это и есть то самое чудо, предчувствие которого подняло меня утром с постели, повело в лес, столкнуло с таинственным мальчиком со странными знаками на теле.

— Ну, что же ты? — сказал он удивленно, взял меня за руку и почти силой повел вперед.

Мы переступили край травяного овала и сделали несколько шагов. Я и сейчас слышу, как шуршала трава, приминаемая и раздвигаемая моими кедами и его плетеными сандалиями.

Мы бок о бок вплотную подошли к загадочному предмету, и только тут я увидел, что не веер это и тем более не парашют, а крылья, сделанные из перьев. Оба крыла были связаны между собой узкой лямкой. Еще две лямки, подлиннее, были вшиты в основание каждого крыла.

— Что это? — одними губами спросил я, будто боялся спугнуть птицу после утомительного полета.

— Орнитоптер, — ответил он.

Я изумленно посмотрел на него, не понимая значения слова. Он услышал мой беззвучный вопрос и тихо, но внятно пояснил:

— Птицелет. На нем можно летать без мотора, как птица.

Я продолжал изумленно смотреть на него, как будто это был пришелец из далекого прошлого. А может быть, из будущего?

— И давно ты занимаешься этим... — я никак не мог выдать из себя нужное слово, — ...леташь, — наконец проговорил я с запинкой.

Он рассмеялся. Звонко, заразительно — так, что мне ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

— Это не так трудно, — прервал он свой смех.

— Что?

— Летать без мотора. Главное — сохранять равновесие в воздухе. Тогда можно долго держаться. Столько, сколько нужно.

— А ты можешь?

— Теперь — да.

— Теперь, — как эхо, отозвался я.

— Раньше ничего не получалось. Пролетал метров сто, не больше. Однажды чуть не разбился...

— А теперь? — поспешно повторил я, потому что вдруг испугался за него. Мне показалось: если он расскажет о том полете, это как бы снова повторится.

Он не ответил. Наклонился, сорвал листок клевера, пробившегося сквозь траву, и поднял над головой.

— Смотри, — сказал он и отпустил лист.

Полянка была, как стеной, ограждена от ветра высокими соснами. Но листок, падая, заметался, забился над травой, рванулся из стороны в сторону, подталкиваемый невидимой силой, и наконец замер, упав в траву.

— Мечется будто необъезженная лошадь, — сказал мальчик, вспоминая что-то свое. — Но я научился управлять...

— Все равно долго не продержишься. Есть такой закон, — сказал я.

— Закон?

— Да, — подтвердил я. — Закон земного притяжения.

— Я не знаю никакого закона, — сказал он, вдруг задумавшись. — Все равно, — он тряхнул головой. — Летать можно долго. Пока не устанешь.

Мой недоверчивый взгляд на секунду прервал его речь. Он не обиделся и терпеливо объяснил:

— Я уже летал. Долго... Как птица, — повторил он любимое сравнение.

Нельзя было не поверить ему. Я кивнул, но он продолжал:

— Воздух сам держит над землей, а когда начинаешь снижаться, нужна сила. Крыльями отталкиваешься от воздуха, а потом отдыхаешь, сохраняя равновесие. Ты увидишь...

Но тут прозвучал горн. Из лагеря. Он звучал отрывисто и задорно и, казалось, совсем близко. Наверное, так оно и было. ТА-ТА, ТА-ТА, ТА-ТА-ТА-ТА-ТА.

Я сразу представил себе лагерного горниста Ленку Коршунова, его вихрастую голову, помодному обросшую волосами. Он трубил, запрокинув лицо и чуть зажмурившись, и солнце плавало в распахнутой раковине горна. И все вокруг показалось таким хрупким, незащищенным, будто вот-вот исчезнет.

— Это меня, — сказал я, поймав взгляд мальчика. — Но я не хочу...

Я замолчал, не зная, как объяснить. В лагере оставался мой друг, Валька Коновалов, и все ребята, но я хотел показать мальчику свою дружбу и то, что хочу остаться здесь, с ним.

Он все понял и отрицательно покачал головой:

— Нужно быть там, где тебя ждут.

Я продолжал молчать, и, наверное, поэтому он повторил:

— Если ждут, значит, ты нужен.

— Ты улетишь?

— Не сейчас... после... Приходи, когда начнет темнеть.

Он поспешно отвернулся и склонился над орнитоптером. Я постоял еще немного, потом пересек овальную поляну и побежал по узенькой тропинке с чуть примятой травой назад, в лагерь.

То, что я делал в этот день в лагере, начисто исчезло из памяти. Осталось только воспоминание

о суетливой поспешности, будто от того, что делаешь все быстро-быстро, можно подогнать время. Оно тянулось, как разогретая на солнце смола, и каждая новая минута цепко прилипала к предыдущей и отталкивала следующую.

Но вдруг солнце зашло, и наступили сумерки. И тут же пришло спокойствие. Теперь я знал, что нужно делать, знал свой путь.

В лесу было почти темно, и я чуть не споткнулся о знакомый корень.

Мальчик стоял на поляне лицом ко мне. Что-то в нем изменилось, но я не сразу понял, что.

Он шагнул мне навстречу, и тогда я разглядел очертания перистых крыльев вдоль согнутых в локтях рук. На груди, закрывая светло-коричневые полосы ссадин, белели крест-накрест уходящие за плечи ламки орнитоопера. Взгляд его был все такой же спокойный и серьезный.

— Ты уже... — я не знал, как сказать.

— Все готово, — отозвался он. — Улетаю.

— Насовсем?

— Да.

«Да» прозвучало так твердо и окончательно, что у меня сжалось сердце. Он все понял и добавил:

— Я боялся, не придешь.

Значит, ему тоже тяжело расставаться.

Я не мог примириться.

— Но... — начал я и замолчал.

— Понимаешь, я не могу... — как-то очень тепло сказал он. — Меня ждут.

— Где?

Правая рука его вместе с крылом орнитоопера чуть приподнялась в сторону и плавно опустилась.

— Там, — сказал он. — Далеко. Ты не знаешь...

Ни о чем больше я не стал спрашивать. К чему? Все равно ничего нельзя изменить.

С опущенными руками он подошел к узкоствольной сосне с твердыми крепкими сучьями. Спину его, как два щита, прикрывали крылья.

Вдоль сосны тянулась веревочная лестница, терявшаяся у самой верхушки в потемневшей хвое. Лестница была закручена, и мальчик несколько секунд терпеливо выпрямлял ее.

Потом он обернулся в последний раз и улыбнулся не то виновато, не то ободряюще. И опять мне показалось, что я где-то видел его раньше.

Веревочные ступеньки туго натягивались под ним, как тетива. Где-то у вершины сосны он переступил на кражистый сук и немного расправил крылья, сохраняя равновесие.

Надо мной был уже не знакомый мальчик, а огромная сильная птица, готовая к полету. Оттолкнувшись от дерева, птица нырнула в пространство, и упругие взмахи крыльев плавно разгребли тугую темноту.

Мальчик поднимался вверх по наклонной линии и становился все меньше и меньше, пока не исчез.

— Кто ты?! — что было силы закричал я, потому что нас разделяло уже не несколько метров высоты, а бескрайнее небо, едва освещенное неяркими точками звезд.

И тогда из этой бездонной чаши, хранящей неумирающую бесконечность, протяжно и отдаленно, как эхо, донеслись какие-то неясные слова:

— Я... Я... Кар...

Икар?

И тут я вспомнил. «Поднялись в воздух Дедал и Икар, чтобы улететь на родину в Афины, с острова Крит, где их держал в плену царь Минос.

Дедал наказывал сыну, не приближайся к солнцу, его лучи растопят воск. Но, упоенный счастьем полета, Икар поднимался все выше, выше... Солнце растопило воск, рухнул Икар с высоты...»

«Однажды чуть не разбился», — прозвучали в ушах слова мальчика, и сердце застучало прерывисто и тревожно, как позывные.

Я сел в черную траву, вбирающую в себя ночную затаенность и прохладу, и неотрывно глядел в небо, надеясь различить маленькую движущуюся точку. Но ее не было видно.

Звезды в темноте высветивались все ярче, и тишина вокруг теперь не казалась такой нерушимой. Неподалеку совсем не по времени закуковала кукушка и все куковала и куковала не устывая.

Много дней потом я приходил на знакомую полянку и искал лестницу, по которой мальчик поднимался вверх, на вершину сосны.

Но она исчезла вместе с мальчиком.

В конце лета я вместе со всеми уехал из лагеря, и больше уже никогда не случалось мне возвращаться в те края.

Я ШАГАЮ ПО НЕБУ

Музыка В. БОГАНОВА

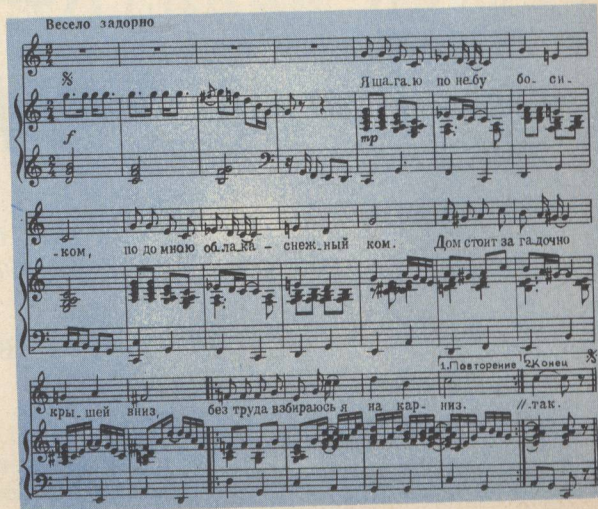
Слова С. КОГАНА.

Я шагаю по небу
Босиком.
Подой мною облака
Снежный ком.
Дом стоит загадочно
Крышей вниз,
Без труда взбираюсь я
На карниз.

И смотрю испуганно:
Мой дружок
Вверх ногами топает
На уроке.

Мне смешно и весело:
— Эй, Игнат!
Ты у нас, наверное,
Акробат.

Он сердито хмурится:
— Сам хорош.
Что ты в луже делаешь
Без калош?
— Что я в луже делаю?
Вот чудак.
Я шагаю по небу
Просто так.

Борис УКАЧИН

Рассказ о рыжей собаке

Помню: было детство, было лето —
Тесный двор наш, игры и друзья...
Кто-то, проходя, спросил:

— А это

Чья собака?..

В самом деле — чья?

Мы не знали. Рыжая, худая,
Терлась возле дома день-деньской,
Словно бы чего-то ожидая,
Словно бы вопрос тая какой.

Как-то незаметно та собака
Прижилась, прибилась ко двору,
Но сказать не мог бы я, однако,
Что пришлась при этом ко двору.

Правда, знаю, бить ее не били,
На людей не возведу хулы.
К ней, приبلудной, все в ту пору были
Равнодушны более, чем злы.

Да и сам я к ней, худой и жалкой,
Жалости вначале не имел:
Если что,—замахивался палкой
И кричал сердито, как умел.

До сих пор с неловким ощущением,
Взрослой предоставленный судьбе,
Этот взгляд, казнящий всепрощением,
Чувствую, бывает, на себе.

Почему она не уходила?
Как собачью душу разберешь!
Может, втайне все же находила,
Что из взрослых кто-то здесь похож
На ее хозяина бывшего,—
Впрочем, был хозяин или нет?
От нее ведь не дождешься слова
На свои сомнения в ответ!

Рыжая при доме проживала,
Знала всех давно уже в лицо,
У стены, свернувшись, ночевала,
Пряталась от ливней под крыльцо.
В жаркий день до косточек прогрета,
Ляжет в тень — и, тихая, лежит,
Но едва послышится:

— А это
Чья собака? —
тотчас убежит.

Дни за днями лето пролетало,
И не мог я — был поскольку мал —
Разгадать: за что она страдала,
За какой собачий идеал?
Чем близки ей люди были, те, что
Жили, погруженные в свое,
И какие теплились надежды
В сердце одиноком у нее?

Но однажды (в памяти, как вспышка,
Маленький, но яркий случай тот)
Подсмотрел я, как сосед-мальчишка,
Озорник, ребячий коновод,
Примостившись около бродяжки,
Втихаря кормил ее с руки —
Доставал, таясь, из-под рубашки
Теплые, из дому, пирожки.

И собака, на его колени
Голову доверчиво склоня,
Забывала в сладостном томленьи

Все невзгоды прожитого дня,
Все мученья жизни неудачной,
Одиночества глухую тьму...
В этот день, воскресный и прозрачный,
Сверстнику я, помню, своему
Втайне позавидовал немножко:
Смог же он в глазах собаки мир
Оправдать!.. Но стукнуло окошко
Вдруг в одной из десяти квартир...

А наутро, хоть и сам был скуп
Кормлен в те нелегкие года,—
Вытащил я рыжей миску супа,
Даже хлеба крошил туда.
Шерстку ей, почти ревнуя, гладил,
Голову задумчиво склоня.
Вот ведь кто к нам рыжую привадил —
Все жильцы косились на меня...

Перевел с алтайского
И. ФОНЯКОВ.

В. ОРЛОВ

Разноцветные дорожки

За осенними тучами где-то
Журавлиный затих разговор.
На дорожки, где бегало лето,
Разноцветный улегся ковер.
Воробей загрустил за окошком,
Непривычно притихли дома...
По осенним ковровым дорожкам
Незаметно приходит зима.

Осенний пожар

В лесу теперь
Светлей и тише,
Видна сквозь ветви
Вышина.
Его вершина,
Словно крыша,
Огнем осенним
Сожжена.
Среди стволов
Туман пушистый,
Как дым, клубится
На заре.
Слетают листья,
Словно искры,
И догорают на земле.

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

В. КАВЕРИН

Немухинские музыканты

СКАЗКА

Рисунки П. БАГИНА.

Радуга в гостях

Первыми прилетели две зеленые птички. «Попугай-неразлучники из зоомагазина», — немедленно определил Петька. В Немухине был только один зоомагазин, и он знал всех его обитателей — от золотых рыбок до белки Машки, крутившей свое колесико в клетке, висевшей на витрине.

Потом прибежал дымчато-розовый Пудель с белым мячом в зубах, конечно, из Дома игрушки.

Потом, разворачиваясь и шурша, у крыльца плавно опустился большой ярко-желтый Плакат, и Петька видел, как Варвара Андреевна распахнула дверь, чтобы он не измялся, влетая во флигель. Потом приковылял старый, лоснящийся Черный Фрак, — надо полагать, из гардероба Немухинского драматического театра,

а за ним явилась кремовая войлочная кавказская Шляпа.

Все это было очень странно, и Петька, сидевший на крыше сарая с книгой в руках, не удивлялся только потому, что был убежден в том, что при любых обстоятельствах мужчина должен оставаться невозмутимым. Но когда в открытое окно, неуклюже и как будто стесняясь, втиснулся кое-как изрядный Краешек Синего Неба, Петьке, очевидно, изменила невозмутимость, потому что от любопытства его стало буквально трясти. Прошло еще минут двадцать, больше никто не приходил и не прилетал, только Варвара Андреевна выглянула и сняла висевший на крыльце Красный Огнетушитель, и тогда Петька поставил перед собой вопрос. Он любил думать так: сперва ставил вопрос, а потом делал заключение. Вопрос был такой: зачем Варваре Андреевне зеленые попугаи, розовый пудель, желтый плакат, черный фрак и кремовая шляпа? Заключение было такое: никто,

кроме Тани Заботкиной, не может ответить на этот вопрос.

И, не теряя времени, он отправился к Тане.

Они учились в разных школах: Таня — в специальной, Петька — в обыкновенной, однако встречались часто и даже однажды ходили вдвоем в кино. Таня была девочка серьезная, начитанная, и Петька тоже старался читать, хотя ему больше нравилось дрессировать свою собаку — у него была огромная кавказская овчарка, которую звали Басар. После школы он решил остановиться на опасной профессии Укротителя Диких Зверей. Об этом он часто говорил с Таней, и вообще у них были интересные, содержательные разговоры. Например, когда он однажды прицепился к туристской «Волге» и промчался на лыжах через весь Немухин со скоростью 80 километров в час, Таня доказала ему, что это было глупо, и он согласился просто потому, что с Таней почему-то приятно было соглашаться. Потом однажды Петька сказал, что у девочек куриные мозги, Таня залепила ему пощечину, они подрались, и это тоже было интересно. Но когда в Школе Музыки и Живописи появилась Варвара Андреевна, отношения у них немного испортились. Дело в том, что Таня стала говорить только о ней: вчера Варвара Андреевна сказала, что у Тани не получается трель, а сегодня — что получилась. Когда Варвара Андреевна входит в класс, кажется, что она плывет, — такая у нее легкая походка. Петька слушал, уныло повесив нос. Он не знал, что такое трель, а что касается походки Варвары Андреевны, то, по мнению Петьки, она ходила, как цапля. Теперь они разговаривали так:

ПЕТЬКА. Еду я вчера по Нескорой. Вдруг — крак! Заднее колесо — ни туда ни сюда.

ТАНЯ. А Варваре Андреевне в феврале исполнится двадцать два года, и мы решили подарить ей дирижерскую палочку.

ПЕТЬКА. Два километра тащил велосипед на горбу. Взмок, хоть выжми.

ТАНЯ. А Варвара Андреевна говорит, что ребятам, у которых по теории музыки будут пятерки, она начнет летом давать уроки гармонии.

Что оставалось Петьке? Терпеть. Ведь Таня, хоть ей было только двенадцать лет, была его старым другом.

Надо сказать, что не только Таня была без ума от своей учительницы. Варвара Андреевна была высокая, тонкая, гибкая, с бледным, нежным лицом. Когда она смеялась, отчетливо слышались звуки челесты — есть такой музыкальный инструмент, напоминающий звон хрустальных бокалов. А когда сердилась, откуда-то мягко доносились аккорды тромбонов.

Словом, можно сказать, что она произвела на немухинцев сильнейшее впечатление. А это, между прочим, не так просто, как кажется. Немухин — городок самодовольный, самостоятельный, постоянно думающий о том, как бы не ударить лицом в грязь и не упускающий случая доказать, что он ничем не хуже и даже лучше сосед-

него Мухина. О своих достопримечательностях немухинцы любят рассказывать неторопливо, подробно. К их числу относятся Старый Трубочный Мастер, вытачивающий и обкуривающий самые лучшие в мире трубки, и футбольная команда класса Б, однажды сыгравшая вничью с донецким «Шахтером».

Теперь немухинцы надеялись, что в число достопримечательностей попадет Варвара Андреевна.

Петька пришел удачно. Таня занималась, так что у него было достаточно времени, чтобы подготовиться и кратко рассказать о том, что произошло: он считал, что, оставаясь невозмутимым, мужчина должен выражаться кратко.

— Сперва попугай-неразлучники, заметь, зеленые, потом розовый пудель, черный фрак, белая шляпа, желтый плакат, красный огнетушитель и неопределенный кусок киселя, похожий на краешек неба.

— Ничего не понимаю.

Петька терпеливо повторил.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Допустим, что попугай заглянули, потому что они надоели друг другу, а пудель... Что с тобой?

Не слушая его, Таня смотрела в окно. Конечно, это было простым совпадением, но как раз в эту минуту над Немухином появилась радуга, широкая, мерцающая, плавно изогнутая, неожиданно соединившая новую пожарную вышку с куполом Дворца пионеров.

— Значит, розовый, синий, черный, зеленый, белый, желтый и красный? — задумчиво спросила Таня. — Интересно, а если бы Варвара Андреевна увидела эту радугу, она пригласила бы ее в гости?

Бамм! Бамм!

В молодости Директор немухинской Школы Музыки и Живописи играл на ударных инструментах. Может быть, поэтому он считал, что в музыке самое главное — энергия и отчетливость.

— А какие же инструменты могут сравниться в этом отношении с ударными? — спрашивал он. — Смычковые? Или духовые? Нет и нет!

И он любил вспоминать о тех счастливых мгновениях, когда дирижер направлял на него свою палочку. Он вставал и — «Бамм!» — ударял в свои медные тарелки.

Разумеется, он был очень доволен, что вся школа — и даже весь город — в восторге от Варвары Андреевны, хотя иногда ему казалось, что о ней говорят слишком много. В школе только и слышалось: «Варвара Андреевна! Варвара Андреевна!» Родители, которые всегда недовольны, не жаловались на нее и даже, как это ни странно, хвалили. В «Немухинском вестнике» появилась заметка о том, что гармонии — есть такой предмет — преподает девуш-

ка, гармоничная во всех отношениях. На той же странице был помещен ее портрет, и в редакцию буквально со всей страны полетели письма, обещавшие Варваре Андреевне счастливое будущее в качестве супруги инженера, акробата, штукатура, монтера и зубного врача. Над одним из этих писем она задумалась, впрочем, только на минутку: кузнец Иван Гильдебранд написал, что, если она позволит ему придумать для нее тысячу ласковых прозвищ, он сделает это, хотя кончил только среднюю школу и умеет гораздо лучше ковать, чем писать и читать.

Все это раздражало Директора и, главное, казалось ему удивительно несправедливым. Почему о нем, опытнейшем музыканте, рассчитывающем получить к пятидесятилетию звание Заслуженного Деятеля Искусств, в газетах — ни слова?

Да, он был очень огорчен, но, как и полагается бывшему барабанщику, держался внушительно и подтянуто-строго.

Но когда по немухинскому радио сообщили, что новая преподавательница обладает так называемым абсолютным слухом, то есть может отличать половину и даже четверть тона, он стал положительно неузнаваем. Прежде, лихо откинув поросшую пухом головку, он так и катался по Немухину на своих коротеньких ножках. А теперь ходил, оглядываясь и моргая. Прежде, когда он похлопывал себя по животу, слышался веселый, бодрый звук. А теперь — глухой, расстроенный, унылый. Он ничего не имел против молодой учительницы, решительно ничего! Он желал ей добра и только добра. Но ему не хотелось всю ночь ворочаться с боку на бок и ежеминутно выключать радио из боязни, что кому-нибудь снова придет в голову похвалить Варвару Андреевну. И он придумал остроумный, дальновидный план, о котором решил рассказать своей любимой ученице Зине.

Скучная тайна

Тайны бывают разные — веселые, грустные, удивительные, смешные. У Зины Миленушкиной была своя скучная-прескучная тайна. Она скрывала, что у нее разные уши. Левое было ухо, как ухо. А правое — большое и плоское, как у летучей мыши. Чего только она не делала, чтобы спрятать его под своими прямыми рыжими волосами! Бант на ее голове всегда был завязан криво, а косы, в которые ей приходилось вставлять свинцовую проволочку, завернуты дугой на правое ухо. И все равно в классе ее звали просто Ухо, что по отношению к такой вежливой девочке было по меньшей мере несправедливо.

Всем она говорила только приятное и, даже отвечая урок, с трудом удерживалась, чтобы не сказать учителю, как он хорошо выглядит, или

учительнице, какое на ней сегодня хорошенькое платье. При этом она всегда немного извивалась, так что кое-кому приходило в голову, что она вовсе не семиклассница, а гусеница или даже змея. Но сама она никогда не думала о себе так плохо. Напротив, она была уверена, что во всем Немухине нет другой девочки, которая играла бы сразу на трех ударных инструментах и одновременно была бы так красива, умна и добра.

Директор начал с того, что похвалил Зину за успехи. Она сильно продвинулась, например, по тарелкам, хотя «бамм» у нее получается только с одним «м», а надо по меньшей мере с двумя.

Потом он спросил, как у нее обстоит дело с гармонией, и очень расстроился, узнав, что по этому предмету у нее в четверти тройка.

— Разве можно так огорчать нашу дорогую Варвару Андреевну? — назидательно спросил он. — Ты должна дать мне слово, что в году у тебя будет по меньшей мере четверка.

И он с сожалением заметил, что, в сущности, очень мало знает Варвару Андреевну. В Немухин она приехала недавно, молодая девушка, одинокая, ни друзей, ни родных. Днем она занимается в школе. Но что она делает по вечерам? Она живет на Нескорой — между прочим, хорошая улица, по которой приятно гулять.

Зина заметила, что она любит гулять по Нескорой.

— Вот и прекрасно. А гуляя, тебе нетрудно будет время от времени останавливаться под окном Варвары Андреевны.

Зина сказала, что под окном у Варвары Андреевны растет бузина.

— Вот видишь, какая ты умная девочка! — воскликнул Директор. — Ведь если ты спрячешься в кустах бузины, не только Варвара Андреевна, но решительно никто тебя не увидит. Ты понимаешь, как человек, я просто не нахожу себе места, думая о ней. А как директор, я обязан интересоваться своими подчиненными, в особенности выдающимися, о которых говорят по радио и пишут в газетах.

Где же музыканты?

В комнате стояла такая тишина, что нечаянно зажужжавшая осенняя муха извинилась и замолчала — это была получившая хорошее воспитание муха. Но почему же в этой глубокой тишине Варвара Андреевна размахивала палочкой, точно дирижируя невидимым оркестром?

Перед ней стоял пюпитр, на котором лежали ноты. Глаза ее блестели, нежные щеки разгорелись. Она была так хороша, что с первого взгляда становилось ясно, почему на ней хотели жениться инженер, акробат, зубной врач, штукатур, монтер и кузнец.

Но из кого же состоял оркестр, которым она управляла? Какую музыкальную пьесу испол-

няли безмолвные музыканты? И почему Варвара Андреевна так смутилась, когда Таня Заботкина заглянула в полуоткрытую дверь?

— Извините. Я брала у вас ноты, а сейчас у меня как раз свободное время, и я решила вернуть. Спасибо!

— Пожалуйста, Танечка, — ответила Варвара Андреевна.

— Я, кажется, некстати. Вы заняты?

— О, нет. Я отдыхаю.

— Но вы дирижировали, когда я вошла?

— Может быть, — задумчиво сказала Варвара Андреевна. — Впрочем, да. Мы разучивали новый концерт.

«Но где же музыканты?» — подумала удивленная Таня.

Попугаи-неразлучники сидели на спинке стула, тесно прижавшись друг к другу, как и полагается неразлучникам. Розовый Пудель, вытаращив глазки, крепко держал в зубах белый мяч. Потертый Фрак из Немухинского театра, наде-

тый на плечики, висел на открытой дверце шкафа, а рядом с ним — Кремовая Шляпа. Полуразвернувшийся Желтый Плакат был приколот кнопками к спинке кровати. Огнетушитель стоял у стены, а Краешек Неба стыдливо подползал к форточке, должно быть, ему хотелось удирать, пока на него не обращали внимания. Но вот что странно: у них действительно был такой вид, как будто они только что замолчали.

— Как тебе нравится мой оркестр, Таня?

— Варвара Андреевна, — сказала Таня. — Вы говорили, что у меня почти абсолютный слух. Почему же я их не слышу?

Варвара Андреевна засмеялась, и сразу же откуда-то донесся легкий звон хрустальных бокалов.

— Ах, милая моя! — просто сказала она. — Потому что ты просто способная девочка, а я Фея Музыки, которая слышит не только звуки, но и цвета — коричневый, черный, розовый, красный, желтый, синий, голубой и зеленый.

Разноцветный оркестр

Известно, что феи, и в особенности добрые феи, иногда поступают на работу и живут как самые обыкновенные люди. Фея Вежливости и Аккуратности, например, получила даже персональную пенсию, прослужив чуть ли не сорок лет в Главной Палате Мер и Весов.

Нет ничего удивительного и в том, что Фея Музыки поступила в Немухинскую музыкальную школу. Цвета она слышала потому, что у нее был не абсолютный, а сверхабсолютный слух. Например, когда Варвара Андреевна осенью бродила по березовой роще, ей положительно приходилось затыкать уши: желтизна осенней листвы звенела в ее ушах, как звук фанфары или высокой трубы.

Трудно себе представить, что, глядя на зеленых попугаев-неразлучников, она ясно различала спокойные звуки скрипки, а между тем это было именно так. Стоило ей в ясный день взглянуть на голубое небо, как до нее доносились нежные звуки тысячи флейт. Фиолетовый цвет она слышала так же ясно, как кларнетиста, играющего в Большом зале Московской консерватории. Синий был похож на виолончель, а делаясь темнее, звучал как задумчивые, глубокие аккорды органа.

Зато зимой, когда начинал идти снег, она не слышала почти ничего: белый цвет был молчалив и годился в лучшем случае для продолжительных пауз.

Директор напрасно беспокоился о ней — она ничуть не скучала в Немухине. Феи, как некоторые люди, вообще не знают, что такое скука. Просто у нее было много свободного времени, и, чтобы оно не пропадало даром, она устроила маленький разноцветный оркестр. Музыкальные пьесы для него она писала сама.

Почему же Варвара Андреевна попросила Танию никому не рассказывать о ее музыкантах?

— Ты понимаешь, я совсем не пуглива, — сказала она. — Я, например, не боюсь темноты. Когда я читаю «Дон-Кихота», мне всегда кажется, что и я могла бы войти в клетку льва. А нашего Директора я боюсь. У меня душа просто уходит в пятки, когда он поднимает свои тусклые глазки. Другой директор обрадовался бы, узнав о моем оркестре. А он рассердится и может даже уволить меня.

— Почему?

— Потому что учительнице музыки не полагается слышать цвета, если сам Директор слышит только звуки, да и то далеко не все. Ах! — Варвара Андреевна вздохнула, и откуда-то сразу же донеслась грустная музыкальная фраза. — Неужели мне придется уехать из Немухина и выйти замуж за штукатура, акробата, инженера, монтера, кузнеца или зубного врача? Ведь замужество, говорят, хлопотливое дело! Куда, куда, — сказала Варвара Андреевна Кра-

ешку Неба, который тем временем подобрался к форточке и стал похож на голубую пушистую кошку, вставшую на задние лапы. — Репетиция не кончена! На место, мой милый, на место!

— Варвара Андреевна, вы заняты, я пойду, — поспешно сказала Таня. — Я никому не расскажу о вашем оркестре.

— Да, пожалуйста. Впрочем, если тебе очень захочется, ты можешь шепнуть кому-нибудь, что я фея. Все равно этому никто не поверит.

В кустах бузины

От Варвары Андреевны Таня забежала к Петьке, и, хотя это было очень трудно, она сдержала обещание и не проронила ни слова.

— Попугаи заглянули к ней в гости, — сказала она. — Плакат залетел случайно. Черный Фрак нужен ей для школьного спектакля, а Войлочная Шляпа — потому что Варвара Андреевна собралась на юг. Ну, а Пудель прибежал к ней потому, что она купила его в Доме игрушки.

— Допустим, — сказал недоверчиво Петька. — А Огнетушитель?

— Ах, Огнетушитель! Ему стало скучно висеть да висеть у крыльца, и он попросил Варвару Андреевну перевесить его куда-нибудь в сени.

— Возможно, — согласился Петька. — А откуда же взялся этот голубоватый кусок киселя?

— Да, кажется, там было что-то вроде киселя. Должно быть, Варвара Андреевна собирает-ся переклеить обои.

О том, что она фея, Таня сперва ничего не сказала, а потом небрежно обмолвилась:

— Ты знаешь, а ведь она, кажется, фея.

Петька фыркнул и решил, что, если даже Таня не придает этой странной истории никакого значения, стало быть, можно забыть о ней по крайней мере на время.

И Таня ушла, а он стал дрессировать Басара. Он клал ему на нос кусочек хлеба, и лохматый, рыжий, большой, как лошадь, Басар терпеливо ждал, когда Петька крикнет:

— Пиль!

Это значило, что хлеб можно съесть. Потом Басар исполнял команды:

— К ноге!

И он покорно шел рядом с Петькой.

— Куш!

И он ложился у его ног, застенчиво виляя хвостом.

Но сегодня тренировка что-то не шла. Делая круг по двору, Басар остановился у калитки и залаял, а когда Петька усадил его на задние лапы, так скопился, что чуть не упал, и снова залаял, что могло означать только: «Внимание! Опасность! Враг у ворот!»

Но Петька не выглянул за ворота, как сделал бы на его месте любой немухинский школьник. Он влез на крышу сарая, чтобы предварительно

изучить местность, и увидел флигелек, в котором жила Варвара Андреевна, а под окном в кустах бузины — как вы думаете, что он увидел в кустах бузины? Большое, плоское, красное ухо!

Конечно, это было ухо Зинки Миленушкиной, и другой мальчик непременно принял бы его за гроздь бузины, тем более что оно пылало от любопытства.

Но Петька сразу понял, в чем дело. Он слез с крыши, отдал Басару весь хлеб и сахар, приготовленный для дрессировки, посадил его на цепь и отправился к Зинке.

Она уже выскочила из кустов бузины и шла навстречу Петьке по Нескорой как ни в чем не бывало.

— Петечка, это ты? Вот хорошо, что я тебя встретила! А я как раз была у Варвары Андреевны, и она мне вдруг говорит: «Не знаешь, Зинуша, кто этот симпатичный парнишка, который живет на соседнем дворе?» Я говорю: «Что вы, Варвара Андреевна, неужели вы не знакомы с Петей Воробьевым? Его же весь Немухин знает! Так он вам нравится?» Она говорит: «Очень». А я говорю: «И мне, Варвара Андреевна. Вы знаете, какой он отчаянный! В прошлом году, например, он прицепился к туристской «Волге»...»

Это было очень трудно — с ходу не дать Зинке пинка. Но Петька остался, как и полагается мужчине, невозмутимым.

— Лучше скажи, — спокойно начал он, — ты почему пряталась под окном Варвары Андреевны? Подслушивала?

— Ну что ты, Петечка! Она же одна! Не станет же она сама с собой разговаривать!

— Положим, — согласился Петька. — Значит, подглядывала.

— И не подглядывала. Просто подумала: зачем ей игрушечный пудель? Ну, попугай, это понятно. Моя бабушка, например, тоже любит птиц, вечно у нас чирикает какая-нибудь канарейка. Но ведь это совсем другое дело, правда? Это певчие птицы, бабушка слушает их и говорит, что это приятно. А ведь попугай-неразлучники, они же, Петечка, не поют?

Если бы Таня рассказала Петьке о разноцветном оркестре, он после этого разговора поставил бы перед собой вопрос: зачем Зинка сидела под окном Варвары Андреевны? И за ответом со всех ног помчался бы к Тане. Но он не поставил этот вопрос, потому что весь Немухин прекрасно знал, что Зинка любит подсматривать и подслушивать. На всякий случай он все-таки дал ей пинка, а потом вернулся к себе и снова принялся за Басару.

Как бы мне ее подцепить?

Надо думать, что Зина Миленушкина не один вечер провела под окном Варвары Андреевны, прежде чем догадалась, что новая учительница слышит цвета. А может быть, она просто подслушала, как Варвара Андреевна рассказывала Тане о своем разноцветном оркестре?

Так или иначе однажды она явилась к Директору и не только доложила ему о Пуделе, Черном Фраке, Зеленых Попугаях, Кремовой Шляпе и других музыкантах, но даже изобразила, как Варвара Андреевна, дирижируя, стучит палочкой по пюпитру.

— Значит, когда она смотрит, скажем, на воробья, она его слышит? — спросил Директор. — Даже если он не чирикает?

— Да.

— А корову?

— Тоже.

— Даже если она не мычит?

Зинка сказала, что ей очень жаль, но, очевидно, слышит.

— Конечно, это зависит от цвета, — добавила она, извиваясь. — Если корова рыжая, Варвара Андреевна слышит одно, а если черная, — совершенно другое.

— Позвольте, но это же не положено, — сказал Директор. — Ведь она должна заниматься не какими-то попугаями, а школьным оркестром. Под Новый год наш школьный оркестр должен выступать во Дворце пионеров, причем среди приглашенных из столицы гостей будет лучший в Советском Союзе тромбон.

Он хотел сказать: лучший в Советском Союзе музыкант, играющий на тромбоне.

— Ну, хорошо. Пусть она слышит цвета, это ее личное дело! Но собственный оркестр! Без разрешения Министерства Музыки и Искусств? Без моего ведома! Ох!

И, чтобы немного прийти в себя, он попросил Зину несколько раз ударить в медные тарелки над его головой. Бамм! Этот веселый, раскатыстый звук возвращал ему бодрость.

— Ну что же, Зиночка, спасибо, — слабым голосом сказал он. — По тарелкам я ставлю тебе пять и по всем другим предметам тоже пять до конца года. А теперь иди домой, моя милая. Мне надо немного подумать.

Он не пошел в школу, заперся в своей комнате и стал думать, но, как на грех, ни одна дельная мысль не залетала в его маленькую, покрытую пухом головку.

Пожалуй, проще всего было уволить Варвару Андреевну и взять на ее место другую учительницу гармонии. Но немухинцы не поймут такого поступка, а если он станет объяснять им, что учительницам не положено заводить на дому свой собственный, да еще разноцветный оркестр, они скажут:

— Вот интересно. За что же тут увольнять? Пусть она лучше выступит со своим оркестром в каком-нибудь клубе.

И тогда весь Немухин заговорит, что Варвара Андреевна по звуку может отличить желтый цвет от зеленого, а зеленый от голубого. Нет, здесь нужен другой подход, более тонкий.

У Директора был превосходный сон — бывают же такие счастливые люди! Его не мог разбудить даже самый громкий будильник, и обычно он ставил на свой ночной столик два будильника, а иногда даже три. Теперь хватало и одного — так чутко стал он спать, размышляя с утра до вечера о Варваре Андреевне.

— Как бы мне ее подцепить? — думал он грустно.

Но день проходил за днем, неделя за неделей. Уже первый мягкий снежок деловито разбросал свои звездочки по немухинским улицам и бульварам, а Директор ничего не мог придумать. Решительно ничего! «Ведь, чего доброго, в конце концов не я, а она получит звание Заслуженного Деятеля Искусств. С ума сойти!»

Но вот однажды он проснулся с прекрасной мыслью, от которой у него сразу же стало весело на душе.

«Значит, немухинцы сказали бы: «Пусть она лучше выступит со своим оркестром в каком-нибудь клубе». Отлично. Сегодня же я предложу ей выступить — и не в каком-нибудь клубе, а на новогоднем вечере во Дворце пионеров. Конечно, она не захочет махать своей палочкой в полной тишине: ведь ее музыкантов никто не услышит. А когда она откажется, ей придется уйти из школы и в лучшем случае выйти замуж за кузнеца, потому что ни зубной врач, ни акробат, ни даже монтер не захотят жениться на обманщице, которая утверждает, что она слышит цвета».

Плачут ли феи?

Если бы Варвара Андреевна в этот день засмеялась, никому не показалось бы, что он слышит звуки челюсты, напоминающие звон хрустальных бокалов. Но она не смеялась. Весь Немухин заметил, что в этот день она была молчалива и очень грустна.

— Что случилось? — спрашивали ее учителя. И она отвечала:

— Благодарю вас, ничего не случилось.

— Ох, что-то мне кажется, что пора вам провести вечерок со мною, — сказал ей Старый Трубочный Мастер.

— Благодарю вас, с удовольствием. Как-нибудь... в ближайшие дни.

Один из ученых, занимавшийся волшебниками и волшебствами, предположил, что феи плачут, как самые обыкновенные люди. Как ни странно, он оказался прав. Таня зашла в этот день к Варваре Андреевне и нашла ее в слезах.

— Ах, Танечка, все так плохо, что я тебе и сказать не могу. Директор предложил мне выступить с моим оркестром на новогоднем вечере.

— А вы?

— Я сказала, что у меня нет никакого оркестра.

— А он?

— Он сказал: «А что же делают у вас по вечерам Розовый Пудель, Зеленые Попугаи, Черный Фрак, Огнетушитель и Кремовая Шляпа?»

— А вы?

— А я растерялась и сказала: «Вы забыли о Желтом Плакате и Краешке Голубого Неба».

— А он?

— Он засмеялся и говорит: «Вот видите!» И я, — глотая слезы, сказала Варвара Андреевна, — я согласилась.

— Как же так? — волнуясь, спросила Таня. — Ведь ваш оркестр никто не услышит.

— В том-то и дело! Публика будет свистеть и топтать ногами. Конечно, меня любят в Немухине, и, может быть, публика будет тихо свистеть и еле слышно топтать ногами. Но все равно я умру от стыда.

— Варвара Андреевна, извините меня, я еще девочка и не должна вам советовать, — твердо сказала Таня. — Но мне кажется, что вы должны отказаться.

Варвара Андреевна подумала.

— Не могу, — упавшим голосом сказала она. — Я его боюсь. У меня просто душа уходит в пятки, когда я смотрю в его тусклые, оловянные глазки.

Другая девочка поохала бы и ушла. Но Таня, прежде чем уйти, все-таки уговорила Варвару Андреевну написать Директору решительное письмо: «В конце концов этот маленький оркестр был для меня отдыхом, развлечением. Нельзя же все-таки до такой степени не жалеть людей! К сожалению, я вынуждена отклонить Ваше лестное предложение».

— Я отнесу ваше письмо, — сказала Таня. — А потом, Варвара Андреевна... Если вы разрешите, я зайду к Старому Трубочному Мастеру.

— Зачем?

— Ну как же! Посоветоваться! Разве вы не знаете, что с ним советуется весь Немухин и что к нему иногда приезжает из Москвы сам Главный Хранитель Палаты Мер и Весов?

Она взяла письмо и решительно направилась к двери. И в эту минуту... Да, именно в эту минуту Петя включил свое радио на полную мощность.

— Дорогие немухинцы, — сказал по радио низкий добродушный голос, — сегодня одно из последних известий будет одновременно и одним из самых приятных. Директор Школы Музыки и Живописи только что сообщил нам, что Варвара Андреевна, та самая учительница гармонии, о которой мы не раз говорили по радио, согласилась под Новый год выступить со своим разноцветным оркестром во Дворце пионеров. Кстати, поговаривают, что Варвара Андреевна — фея. Подумайте, как интересно! Увидеть живую фею! Ждем, Варвара Андреевна! Кха, кха! С нетерпением ждем!

ПРИХОДИ К НАМ ВСЕГДА

С. БОГАТЫРЕВА

Когда Иру отдали в школу, дома стало скучно, а Кате даже обидно: все-таки она ее семь лет воспитывала! После уроков Катя заглядывала к Ире в «продленку», крутилась возле первоклашек. Потом не выдержала и говорит их учительнице:

— Можно, я буду вам помогать?

Это было не так-то просто — подойти и сказать. В школах часто считается вроде бы неприлично предлагать свою помощь учителю. Тут можно и «подлизу» схлопотать от своих же ребят или «выскачку» и наслушаться фырканий, вроде «Тебе что, больше всех надо?». Только, по-моему, это как раз очень правильно, если человек сам говорит, что ему охота делать и что, он думает, у него бы получилось. Потому что ждать, пока тебя позовут да хорошенько попросят, дело, знаешь ли, неверное. Можно и не дожидаться.

Так вот, Катя набралась храбрости и спросила:

— Можно, я буду вам помогать?

Ирина учительница ответила:

— Можно. Пожалуйста, приходи, помогай.

Одно дело управляться с Ирой, которую при случае и стукнуть не беда, а совсем другое — с целой группой «продленки»! Катя забывала все время, что они ничего не умеют. Она им говорит: «Запишите, в субботу...», — а они только глядят с изумлением. Или в какой-нибудь игре нужно досчитать до ста, а потом повернуться или разбежаться, — так они до ста считать не умеют.

Раз они неграмотные, надо их выручать, читать им вслух. С этого и начала Катя Шустрова работу октябрятской вожатой: стала вслух читать малышам сказки Андерсена. Понравилось! Потом попробовала Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все поняли и запомнили хорошо. Катя проверяла. А однажды, когда дождь зарядил и не нашлось подходящей книжки, начала пересказывать им «Робинзона Крузо», которого сама в то время читала. Ребята увлеклись, потом приставали, чтобы досказала до конца. Досказать-то Катя досказала, но про себя решила больше такого не делать: пусть лучше сами потом прочтут. Хорошая книга, нечего портить людям удовольствие.

Катя пришла к первоклассникам для того, чтобы их учить, а получилось так, что это ей пришлось учиться.

Как-то «продленка» готовила уроки, а учительница отлучилась, оставила первоклассников на Катю. Известное дело, какие у них задачки — чепуховые! Ребята просят: «Катя, помоги!» Катя идет

помогать, а задачки-то не чепуховые! Они с иксами! В тот раз сами первоклассники Катю и выручили. Она их спросила: «А в классе как решали?» Показали тетрадки. Катя поглядела, разобралась и по образцу классной работы сделала с малышами домашнее задание. Но страху натерпеться успела. Каково это, семиклассница, вожатая, не одолела малышовую задачи! Тем более что у Кати у самой отметки не очень-то.

Пришлось Кате засесть за учебники — не за свои, за Ирины: у первоклассников теперь новая программа. Так и училась в двух классах: по своим учебникам — со всеми вместе, по Иркиным — впереди своих октябрят. Зато в последней четверти, когда учительница первого класса заболела, Катя четыре дня заменяла ее. И справилась.

С играми та же история. «Катя, во что играть будем?» Пятнашки, да прятки, да вышибалы надоели скоро. А попробуй придумай новую игру! Опять пришлось идти учиться — в Дом пионеров, в кружок, где показывали разные танцы и веселые

игры. Плясать первоклашки хорошо научились: такой «Огонек» устроили, на всю школу! И игры новые не переводились.

Танцам, играм — этому, когда захочешь, можно научиться. Алгебре для первого класса — тоже. А как научиться справедливости?

Вот ты приходишь в свою «продленку», а там стоит рев. И валяются повсюду разные нужные вещи — ручки, линейки, ластик. На полу сидит Васька, у него один глаз заплаканный, а другой подбитый. Над ним стоит Мишка, у него физиономия красная и кулаки сжаты. Тебе все ясно, ты честишь Мишку: зачем ударил человека? Но рев кругом становится громче, и все тебе наперебой что-то толкуют, а ты с грехом пополам разбираешься, что Васька, мол, первый начал: стукнул Алку. Выталкивают вперед Алку, у той коленка ободрана, платице запачкано и вид очень несчастный. Ага, значит, ругать надо не Мишку, а Ваську. Но у Васьки глаз тем временем совсем заплаыл, и он маленький, хилый, а Мишка здоровяк, выше всех в классе, и кулаки вон какие! Тебе жаль Ваську, ты ополчаешься на Мишку, а он в ответ: «Ты сама велела защищать девчонок. Я защитил».

Стоит Катя на поле боя, все на нее смотрят и ждут ее слова — самого справедливого. А она не знает, что тут сказать: защищать девчонок — это правое дело, а глаза подбивать — не правое, и кто тут прав и кто виноват, кто защищал слабых, а кто слабых обижал, непонятно. Я, например, не знаю.

Очень трудная работа у воспитателей.

Если что легко далось Кате, так это спорт. Она сама бегает хорошо и прыгать любит, и тут у нее дело сразу пошло весело. Как только снег выпал да окреп лед на реке Великой, Катя придумала саночные гонки. Собирались на берегу Великой, на том, что повыше, и летели вниз на санках — кого дальше занесет. Немудреное дело, а веселое! Потом лыжные соревнования устроили — на лыжах ходить могли все, а с горок скатываться не решились, к этому их Катя приохотила.

К концу года первоклашки стали грамотные. Книжки приучились читать сами. Сказки все запомнили — начнешь им рассказывать, а они кричат: «Знаем!» Игры каждый день требуют новые. Не напасешься на них выдумки!

Катя тоже многому научилась. Новую программу для начальной школы освоила. Танцевать стала отлично. Роль Снегурочки сыграла на елке для малышей, говорят, хорошо получилось. А главное, решила, кем она будет: воспитательницей в детском саду. Раньше хотела она стать шофером автобуса, как папа. А вот теперь передумала.

Весной Катю Шустрову приняли в комсомол. В тот день, когда ей вручили комсомольский билет, октябрята устроили в ее честь торжественную линейку. Они выстроились в школьном коридоре и сказали хором:

— Поздравляем тебя, Катя! Приходи к нам всегда.

И Катя ответила:

— Приду, конечно!

г. Псков.

РЫБА НЕ МЫЛО

РАССКАЗ

Все это было тогда, когда ваши дедушки и бабушки были такими же школьниками, как вы.

Самая большая комната одноэтажного здания фабкома была битком набита рабочими. За столом президиума сидели мы, учителя, — девочки и мальчики, а на скамейках — наши ученики, взрослые дяди и тети.

В газетах это было бы описано приблизительно так: «В торжественной обстановке прошел вечер на Н-ском заводе по случаю окончания рабочими школы ликбеза».

Вот он, мой единственный ученик дядя Коля Парфеныч. Сколько ему приходилось утешать свою учительницу, которая в четыре раза была моложе его и, по существу, знала очень мало. Секретарь парткома передает ему удостоверение об окончании школы ликбеза. Я вижу, как дядя Коля надевает очки. Руки у него дрожат.

— Где тут расписаться надо?

Я вдруг вижу, что он берет ручку, как маленькие ребята ложку.

«Не так, не так», — мысленно шепчу я ему.

Но вот ручка в его руке легла, как надо, и я смотрю, как мой ученик медленно выводит крупными буквами: Николай Колыванов.

Капельки пота, как бисеринки, проступили на его лбу.

— Ну вот, ты и расписываться сам можешь, а говорил, что никогда не научишься, — произнес Василий Андреевич, секретарь парткома. — Благодарю свою учительницу Лидию Александровну.

Лидия Александровна — это я. Меня так называли первый раз в жизни!

Парфеныч снимает очки и отдает мне поклон.

— Дядя Коля, не надо! — кричу я, забыв, что нахожусь в президиуме.

Машка Лабазова толкает меня в бок и шепчет: — Подумаешь, расчувствовалась! Мои ученики уж давно весь букварь наизусть выучили, а твой только едва расписываться научился. А потом... — Она не договаривает и ехидно смотрит на меня.

«Ры-ба не мы-ло», — слышится мне. У меня, как кадры кино, проходит перед глазами все, что было за этот длинный, длинный год.

А началось все так. Володя, председатель учкома, вошел в класс и сказал:

— Ребята, внимание!

На что ему пискнули:

— Мы не ребята, а девочки.

— Ну все равно. Ваш класс будет принимать участие в ликвидации неграмотности на заводе. Все лучшие ученики — Лидя, Маша, Сережа и Женя — будут прикреплены к группам рабочих. Вы должны научить своих учеников читать и писать. Как поощрение участникам ликбеза будет выдаваться двойная «пайка» хлеба (наш школьный завтрак состоял из ста граммов хлеба). После уроков сразу же пойдем на завод.

— А домой обедать? — раздался чей-то очень вразумительный голосок.

— Ни в коем случае. После ликбеза придете и пообедаете. Рабочие не могут ждать вас, когда вы там наобедаетесь. У них смена.

Такое было начало. А потом уже на заводе распределяли группы. У всех было по три-четыре ученика, а ко мне прикрепили почему-то только одного старого дяденьку. Его звали Николай Парфенович Колыванов. Мои товарищи-школьники разбрелись со своими «учениками» и «ученицами», а я осталась один на один с дядей Колей. Было у нас два букваря: у меня и у него.

Дядя Коля вздохнул:

— Эхма!.. И ты будешь учителька, милая барышня? Уже пятая!

— Во-первых, я не барышня, а товарищ Лидя. А во-вторых, почему пятая?

— Прошу вашего прощения, товарищ Лидя, четыре учительки были настоящие, не как вы, с гимназии, да все от меня поотказались. Непонятный я больно. Уж я Василию Андреевичу, нашему партийному секретарю, сто раз говорил: ослобоните меня от ликбеза этого. Сколько лет без грамоты прожил и умру так. А он ни в какую. При Советской власти все должны грамотные быть. Вот вы, значит, пятая и есть.

А потом оказалось, что четыре настоящие учительницы все-таки кое-что сделали.

Буквы дядя Коля знал все, только называл их по-своему: «палочки с перекладиной» — А, «колечко» — О, «заборик» — Н. Но читать он не мог. Первую фразу букваря «Мы — не рабы. Рабы — не мы» дядя Коля бойко прочел: «Мы не рыбы. Рыба не мыло».

— Где ж тут «ы»? «Рабы», а не «рыбы». И где тут «мыло»?

Дядя Коля никак со мной не соглашался:

— Уж я-то хорошо знаю. Целый год учил.

Я даже начала сердиться.

— Это, может, в другом букваре вы учили, а надо читать по этому букварю.

Я, кажется, все объяснила ему, что рабочие были рабами при буржуях и что нужно читать то, что написано, а не выдумывать буквы. Но дядя Коля читал одно и то же: «Рыба не мыло, мы не рыбы».

Вот уже второй час мы сидим с ним и не сдвинулись с места. Машка Лабазова заглянула к нам в комнату и, хихикнув, убежала.

Машка Лабазова училась со мной в одном классе. Все уроки она учила наизусть, как стихи, и не могла простить мне, что я ничего, кроме стихов, не учила наизусть, но считалась первой ученицей. У меня много времени оставалось для чтения, а Маша ничего, кроме учебников, не читала и выzubривала слово в слово и историю, и ботанику, и все другие предметы.

— Чего же вы так расстроились, товарищ Лидя, я же вам говорил, что я непонятливый?

Рисунок А. РЮМИНА.

Кончился наш первый урок с дядей Колей тем, что я разревелась. Дядя Коля совсем растерялся.

— Чего же вы так расстроились, товарищ Лида, я же вам говорил, что я непонятливый? — Он вытащил из кармана какую-то пеструю тряпицу и вытер мне слезы.

— Есть хочу! Домой хочу! К маме хочу! — Учительница ликбеза превратилась в обыкновенную маленькую девочку.

Мой ученик, дядя Коля, взял за руку свою учительницу, всхлипывающую и зареванную, и повел домой к папе и маме. Такой я и предстала перед испуганными родителями. Они не знали, что их дочка стала учительницей ликбеза.

И второй и третий уроки прошли неважно. Мы никак не могли выбраться из этой фразы: «Мы — не рабы, рабы — не мы». Какое-то «мыло» застряло в голове дяди Коли. И вот тут-то я надумала сочинять короткие, понятные слова, написав их печатными буквами. А потом я научила дядю Колю петь эти слова: ма-а... ма-а, Ко-о...ля-а.

Машка, услышав это, сейчас же заметила:

— Ты что, проводишь уроки пения или мычания?

Я ей, конечно, ничего не ответила. Но дяде Коле «пение» принесло большую пользу. Он перестал выдумывать буквы и слова и стал читать, как было написано.

Дядя Коля тоже придумал одну вещь. После того первого злополучного урока он понял, что я, как и его собственные ребятишки, была вечно голодная. Такие уж тяжелые были те времена. А на голодный желудок какое уж тут учение!

И вот, когда я пришла на следующий урок, он вытащил две картофельных лепешки и одну из них протянул мне.

— Поедим, а потом и дело пойдет на лад.

Эта традиция стала у нас постоянной. Я тоже стала приносить на урок заработанную пайку хлеба. Но сколько я ни просила, дядя Коля лишь иногда отщипывал крошку. Зато, когда родственники присылали ему из деревни сало, он всегда приносил кусочек на урок.

— Ну, сегодня подзаправиться есть чем, — говорил он, — родичи прислали.

Разрезав сало на крошечные кубики, дядя Коля всегда старался, чтобы все эти кубики съела я, а сам брал один, какой поменьше.

Настоящим праздником для меня был тот день, когда дядя Коля прочитал то, что было напечатано большими буквами в газете «Правда»: «Мы идем по пути Ленина».

Когда я похвалила его, он как-то смутился:

— А ничего, что я теперь все вывески читаю?

И вот с тех пор учение наше пошло на лад. Дядя Коля стал понятливым.

Зато... я вам должна открыть одну тайну. Всю зиму мне было некогда готовить как следует мои школьные уроки. Занятия по ликбезу отнимали много времени. И я, сама не знаю, как это случилось, перестала быть первой ученицей.

Первой ученицей стала Машка Лабазова. Вот почему на том торжественном вечере она так ехидно посмотрела на меня.

Ну так что ж, что не первая!

Я не жалела об этом.

Эти фотографии принесли в редакцию наши фотокорреспонденты ЛЕВ ПОЛЯКОВ и БОРИС РАСКИН. Они не могут придумать к ним подписи. Мы очень просим ТЕБЯ: расскажи, что тут, по-твоему, происходит.

Дорогая редакция!

Я хочу с вами посоветоваться. Как мне полюбить литературу? Я не люблю литературу. Читаю книги и не дочитываю их, просто мне неинтересно. Когда я читаю, я думаю о другом. Когда принесут домой сказки, я читаю их и не могу оторваться, а литературу не люблю, и мне стыдно за себя. Притом у меня плохая память. Вот, например, положу вещь куда-нибудь и забуду, а потом, когда убираюсь, то не найду. Я перешла в седьмой класс. Помогите мне, дорогая редакция, очень тебя прошу.

С пионерским приветом
Марина.
г. Комсомольск-на-Амуре.

МАРИНЕ отвечает писатель Виктор Сергеевич РОЗОВ

Прочитав письмо Марины, Виктор Сергеевич сказал, что хочет поговорить о Марининых «бедах» с ребятами. Сорок семь человек собрались в редакции.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ РОЗОВ.

Девочка, которая прислала это письмо, славная, не хитрит, не старается обмануть. Если у вас, как у Марины, будут ко мне вопросы, вы мне их задайте, так же откровенно, не стесняясь.

Я давно заметил, что читать теперь стали меньше, особенно молодежь. Почему? Не потому, конечно, что молодое поколение — ваше, в частности, и постарше вас, и помоложе — стало глупее. Нет никаких оснований так думать. Но слишком много информации сыплется теперь на человеческую голову. Радио — в каждом доме. Телевизор смотрят миллионы людей. Кинематограф — в любое село приезжает кинопередвижка, не говоря уже о городах.

А раньше главным источником информации была книга.

Что же происходит сейчас, когда на ваши головы (да и на наши, не думайте, что нам легче) обрушивается столько информации?

Ученые говорят, что человеческий мозг может пропускать информацию, как труба пропускает воду, которая по ней течет, только в определенном количестве, а дальше мозг изнемогает, и начинается как бы засорение водопровода.

Вот я и думаю: может быть, потому отвергается книга, что организм протестует против при-

ятия еще и еще какой-то информации? Может быть. Но я в этом полностью не уверен. Есть ведь люди, смотрящие телевизор и кино, и радио слушающие, и читающие книги.

Вот мы и пришли к самому существенному в нашем разговоре.

Отправился я в кино, купил билет за тридцать копеек, рот разинул и смотрю на экран. Восприятие информации пассивное. Телевизор — еще проще. Билет покупать не надо, даже шапку надевать не надо и идти куда-то. Включил — и пошла информация. То же и радио. Ходишь по дому, слушаешь и пытаешься делать еще какое-то дело.

Книга требует усилия. Ты обязан действовать. Ты должен активно добывать из книги информацию.

«Война и мир» — книга толстая, даже не в одном томе. Кинокартину, хоть она тоже длинная, посмотреть легче, чем прочитать роман «Война и мир».

Но почему, поймите это, читать книгу совершенно необходимо?

Я читаю «Войну и мир». Пьер, Наташа, Андрей, княжна Марья, старик Болконский — сколько прекрасных образов! Передо мной нет ничего, кроме черных закорючек, которые называются буквами, но мое воображение создает ситуации: Бородинский бой, совет в Филях, первый бал Наташи.

Мое воображение активно.

Я читаю роман и создаю моих Наташу, Пьера, Андрея. Я создаю сам. Это самое главное, что мое воображение работает активно.

А когда я смотрю кинокартину, я вижу Бондарчука, Тихонова, Савельеву и, если я до этого не читал романа, потом, когда я буду его читать, у меня перед глазами встанут не мои Наташа, Пьер, Андрей, а чужие — Савельева, Бондарчук, Тихонов.

Активность моего воображения — самое сладкое творчество. Нет на земле ничего выше творчества, а тут я его лишен. Во всяком случае, я не сотворец вместе с Толстым, а получил все в готовом виде.

Книга развивает воображение.

Кино, радио, телевизор — все это хорошо, но книгу они заменить не могут.

Если вы не читаете книг, мне думается, вы обедняете себя. Мы говорим: ай, пальчик сломал, ай, ногу вывихнул. А внутрь себя мы заглянуть не можем. А когда внутри что-то недоразвито, это так же больно, так же неудобно, как и физическое повреждение.

А как пристраститься к чтению?

Уговоры тут не помогут. Уговаривай не уговаривай, толку не будет: кто не хочет читать, будет отлынивать.

Сказать: вот тебе книга, не выпущу гулять, пока не прочтешь? Я не сторонник этого. Это отбывание повинности, никому не нужное.

Что можно посоветовать Марине, которая не любит читать?

Я совершенно уверен, что девочка она очень славная. Я думаю, со временем она непременно пробудится для чтения.

У всех бывает по-разному. Кто-то начинает читать рано, кто-то чуть ли не в третьем-четвертом классе, а до того больше просят: «Почитай мне». Это тоже освобождение себя от труда, это пассивность. Будущему человеку, который вырастет из этого маленького человечка, она может принести вред. Читая книгу, человек обогащается несказанно и для будущего: дальше он пойдет в науку, в искусство, все равно мозг его будет подготовлен.

Мы можем помочь Марине, только рассказав все это и еще сказав: попробуй. Она любит сказки. Это прекрасно, стыдиться этого нечего. Я до сих пор люблю сказки. Очень люблю. Когда я читаю сказки своей дочке, я сам получаю удовольствие. Это не есть затянувшееся детство. Сказки тоже очень много дают для воображения.

Насиловать себя, Марина, по-моему, не должна. Почитала — отложила. «Думаю о чем-то другом». О чем? А может, о чем-то очень хорошем?

Дарвин, кажется, мог работать без отдыха всего несколько минут. Дарвин, величайший ученый! Потом его мозг требовал отдыха.

Может быть, Марине стоит читать пока понемногу, чтобы почувствовать аппетит и вкус. Но никогда ничем не заменять книгу.

ВОЛОДЯ МИРОНОВ.

Виктор Сергеевич, а если я собираюсь стать изобретателем, читаю только фантастику? Я считаю, что для будущего изобретателя читать фан-

тастику, мыслить за героев — вещь необходимая. А историю Наташи Ростовской если я не узнаю, беды не будет. Я посмотрю в кино картину «Война и мир».

В. С. РОЗОВ.

Прочсть все и знать все мы не можем. Мы вынуждены выбрать небольшой участок мира, который можем освоить. Можно читать и одну фантастику, если, предположим, она для тебя без дна и без края.

Мы считаем, что личность должна быть шире, богаче, образованнее, но личности могут быть разные. Я не считаю, что человеку, который занимается математикой, надо читать только одну фантастику. Большие ученые, с которыми я знаком, редко ограничивают свою деятельность только собственной работой, они и еще чем-то увлечены. Но были и такие знаменитые ученые, которые все-таки ограничивались интересами своей науки. У них не было других потребностей, их счастье было в том, чтобы идти вглубь, совершенно не распространяясь вширь. Они, может быть, и думали: «Ах, я несчастный человек, сколько я пропустил». А сколько все мы пропускаем!

Я не хотел бы отвечать на твой вопрос по-школьному, что нет, нельзя ограничивать себя. Это зависит от натуры. Я вот от фантастики засыпаю сразу. Мне говорят: почитай Рэя Бредбери, Лема. А я три недели читал небольшую книжечку — что-то там «по Фаренгейту», засыпал тридцать пять раз. Ну что ж делать, я так устроен, с детства наименее интересной мне была фантастика. Фантастика заменялась для меня сказками, мифами. Я реалист... Какой-нибудь рассказ Чехова прочитать, «Душечку» — какое удовольствие! Не говорю уж о Достоевском. Вырастаете, прочтете его и ахнете.

Ищите свое, особенно в вашем возрасте.

Взрослые говорят: как, ты до сих пор не читал «Войну и мир»?! Как, ты не прочел «Анну Каренину»?!

Ну что «как»? Ничего страшного в этом нет, если ты читаешь что-то свое, что-то необычайно для тебя интересное.

Самое неприятное, если все будут одинаковыми. Наверно, и мухи все разные.

СЕРЕЖА ШВАЛЬЦЕВ.

Вы говорите: ищите свое. А как? Пока я ищу свое, я буду читать много неинтересных для меня книг.

В. С. РОЗОВ.

У нас есть великое чувство — интуиция. Личность избирает.

Беда в том, если кто-то будет это избирательное чувство терроризировать. Взял книгу, прочитаешь несколько страниц, отбросишь. Пусть ошибешься, пусть споткнешься. Другого способа нет, только поиск.

ВОВА ЛИВШИЦ.

Но библиотекари этого очень не любят.

Разве можно взять в библиотеке книжку и вернуть ее на другой день? Если библиотекарь увидит, что ты не прочитал ее, он рассердится.

В. С. РОЗОВ.

Одна моя студентка, которая недавно защитила диплом, написала пьесу про библиотекаря, которая выдает книги и перед которой идет поток читателей. Она говорит:

— Ты прочел?

— Нет.

— Ну, и не надо. А хочешь — попробуй это.

Это огромная библиотека. И благодаря терпению библиотекаря каждый берет то, что ему надо, и это всех приковывает к книжной полке.

ВОВА ЛИВШИЦ.

Если бы все библиотекари такие были!

В. С. РОЗОВ.

Конечно, хорошо было бы. Одно вам скажу, ребята: хватайте то, другое, третье, увлекайтесь. Очень важно все время быть активным, активным, активным! Я боюсь средств пассивной информации.

ВОВА ГРИГОРЬЕВ.

Я вот читаю, читаю, гулять не хожу и уроки плохо делаю.

В. С. РОЗОВ.

Да, брат, это часто встречается. Но есть великое слово «надо». Вся жизнь будет оно тебя сопровождать: чего-то тебе хочется, а что-то от тебя «надо». Единственный способ стать человеком счастливым — это скорее делать то, что «надо», и делать хорошо. И тогда вернуться к тому, что тебе хочется. Иначе ты читаешь книжку, а в мыслях: «Эх, надо было бы сделать физику!...»

СЕРЕЖА НЕХОТЯЕВ.

Говорят, что есть хорошие книжки, хорошо написанные, а есть плохие. А мне все нравится, я все читаю с большим удовольствием. И фильмы мне тоже все нравятся.

В. С. РОЗОВ.

Тут два варианта. Либо ты гений, либо чрезвычайная посредственность.

Я много читал в детстве. У меня была такая старенькая тетушка.

— Что ты читаешь? — спрашивает.

— Чарскую.

— Дай!

— Я еще не дочитал.

— Дай. К вечеру принесу.

Она читала все: графа Салиаса, Мельникова-Печерского, Льва Толстого. Все. А женщина она была умная, по образованию — врач, и женщина с юмором.

Но ее чтение — примерно то же, что грызть семечки. Будто и занят, и оторваться нельзя. Такое чтение — дурман, наркоз. Читаю, вроде мысли заняты. Это — забыть, исчезновение человека. Пустое чтение. В твоём возрасте это опасно, личность может быть погребена.

ВОВА ГРИГОРЬЕВ.

Меня ругают за то, что я глотаю книги. Большую книгу — за два дня. А как слово пишется, я не помню.

В. С. РОЗОВ.

Чтение книги — это не изучение грамматики. Это вещи разные, хотя одно с другим связано. Ребятам, у которых хорошая зрительная память, чтение помогает писать грамотно. Я могу прочитать слово в книге двадцать четыре раза и забыть, как оно пишется. Заниматься грамматикой — это одно, а читать книгу — другое, я не могу ставить это рядом.

И за быстрый процесс чтения я не стал бы ругать, не стал бы останавливать.

Если тебе ставят двойки за то, что ты неправильно слова пишешь, так тебе и надо, значит, ты не знаешь грамматики. Но когда я читаю, я никогда не думаю об этой проклятой грамматике.

МАРИАННА ПРОКОПЕНКО.

Нам по литературе задают читать по программе. И я и мои подруги не любим читать книги по программе.

А если я иногда пропущу что-нибудь из школьного списка, а потом возьму эту книгу и прочту, она кажется мне интересной.

В. С. РОЗОВ.

Все не любят по программе. И я «Онегина» не любил и «Капитанскую дочку» не любил, а кончил школу — понравилось.

Тут есть протест против элемента насилия. «Ты должен это прочесть». «Ах, должен, — значит, не хочу». На дыбы.

Видимо, надо этот внутренний протест преодолевать. Обучение — вещь необходимая. Сам когда-нибудь потом скажешь родителям: «Что ж вы не добились, не заставили меня?»

Есть вещи обязательные. Когда по улице идет поток машин, ты же не полезешь. Человека вечно сопровождает необходимость. Ты скажешь: я бы хотела, чтобы не было необходимости. При свободе от необходимости ты погибла бы. «Не буду смотреть на машины, пойду, куда попало». Через пять минут тебя не стало бы, увы!

● Ученик второго класса—семиклассник ● Плата за выученные уроки ● Закон об охране рек и озер ● Будущее сельского хозяйства ● Почему танкеры терпят крушение ● Советские геологи помогают Вьетнаму ● Трущобы Нью-Йорка ●

что такое хорошо

что такое плохо

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ!

Ученик второго класса...

Олегу Чурбанову восемь лет. Он учится во втором классе 67-й школы города Кемерово. В его табеле стоит отметка, необычайная для второклассника: Олег сдал химию за седьмой класс, причем сдал отлично.

Однажды завуч школы, видя, что Олег увлекается химией, взяла «первоклашку» на свой урок к семиклассникам, и с тех пор Олег стал вместе с семиклассниками учить химию.

Рассказывая о нем в «Советской России», В. Оленева описала такую сцену: кто-то из семиклассников, отвечая у доски, запутался, и тут поднял руку Олег и ответил отлично. Вот что значит настоящее увлечение!

Каким бы способным Олег ни был от природы, ясно, ему пришлось немало постараться, приложить усилий, чтобы овладеть таким сложным предметом. Его никто не подгонял, он сам искал знания. Дома у него, рассказывают, много книг по химии, он читает журнал для взрослых «Химия и жизнь».

В этом году Олег перешел в восьмой класс. Правда, только по химии.

ПОДАЧКИ И ОТМЕТКИ

«Знал я отца, который давал сыну деньги за отлично выученные уроки», — пишет в «Сельской жизни» ученый-педагог А. Пинт.

Он говорит о том, как нехорошо покупать за деньги у ребят старание, развивать в детях жадность. Статья эта, понятно, предназначена для взрослых. Но она прямо касается и ребят. Значит, есть такие ребята, которые берут деньги с отца и матери за свое учение?

Профессор Пинт пишет, что такие подачки развивают недобросовестное отношение к труду. Вместо того, чтобы воспитать в самом себе волю, найти свое увлечение, как, например, Олег Чурбанов, о котором вы только что прочитали, они смотрят лишь в руки, точно лысая собачонка: а что за это дадут?.. Нечего ждать, что у таких ребят, которых можно купить за деньги, выработается свободный и сильный характер.

В статье рассказывается о том, что и дома некоторые ребята если что-нибудь делают, то тоже из-за выгоды: клянчат деньги на мороженое, на кино. Грош цена таким ребятам!

ЧТОБЫ РЕКИ БЫЛИ ЧИСТЫМИ

В конце прошлого года Большеболдинский районный суд разбирал дело о гибели рыбы в реках Азанка, Чека и Пяна. Виновным в этом оказался Ново-Слободский спиртзавод: он сбрасывал отходы своего производства прямо в реки. Ему запрещали это делать и Общество охраны природы и Комитет народного контроля, но на заводе думали только о своем производстве и не хотели считаться

с тем, какой они приносят вред природе.

За это народный суд приговорил главного инженера завода И. Власова к полугоду лишения свободы.

Подобный случай произошел и в верховьях Волги. На Ржевском заводе построили новый цех, а сооружения, которые должны очищать его отходы, еще не были готовы. Но цех все же начал работать.

Верховья Волги стали задыхаться: из-за сброса грязной жидкости резко снизилось содержание кислорода в воде. Это привело к гибели рыбы в реках.

Для охраны рек и озер в нашей стране вскоре будет принят важный закон — Основы водного законодательства.

Сейчас идет обсуждение будущего закона. В газете «Социалистическая индустрия» инженер А. Попов

из Волгограда предложил, например, чтобы вода, которую получают заводы, фабрики и колхозы, перестала отпускаться бесплатно. Плата, по его мнению, научит бережнее относиться к воде, бесценному дару природы. При сплаве древесины по рекам долгая задержка ее в одном месте загрязняет бассейн реки, и это тоже ведет к гибели рыбы. А. Попов просит предусмотреть в законе и это.

НОВОЕ В ДЕРЕВНЕ

Специальные корреспонденты «Правды» Н. Воробьев и В. Журавский написали интересный очерк о новой жизни и труде в колхозах. Они показали, как изменился труд крестьянина в деревне, какие появились новые специальности.

«Как себе представляют еще сегодня иные потребители яиц колхозную птичницу? Стоит посреди курятника этакая дородная женщина в фартуке с лукошком и, рассеивая по полу горсти зерна, громко скликает несушек: «Цып-цып-цып».

Устарелое понятие! — пи-

шут авторы. — В колхозе «Красный Октябрь» — птичник-автомат на 125 тысяч несушек. Птичницы — девушки со средним образованием, знающие электротехнику и биологию. Каждая обслуживает 20 тысяч несушек».

Механизированы и животноводческие фермы.

Свинарь включил автомат — и 1 200 свиней получили свою порцию корма. Стоят посреди выгульного двора два механических колодца с подогревателями — и 1 200 коров всегда напоены без участия человека. Нажал скотник кнопку гидросмыва — и коровник на 400 животных чист.

Авторы пишут, что вот это и есть будущее сельского хозяйства: крупное специализированное хозяйство, оснащенное техникой, машинами, как завод. И работники здесь квалифицированные мастера, знающие и образованные.

из дальних стран • из дальних стран

КОМУ — ПРИБЫЛЬ, КОМУ — ТЕМНАЯ ВОДА...

В одном из прошлых номеров мы рассказывали, как часто погибают греческие корабли. Газеты сообщают о гибели многих кораблей, принадлежащих другим странам.

В Тихом океане недавно взорвался огромный танкер. Корабль раскололся на две части, носовая часть танкера быстро потонула. Погибло семь человек, в том числе и капитан.

Газеты отметили, что чаще взрываются корабли, которые перевозят сырую нефть, это особенно опасный груз.

Большая часть катастроф приходится на тропическую

зону, где и ночью высокая температура.

Маршрут танкеров, идущих из Персидского залива в Европу, сильно изменился. Дело в том, что с закрытием Суэцкого канала в результате агрессии Израиля танкеры вынуждены обходить Африку с юга. Так, путь через Суэцкий канал до Лондона составляет 6 500 миль, а через Кейптаун — 11 300 миль.

Чтобы сократить расходы по перевозке, судостроительные компании стали строить гигантские танкеры. Строили спешно (заказы сулили им гигантские прибыли), времени на исследования и доводку проектов не хватало. И вот результат: одна катастрофа за другой. Мощные корабли тонут, люди гибнут. А капиталисты, владельцы танкеров, все равно получают свои прибыли: их корабли застрахованы на крупные суммы. Погиб, например, танкер «Марпесса» стоимостью в 13 миллионов долларов, а хозяева его получили от страховой компании 15 миллионов долларов, то есть больше, чем стоил новый танкер.

Вот что такое капиталистический бизнес!

СОВЕТСКИЕ ГЕОЛОГИ ВО ВЬЕТНАМЕ

При колонизаторах во Вьетнаме месторождения ценных ископаемых разрабатывались хищнически. Рудники, угольные шахты были запущены. После установления народной власти во

Вьетнаме приехали советские специалисты. На протяжении многих лет наши геологи, геофизики, буровики, геологи участвовали в разведке залежей каменного угля, нефти, газа, железной руды.

Они создали первую во Вьетнаме геологическую карту страны. Эта карта помогла выбрать место для закладки первой в республике глубокой скважины на нефть и газ.

ТРУЩОБЫ НЬЮ-ЙОРКА

В коридорах американского конгресса была необычайная демонстрация. Мэры тридцати пяти городов Соединенных Штатов явились в здание конгресса, чтобы потребовать увеличения средств на жилищное строительство.

Миллионы людей ютятся в трущобах. Одна газета

назвала Нью-Йорк «городом, пострадавшим от войны». Почему? Ведь войны в нем никакой не было, это знают все. Но большие расходы США на вооружение, на войну не дают Нью-Йорку и другим городам строить новые дома.

Подсчитано, что надо бы построить по меньшей мере

два с половиной миллиона новых домов, чтобы избавиться от острого жилищного кризиса.

Мэры городов понимают, что нищета, трущобы, растущие цены на жилье могут вызвать взрыв гнева, протест народа. Это их страшит. Поэтому они пришли в конгресс.

Сладкие СКАЗКИ и горькая ЖИЗНЬ

В Омске живет старый рабочий Тувье Сахьевич Гольберг. Он родился и жил в Польше, но когда в 1939 году гитлеровские полчища напали на Польшу, Тувье бежал в СССР. А его отец, мать, братья остались в Польше. После войны Тувье не знал, живы они или нет. Он решил поехать в Польшу на поиски. Его ждало большое горе: всех родных гитлеровцы расстреляли.

Тут Тувье сделал большую ошибку. Вместо того, чтобы вернуться обратно в Советский Союз, он поехал жить в Израиль. Ему говорили, что там райская жизнь. Когда Тувье приехал туда, он не мог найти работы по специальности. Он подметал дворы, был штукатуром-подрядником, сапожником, чего-чего только не делал! Жена его вообще не могла пойти работать: ведь яслей там нет. Страшно было заболеть: нет бесплатной медицинской помощи.

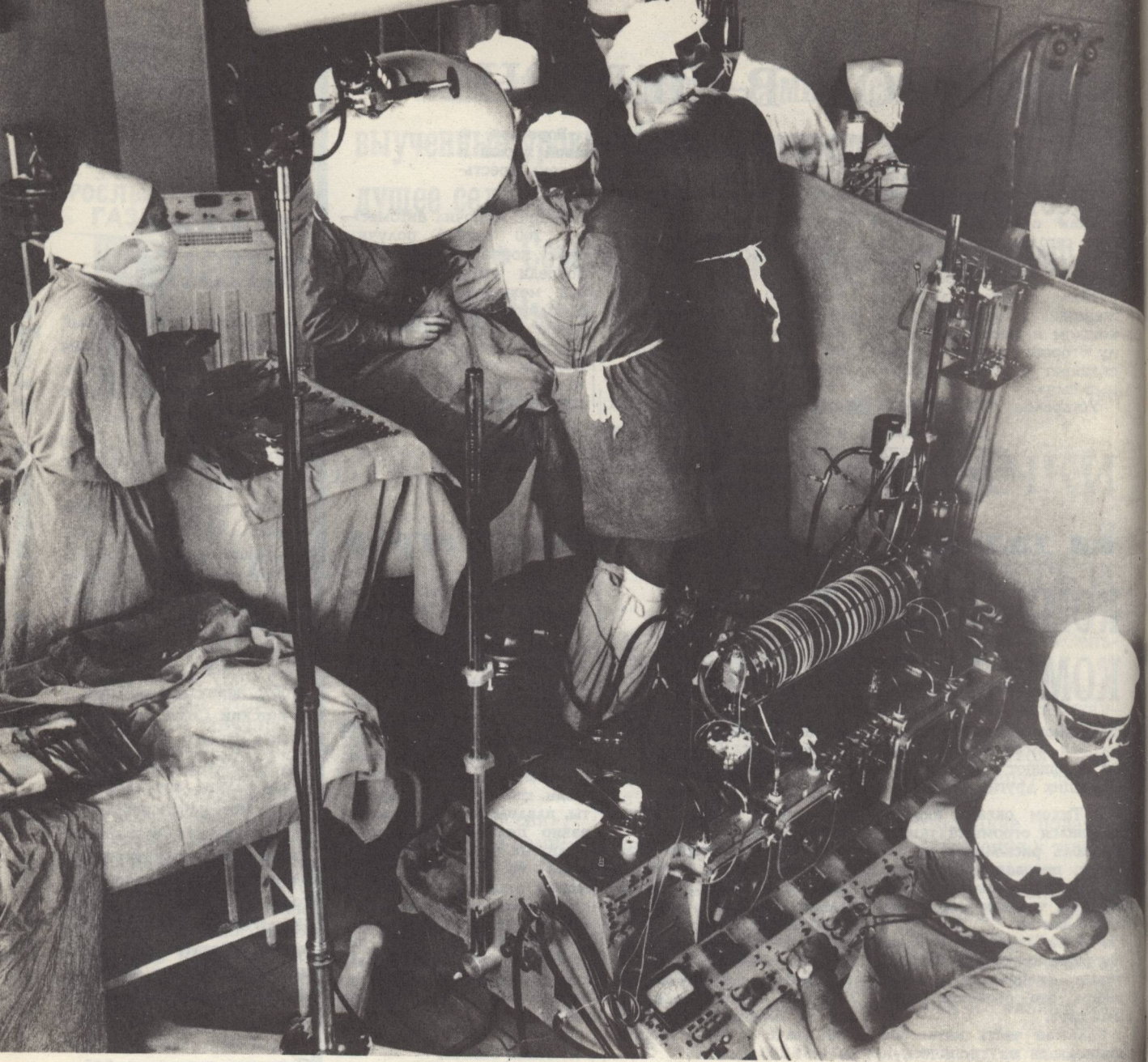
В конце концов Тувье Сахьевич устроился бригадиром на железную дорогу, но его едва не выгнали с работы за то, что он принял на работу двух арабов: в Израиле разжигают ненависть к арабам.

Посмотрел Тувье на этот злой «рай» и попросил наше правительство, чтобы ему разрешили вернуться в Советский Союз.

Так Тувье на своем горьком опыте убедился, каково жить рабочему в капиталистической стране.

Сейчас он живет в Омске, очень счастлив. Так он сказал корреспонденту «Советской России» Е. Голошумову, который беседовал с ним.

АМПУЛЫ ЖИЗНИ

Г. ФАЙБУСОВИЧ

*Капля крови...
Как ни мала она,
в каждой —
5 миллионов
красивых
перламутровых
лепешечек.
Это эритроциты.
Почти прозрачные,
все вместе они
окрашивают кровь
в алый цвет.*

Выстрел на Черной речке

Много лет назад в пасмурный январский день в окрестностях Петербурга произошло роковое событие. В лесу возле Черной речки, вблизи заброшенной Комендантской дачи, встретились два врага. Их сопровождали секунданты. Условия поединка были просты. Каждый из двух соперников имел право сделать навстречу противнику пять шагов. Тогда дистанция между ними сократится до десяти шагов. Если с этого расстояния они не попадут друг в друга, дуэль будет возобновлена. Она будет длиться до тех пор, пока один из них не будет убит.

Секундант махнул шляпой. Усатый гвардеец, подняв пистолет, двинулся по снежной тропинке.

Навстречу ему с другого конца поляны шел невысокий курчавый человек со смуглым лицом и яркими голубыми глазами. Грянул выстрел.

Человек с курчавыми бакенбардами пошатнулся и упал на шинель, лежавшую на снегу.

Все бросились к нему. Но раненый был жив. С трудом приподнявшись, он оперся левой рукой о снег и выстрелил в своего врага. Тот упал на колени. «Браво!» — крикнул раненый и подбросил вверх пистолет. В следующую минуту он потерял сознание.

Пришлось сломать изгородь, мешавшую подъехать саням. В них уложили раненого. Лошадь медленно пошла вперед по глубокому снегу, за санями в молчании шли секунданты. Возле дачи ждала карета.

Все было кончено. Короткий зимний день померк. Посреди опустевшей поляны на снегу чернело широкое пятно крови. Этой крови не было цены. Человек, которого увозила, подпрыгивая на ухабах, наемная карета, был величайший поэт, когда-либо живший в России, — Александр Сергеевич Пушкин, раненный насмерть на дуэли с Дантесом в пятом часу дня 27 января 1837 года.

От чего умер Пушкин

Было уже темно, когда карета подъехала к дому на Мойке. На крыльце столпились домохадцы. Старый дядька Никита взял Пушкина на руки, как ребенка, и внес в дом. В кабинете его переодели: все белье и одежда были пропитаны кровью.

Трусливый Дантес, убийца Пушкина, хотя и был военным по профессии, оказался плохим стрелком. С расстояния в одиннадцать шагов — меньше чем с восьми метров — он попал Пушкину в низ живота. Пуля повредила крупный кровеносный сосуд и раздробила кости таза.

Пушкин умирал. Ниточка пульса на руке билась часто и слабо. «Как при внутреннем кровотечении», — вспоминал врач Владимир Иванович Даль, днем и ночью дежуривший возле поэта. И действительно, Пушкин умирал от кровотечения, которое никак не могло остановиться. К кровотечению присоединилось воспаление брюшины.

Врачи старались облегчить его состояние. Ему давали болеутоляющие средства, успокоительное питье. Даже ставили пиявки. Все это было без пользы. Меньше чем через двое суток после того, как старый Никита с раненым на руках переступил порог его дома, Пушкин скончался.

Незачем винить врачей. В те времена медицина не умела излечивать такие раны. Но горько сознавать, что Пушкина можно было спасти.

Он был молод — ведь ему было всего тридцать семь с половиной лет. У него был крепкий организм. Пуля не задела жизненно важных органов.

Смешно задавать вопрос: что было бы, если бы все это произошло в наше время? В наше время этого не могло бы случиться. Не было бы дуэли. И все же: а что, если бы вот сейчас Пушкина, раненого, истекающего кровью, привезла карета «Скорой помощи»?

А было бы вот что. Автомобиль с красным

крестом подъехал бы к приемному покою. Санитары вынесли бы носилки. В мгновение ока скоростной лифт доставил бы раненого в операционную. Ярким светом вспыхнула бы над столом бестеневая лампа, и дежурная хирургическая бригада спокойно и быстро приступила бы к операции.

Хирург нашел бы перебитый сосуд и перевязал его; брюшную полость очистили бы от сгустков крови и промыли лекарствами, предупреждающими инфекцию. Но еще до этого, перед операцией, хирургическая сестра в течение пяти минут определила бы у раненого группу крови. И тотчас, не теряя времени, ему начато было бы спасительное переливание крови.

И он жил бы и жил до глубокой старости.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

На снимке слева — современная операционная. Идет операция на сердце.

А вот так готовились к операции лет двести—триста назад...

Путешествие красных шариков

День и ночь стучит в груди сердце. Ни один механизм не может непрерывно, не останавливаясь ни на минуту, работать в течение многих десятков лет. А сердце может. День и ночь гонит оно по жилам красную, как сок граната, кровь.

Сначала кровь проходит через легкие. Здесь совершается таинственный и невидимый процесс: кислород из воздуха, которым мы дышим, проникает в глубь эритроцитов. Эти крохотные красные шарики, плывущие в крови, жадно поглощают его. Нагрузившись кислородом, они спешат дальше.

Из легких сердце перекачивает кровь в аорту. Так называется самая главная артерия организма. В толстой, как шланг, аорте маленькие эритроциты, теснясь и обгоняя друг друга, бегут густой толпой — представь себе толпу людей, выходящую из метро. В тончайших капиллярах эритроциты не спеша пробираются один за другим, как пешеходы в узеньких переулках. И вот тут-то, в капиллярах, и происходит то, ради чего эритроциты совершали свой длинный путь: они отдают свой кислород клеткам живого организма. Груз доставлен по назначению. Захватив ненужную углекислоту, кровь возвращается в легкие. Там все начинается сначала: ни на секунду кровь, струящаяся в артериях и венах, не прекращает свой бег. И так всю жизнь...

Красный цвет — сигнал тревоги

Кровь — это символ жизни. Всякое кровотечение опасно. Недаром с древнейших времен цвет крови служит сигналом опасности. И не случайно красный цвет — это цвет героизма и самопожертвования.

Потеря крови грозит смертью. К счастью для нас, кровь обладает способностью свертываться. Сгусток крови, как пробка, затыкает ранку, и кровотечение прекращается. Если бы не это чудесное свойство, придуманное природой, человек каждую минуту рисковал бы истечь кровью — от любого случайного укола, от царапины. Но когда поврежден крупный сосуд, особенно артерия, напор рвущейся наружу струи настолько велик, что кровотечение не прекращается.

Эта ампула приготовлена 28 апреля 1970 года на Московской станции переливания крови.

Вместе с кровью из раны уходит жизнь. С незапамятных времен охотники и воины знали, что происходит с человеком, теряющим кровь. Они видели, как это бывает, а тот, кто видел это хотя бы раз, никогда не забудет.

Человек, который потерял много крови, не кричит, не жалуется. Он спокоен. Но это спокойствие страшнее бури.

С каждой минутой раненый слабеет, он становится бледным, как бумага. Ему холодно, даже если вокруг июльская жара. Взгляд его устремлен куда-то вдаль, он безразличен к окружающему и почти не отвечает на вопросы. Он только просит пить и время от времени облизывает шершавым языком свои белые, бескровные гу-

бы. Если сейчас же, немедленно, не оказать ему помощь, будет поздно.

И все же остановить льющуюся кровь — это еще не все. Надо восстановить потерю.

Как?

От человека к человеку

Перелить кровь. Одолжить хотя бы немного крови у другого, здорового человека и влить ее в жилы умирающему. Простая и в то же время головокружительно смелая мысль! Когда и кому она пришла впервые в голову?

Рассказывают, что в XV веке престарелого римского папу Иннокентия Восьмого попробовали лечить эликсиром, приготовленным из крови двух мальчиков. Лечение не помогло. Дряхлый папа скончался.

Спустя два столетия, в 1667 году, парижский врач Жан Дени соединил серебряной трубкой вену на руке у больного с артерией ягненка. Ему удалось перелить пациенту — шестнадцатилетнему юноше, страдавшему малокровием, — полтора стакана крови животного. Мальчик, как ни странно, поправился, а Дени, окрыленный успехом, приступил к новым опытам. Но счастье ему изменило, он потерпел неудачу и даже был привлечен к суду. После этого французский парламент издал указ — пороть розгами всякого, кто осмелится повторить опыты с переливанием крови.

Прошло еще сто пятьдесят лет. Мысль, однажды возникшая, не оставляла врачей. И вот в начале XIX века — во времена Пушкина — в Англии впервые было произведено переливание крови от человека к человеку. Сделал это акушер Бландел при помощи особого насоса, который он сам же придумал. Успех был полный. Больная женщина выздоровела.

Но когда вслед за Бланделом переливать кровь начали другие врачи, они столкнулись с неожиданными и непонятными осложнениями. Ни с того ни с сего, без всякой видимой причины у больных начинались судороги. Иной раз дело кончалось плохо. А иногда все шло гладко, и больные быстро поправлялись. Никто не понимал, в чем дело.

Тайна раскрылась лишь в самом начале нашего столетия.

Четыре группы крови

У всех нас — детей и взрослых, женщин и мужчин, русских и французов, людей с белой кожей и чернокожих — одним словом, у всех людей на земле кровь на вид одна и та же. И если рассматривать кровь под микроскопом, то и под микроскопом эритроциты окажутся у всех одинаковыми, и не угадаешь, чьи они: твои или мои.

Поэтому врачи считали, что больному можно без опаски переливать любую кровь, лишь бы она была человеческой.

Однако в 1900 году неожиданно было сдела-

но поразительное открытие. Венский ученый Карл Ландштейнер обнаружил в эритроцитах особые вещества — он назвал их агглютиногенами.

Эти агглютиногены бывают двух видов. У одних людей в эритроцитах один вид, у других — другой, у третьих — оба вместе. А у четвертых — есть и такие люди — агглютиногенов вообще нет. Четыре сорта эритроцитов — четыре разных группы крови.

Вот и получается, как в пословице: Федот, да не тот. Кровь двух людей на вид одна и та же, а группы разные.

Ландштейнер смешивал на стеклышках капельки крови разных людей. И оказалось, что если смешать две капли крови одной и той же группы, кровь останется такой же, как была. Если же соединить две разные группы, то эритроциты собьются в кучу, начнут склеиваться, а затем погибнут.

Только одна группа безопасна для всех остальных — та, где в эритроцитах совсем нет агглютиногенов. Такие эритроциты можно переливать кому угодно: они уживаются с любыми другими эритроцитами.

А происходит это потому, что в жидкой части крови, где плавают эритроциты, тоже есть особые вещества. Они, как сторожа, следят, не появится ли какой-нибудь чужак. И если он появится (если в кровь попадут эритроциты другой группы с чужеродными агглютиногенами), сторожа набросятся на пришельцев и начнут их склеивать. Как будто это враги, которых надо скорее вязать веревками!

Вот тебе и ответ на вопрос, почему в прежние времена переливание крови иной раз заканчивалось плачевно. Потому что больным переливали кровь неподходящей группы. А когда все проходило благополучно, значит, кровь, которую переливали, случайно оказывалась той же группы, что и у больного. Или же это была кровь, не содержащая агглютиногенов.

Тот, кто дарит кровь

Во время войны с фашизмом переливание крови вернуло жизнь многим тысячам раненых бойцов. Их вылечили военные медики. Но не они одни. Подобранных на поле боя и истекающих кровью солдат спасли доноры.

Слово «донор» в переводе значит «тот, кто дарит». Так называется человек, который добровольно отдает для переливания свою кровь. Быть донором почетно. Во всех странах мира донора окружает любовь и уважение народа. Во Франции доноров награждают медицинским орденом, который выше ордена Почетного легиона.

В нашей стране доноров сотни тысяч.

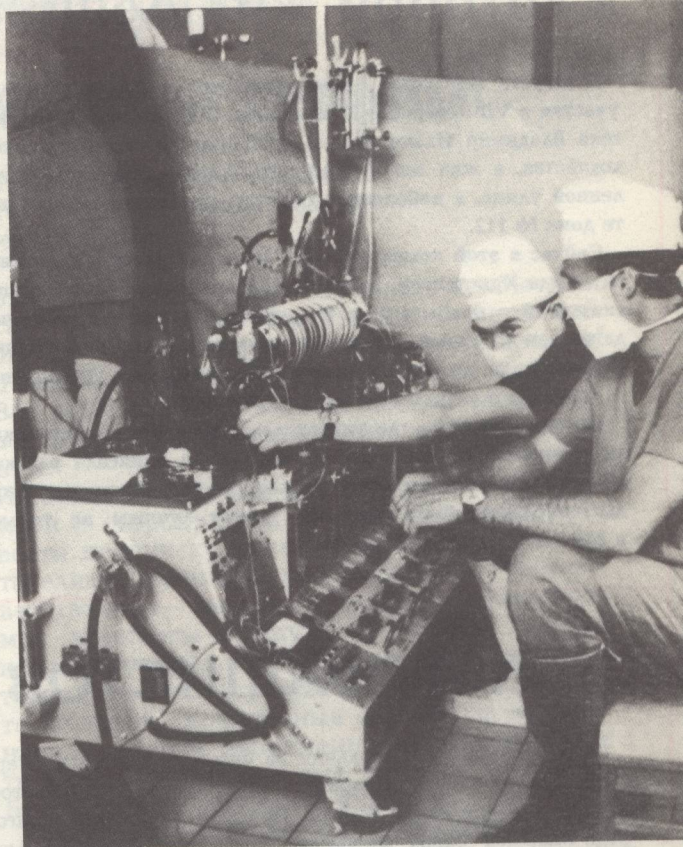
Раз в два или три месяца человек, отдающий свою кровь, приходит на станцию переливания крови. Врачи осматривают его, делают рентген и различные анализы.

В светлой операционной донор, укрытый стерильной простыней, лежит на операционном сто-

ле. Его рука покоится на отдельном столике, и кровь медленно, капля за каплей вытекает из вены.

Но если ее собирать просто так в стакан, она быстро свернется. Вместо жидкости будет студень. Поэтому кровь консервируют. К ней прибавляют раствор, который не дает крови свернуться, и вещества, убивающие микробов.

Сейчас везде работает служба заготовки и консервирования крови. Возникла целая промышленность, занятая изготовлением лекарств из крови человека и животных. Выросли инсти-

Пока идет операция на сердце (ты видел это на первом снимке), его работу берет на себя аппарат. АИК — аппарат искусственного кровообращения — неутомимо гонит обогащенную кислородом кровь по всем клеткам организма.

туты, где сотни врачей и ученых изучают кровь. Наука о крови — это теперь уже не одна, а несколько отраслей знания, целое семейство наук. Тут и химия, и бактериология, и физиология.

Состав крови изучен, можно сказать, досконально.

И, однако, ни на один день не прерывается работа в клиниках, лабораториях, институтах. Как и сто лет назад, глаз ученого всматривается в капельку красной жидкости под микроскопом — ярко-алую каплю крови из артерий, темно-вишневую кровь из вен. Но теперь уже новые, необычайно сложные и умные аппараты помогают исследователям расшифровывать новые и неизвестные свойства волшебного сока жизни. И кто знает, сколько еще неизведанного таит в себе человеческая кровь.

● СОЧИНЕНИЕ ЛИНДЫ ● В ПАРИЖСКОМ ПРИГОРОДЕ ● РЕБЯТА И ЗВЕРЯТА ● ДОРОЖНАЯ КОМАНДА ●

«Я живу в комнате, в которой жил Ленин»

В августе 1910 года Ленин приезжал в Копенгаген для участия в VII конгрессе Коминтерна. В Королевской библиотеке Владимир Ильич изучал проблемы датского сельского хозяйства, а жил он на Вестерброгаден — широкой оживленной улице, в небольшой, скромно меблированной комнате дома № 112.

Сейчас в этой комнате живет двенадцатилетняя школьница Линда Христенсен. Здесь не сохранилось ни одной вещи, связанной с пребыванием Владимира Ильича. На доме нет даже мемориальной доски. Но от матери, от самых старших членов семьи, которые помнят то далекое время, Линда много слышала о великом вожде трудящихся.

И когда в школе, где учится девочка, ребятам предложили сочинение на свободную тему, Линда написала рассказ «Я живу в комнате, в которой жил Ленин». Сочинение Линды Христенсен было признано самым лучшим не только в классе, но и во всей школе.

Чешскому школьнику Радеку отец привез из Танзании двух недавно родившихся львят. А юному англичанину Крейгу Томнису дали на воспитание малютку орангутанга, брошенного в зоопарке матерью.

Ребята и зверята стали неразлучными друзьями. Раджанг (это имя обезьянки) даже заразился от Крейга ветряной оспой. Поэтому оба оказались в больнице.

НАЛЕТ ФАШИСТОВ

Вайяны объявили о создании во Франции единой пионерской организации. Солидарность юной смены коммунистов пришлось не по вкусу врагам. Ночью в парижском пригороде Малаков банда фашистов совершила налет на Дом пионеров имени Германа Титова. Бандиты разбили железными прутьями витрины стендов, сорвали со стен портреты космонавтов, уничтожили детские рисунки.

Пионеры Малакова опубликовали заявление, в котором клеймят позором фашистов.

АВСТРАЛИЯ. Девятилетняя Вирджиния Рикард проплыла 400 метров вольным стилем за 4 минуты 5,2 секунды. Это лучше рекорда знаменитого Вейсмюллера — исполнителя роли Тарзана в кино, который на Олимпийских играх в Париже в 1924 году за заплыв на той же дистанции получил золотую медаль.

ИСПАНИЯ. Как сообщает газета «Пуэбло», миллион детей здесь не учится из-за недостатка школьных помещений.

ИНДИЯ. Любимая спортивная игра здесь — хоккей на траве. В нее играют не только взрослые, но и дети. В каждой школе есть свои команды.

Харцерский патруль

Уже десять лет в польской деревне Вежхово действует команда регулировщиков дорожного движения. Все члены команды — харцеры. Они дежурят на дорогах, когда младшие ребята идут в школу и когда возвращаются домой, разъясняют правила движения всем жителям деревни.

ВНИМАНИЕ!

СКОРО НАША НОВАЯ ОЛИМПИАДА!

ВНИМАНИЕ!

ДО ОТКРЫТИЯ ОСТАЛОСЬ 5 НОМЕРОВ

Приглашаем тебя на математические тренировки!

Икс, Игрек и Зет вошли в состав Подготовительного комитета будущей Олимпиады. Большинством голосов (при одном воздержавшемся) председателем избран уважаемый всеми ЗЕТ.

ЗЕТ. На нашу первую Олимпиаду пришло замечательное письмо от Вали Богуславской из Киева. Там было всего несколько строк: «Как мне быть с задачками, когда я хочу их решать, но не могу?» По письмам мы знали, что этот вопрос вертелся на языке у многих участников Олимпиады, но только Валя отважилась задать его нам. Итак, наши читатели хотят решать задачи, это прекрасно, подумали мы. Но не умеют... Видимо, надо им помочь! И вот мы заранее объявляем о новой Олимпиаде, чтобы вы все могли к ней подготовиться. А как это будет происходить, лучше всех знает наш уважаемый Игрек — непревзойденный выдумщик задач и знаменитый коллекционер шифров, загадок и ребусов.

ИГРЕК. Благодарю за столь высокие титулы (поклон в сторону Зета). Действительно, тайны и загадки припасены у меня для каждой нашей встречи. Решать и разгадывать их мы

будем вместе и научим вас новым необычным способам решения. Вы узнаете о математических открытиях, о великих математиках, о задачах, которые еще никто не решил... Вас ждут интересные задания, но здесь слово Иксу — справедливейшему из справедливых.

ИКС. Вы оказываете мне большую честь (поклон в сторону двух Неизвестных), поручая вести переписку с нашими уважаемыми читателями, оценивать их решения и — самое ответственное — называть лучших. Надеюсь, мои конкурсы пойдут на пользу нашим юным друзьям... Но если они хотят действительно чему-то научиться, мой совет: решайте не только конкурсные задачи. На каждой нашей встрече непременно пытайтесь ответить на все контрольные вопросы и задачи. Будет трудно, загляните в ответы.

А сейчас — мой первый конкурс! Прошу внимания.

ГОЛОС из зазеркалья

Голос этот принадлежит герою книжки «Алиса в Зазеркалье». Книжку написал английский математик и писатель Льюис Кэррол. Это — продолжение всем известной «Алисы в стране чудес». Попробуй прочесть, что же произносит голос, — слова имеют прямое отношение к математике.

— БЕРПИ Э ЙДЕМГОВЗЫ БИБЕО-ЖАКЙПЧ ЗВЕЛЕ, — ЗБИСИВ ФИВМИУ-КЕВМИУ ПЕЛЕВЧЖЕ ДГОСГА-МОВЧЖЕ, — ЕЖЕ ЕСЖИЬИОМ МЕВЧБЕ МЕ, ЫМЕ Э ЦЕЬИ, ЫМЕКЮ ЕЖЕ ЕКЕСЖИЬИВЕ, — ЖА КЕВЧФО, ЖА ТОЖЧФО.

Текст зашифрован следующим образом: десять букв — а, е, и, й, о, у, ы, э, ю, я, как-то разбиты на пары, осталь-

ные двадцать две буквы (буква «ё» у нас не встречается) тоже как-то разбиты на пары, и каждая буква в тексте заменена на другую букву из той же пары. Отрывок записан по всем правилам русского языка.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

— У нас в классе 35 человек. И можешь себе представить, каждый из нас дружит ровно с 11 одноклассниками...

— Не может этого быть, — спокойно ответил своему приятелю Витя Иванов, один из победителей математической Олимпиады.

Почему он так решил?

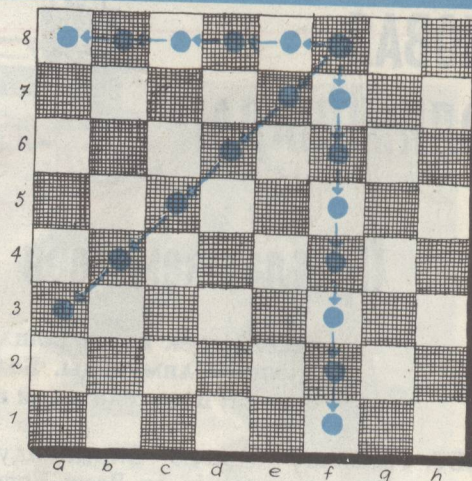
ИГРЕК. На первый взгляд эти игры не имеют отношения к математике. Но в следующих номерах я докажу вам обратное.

Одинокий ФЕРЬ

Объясню правила игры: на поле $f8$ стоит ферзь. Играют двое и ходят по очереди. Каждый из игроков за один ход может передвинуть ферзя либо на несколько клеток вниз по вертикали (на сколько угодно), либо на несколько клеток влево по горизонтали, либо на несколько клеток влево-вниз по диагонали. На рисунке стрелками обозначены возможные ходы с клетки $f8$, а клетки, на которые можно попасть, помечены кружками. Проигрывает тот, кому некуда ходить. Значит, выигрывает тот, кто первым загонит ферзя в левый нижний угол — на поле $a1$.

Известно, что в этой игре начинающий — если он играет правильно — всегда выигрывает, как бы хорошо ни играл его партнер. Как же должен играть начинающий, чтобы всегда выигрывать?

А кто выигрывает при правильной игре — начинающий или его противник, — если вначале стоял на поле $e8$?

Играем с КАМЕШКИ

В двух кучках лежат камни (карандаши, спички, пуговицы — все равно), в первой — 7, во второй — 5. Играют двое, ходят по очереди. Каждый из игроков при своем ходе может взять любое число камней из первой кучки, или из второй, или из обеих сразу, но тогда обязательно поровну. Выигрывает тот, кто взял послед-

ний камень. Кто победит в этой игре, начинающий или его противник?

Какой будет ответ, если вначале в первой кучке было 7 камней, во второй — 4? Поиграй в камушки с кем-нибудь — и тебе легче будет ответить на эти вопросы.

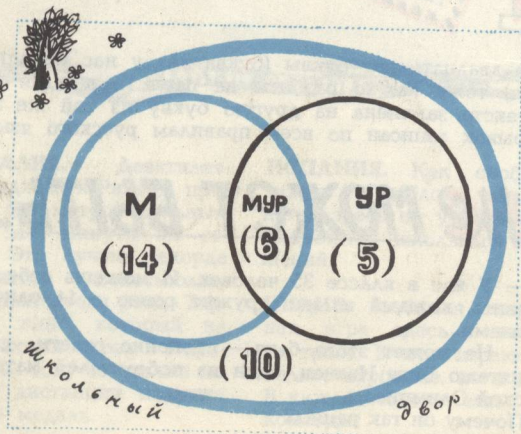

ВЕЛИКИЙ ЭЙЛЕР и ЗАГАДКИ 6го КЛАССА

ЗЕТ. «Загадки шестого класса» — одна из самых трудных задач прошлой Олимпиады. Немногие ребята справились с ней. Вот мы и решили рассказать вам об одном замечательном способе решения подобных задач — о способе, открытом 200 лет назад на берегах Невы...

Но сначала простая задача того же типа.

ПЕРЕСЧИТАЙ МАТЕМАТИКОВ

В классе 35 учеников. Из них 20 занимаются в математическом кружке, 11 — в кружке «умелые руки», 10 ребят не ходят в эти кружки. Сколько умельцев увлекаются математикой?

Давайте изобразим эти кружки на рисунке. Можно, например, начертить в школьном дворе большой круг, а в нем два поменьше, как на рисунке. В левый круг, обозначенный буквой М, поместим всех математиков, в правый (буквы УР) — кружок «умелые руки». Очевидно, в общей части кругов, обозначенной буквами МУР, окажутся те самые математики-умельцы, которые нас интересуют. Остальных ребят класса (их 10) попросим не выходить из внешнего круга — самого большого. Теперь посмотрим: всего внутри большого кру-

га 35 ребят, внутри двух меньших $35 - 10 = 25$ ребят, внутри «математического» круга 20 ребят, значит, в части УР находятся $25 - 20 = 5$ умельцев (они не увлекаются математикой). Так как в правом круге мы разместили кружок «умелые руки» (11 умельцев), то в части МУР находятся $11 - 5 = 6$ умельцев-математиков.

Задачу мы решили, и теперь, наверно, ты сможешь ответить на наши контрольные вопросы:

1. Сколько ребят занимаются только в математическом кружке и где они на рисунке?

2. Сколько ребят посещают только один какой-нибудь кружок?

Рисунки, которые помогли нам решить задачу, часто называют кругами Эйлера.

Это был великий математик, современник Ломоносова. За свою жизнь (1707—1783) он написал очень много научных работ — около 850. В одной из них и появились на свет эти фигуры — круги

Эйлера. Он писал тогда, что они «очень подходят для того, чтобы облегчить наши размышления...» И ты, наверно, согласишься с этими словами, если возьмешься сейчас за решение «Загадок шестого класса» (условия были напечатаны в № 3). А потом попробуй ответить на эти контрольные вопросы и решить задачу:

3. Сколько человек не интересуются хомяками?

4. Сколько скрипачей умеют плавать (кое-кто из них может заниматься хомяками тоже).

КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

В пионерском лагере 70 ребят. 27 из них занимаются в драмкружке, 32 поют в хоре, 22 — спортсмены. В драмкружке 10 ребят из хора, в хоре 6 спортсменов, в драмкружке 8; 3 спортсмена посещают и драмкружок и хор. Сколько ребят не поют в хоре, не увлекаются спортом и не занимаются в драмкружке? Сколько увлекаются только спортом?

ОБЪЯВЛЕНИЯ ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Неизвестные — москвичам

В февральском номере «Пионера» мы рассказали о своем путешествии на Ленинский проспект, в Вечернюю математическую школу при МГУ. В октябре там начинается новый учебный год. Приглашаются школьники шестых, седьмых и восьмых классов.

Точный день начала занятий можно узнать по телефону 137-17-69. Вход на занятия свободный.

НЕ ЗАБУДЬТЕ:

Ленинский проспект,
№ 58
Тел. 137-17-69

Сегодня Неизвестные раскрывают свои тайны на стр. 80.

НАШ ЛЯГУШАТНИК

ЗЕТ. В математике, как и везде, прежде чем научишься плавать на глубоких местах, пробуешь на мелких. Вот мы и открываем наш лягушатник — так спортсмены называют учебный бассейн. Здесь могут побарахтаться ученики третьих и четвертых классов, а может быть, даже и второклассники.

УЧИМСЯ РАЗГАДЫВАТЬ РЕБУСЫ

ИГРЕК. Сегодня решаем вот эти четыре арифметических ребуса:

$$\begin{array}{rcl} 100 - ** & = & 2 \\ 2 \times 98 & = & 1*6 \\ 6* \times * & = & 66 \\ ** + ** & = & 197 \end{array}$$

Как видишь, вместо некоторых цифр здесь поставлены звездочки. Надо разгадать, какие

цифры пропущены. Сначала побарахтайся немножко, попробуй разгадать ребусы самостоятельно...

А теперь возьмемся за них вместе.

ПЕРВЫЙ РЕБУС СОВСЕМ ПРОСТОЙ. Что надо отнять от 100, чтобы получить 2? Конечно, 98. Значит, первую звездочку надо заменить девяткой, а вторую — восьмеркой.

ВТОРОЙ РЕБУС НЕ ТРУДНЕЕ. Умножим 2 на 98 и получим 196. Значит, звездочка справа — девятка.

ЧУТЬ ПОХИТРЕЕ ТРЕТИЙ. На что надо умножить двузначное число $6*$, чтобы получилось опять двузначное число 66 ? На единицу. Итак, мы расшифровали вторую звездочку — это цифра 1, и теперь получаем такую запись: $6* \times 1 = 66$.

Ясно, что звездочка в числе $6*$ обозначает шестерку. Получаем разгадку: $66 \times 1 = 66$.

И ПОСЛЕДНИЙ РЕБУС. Если бы одно слагаемое было меньше 98, то второе должно бы было быть не меньше ста. Значит, каждое слагаемое равно или 98, или 99. Одинаковыми слагаемые быть не могут, так как сумма не делится на 2. Значит, одно из слагаемых 98, а другое — 99. И первоначально последний ребус, возможно, выглядел так: $98 + 99 = 197$, а может быть, и так: $99 + 98 = 197$.

Ты, наверное, заметил, что для решения одних ребусов достаточно произвести вычисления. В других надо еще и рассуждать. Конечно, это труднее. Обязательно напиши нам, понятны ли тебе эти рассуждения (решения третьего и четвертого ребусов).

ИКС: А теперь ты, наверное, вполне справишься с новыми ребусами. Я буду ждать от тебя письма с разгадками.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

① $**** - *** = 1$

②
$$\begin{array}{r} 6* \\ \times * * \\ \hline + * * \\ * * \\ * * 6 \end{array}$$

③
$$\begin{array}{r} 14* * | * 7 \\ - * * 5 \quad * * \\ \hline * * \\ - * 1 \\ \hline 0 \end{array}$$

Очень просим наших постоянных читателей помочь новичкам: многие из них не выписывают «Пионера». Покажите им эти ребусы, помогите своим братишкам и сестренкам или просто знакомым ребятам из младших классов разгадать их. Короче говоря, помогите им познакомиться с нами — Иксом, Игреком и Зетом.

В работе Подготовительного комитета, кроме всем известных Трех Неизвестных, участвуют: член-корреспондент Академии педагогических наук С. М. ШВАРЦБУРД, руководители ВМШ А. ОРЛОВ и А. РОЗЕНТАЛЬ.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

ГОВОРЯЩИЕ ЖЕСТЫ

Наш клуб уже познакомил тебя в первом номере журнала с жестами хоккейного судьи. Сегодня, отвечая на просьбу читателей, мы переводим команды судьи на общепринятый язык с «волейбольного». Судит судья всесоюзной категории **Виктор Алексеевич Скорняков**.

СМОТРИ И ЗАПОМИНАЙ

1. Одна из команд потеряла подачу или проиграла очко. Судья делает движение рукой в сторону команды, которая должна подавать.

2. Ай-ай! Игрок дважды подряд ударил по мячу. Два пальца, поднятые вверх, означают, что судья заметил нарушение. Если команда принимала мяч, она проигрывает очко, если подавала, — теряет подачу.

3. Четыре удара по мячу одной и той же командой. Судья поднимает вертикально четыре пальца. Последствия те же.

4. Два игрока разных команд умудрились совершить ошибки одновременно. Судья поднимает вертикально два больших пальца. Мяч переигрывается.

5. Перерыв. На языке судейских жестов это сообщение выглядит так: к вертикально поднятой ладони судья прикладывает горизонтально другую ладонь.

6. Игрок прикоснулся к сетке. Судья тоже касается сетки. И всем без слов ясно: принимающая команда проигрывает очко, подающая отдает подачу.

7. Кто-то, заигравшись, переступил среднюю линию. «Вижу», — указывая на линию, говорит судья. И опять очко не в пользу команды или утрата подачи. Но знай: касание средней линии в пределах ее ширины правилами разрешается.

8. Тут произошло длительное касание, мяч задержан игроком в руках. Отмечая это нарушение, судья медленно поднимает руки, повернутые ладонями вверх. Проигрыш очка или подачи.

9. Ну вот — двойной удар по мячу! Судья несколько раз поднимает одну и одновременно опускает другую руку.

ГОВОРЯЩИЕ ЖЕСТЫ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

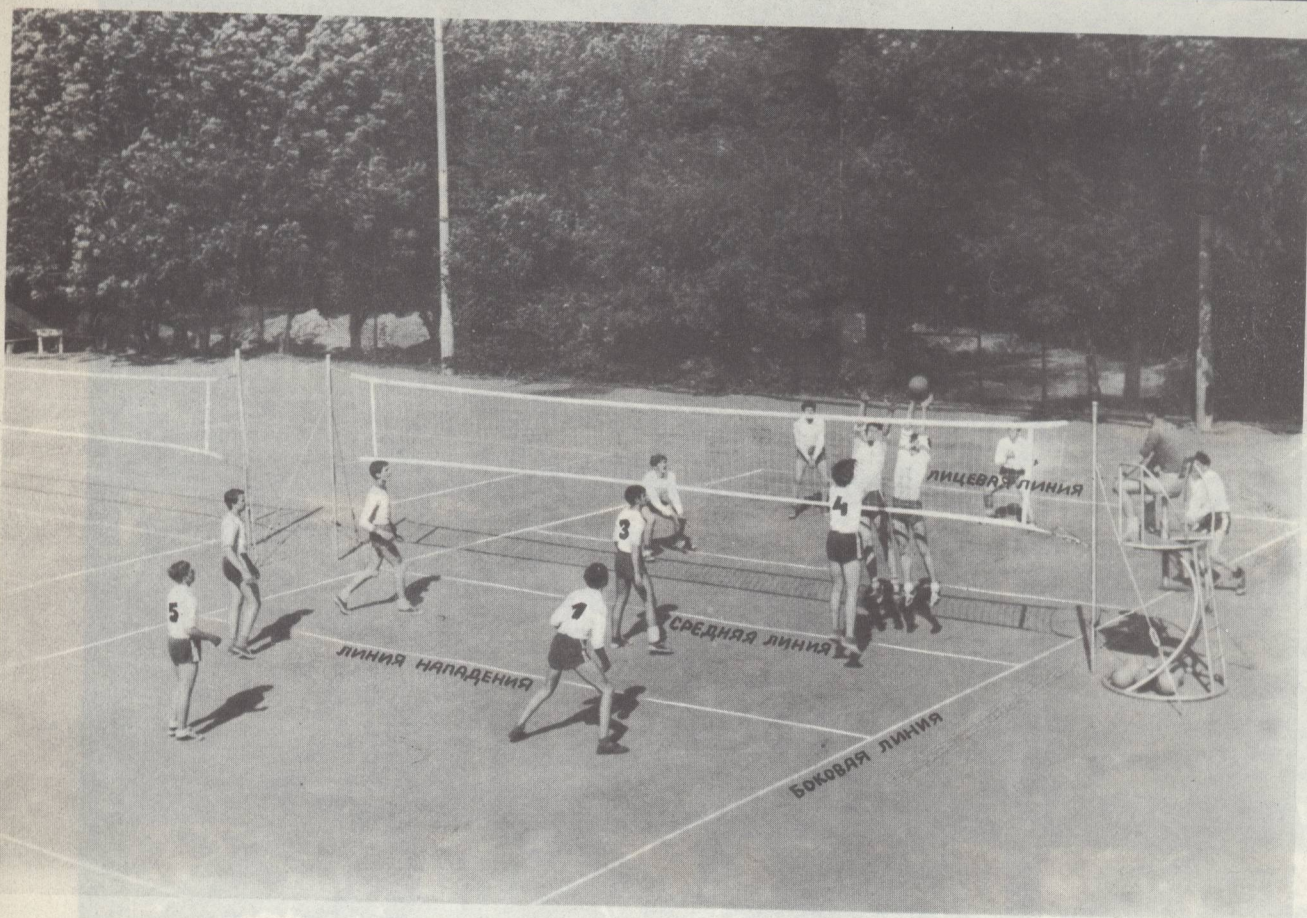

18

19

10. При ударе игрок бросил или толкнул мяч. Судья делает медленное движение рукой сверху вниз или повторяет движение игрока. Наказание — проигрыш очка или подачи.

11. Игрок задней зоны перешел в нападение. Судья указывает на игрока, допустившего ошибку. Игроку задней зоны разрешается посылать мяч на сторону противника с площадки нападения лишь в том случае, если мяч находится ниже верхнего края сетки. Если мяч выше, он этого делать не должен. Иначе нарушение.

12. Игрок задней зоны блокировал мяч. Судья указывает на нарушителя и поднимает обе руки вверх. Ошибка! В блокировании имеют право участвовать только игроки передней линии (зоны). Как и в предшествующем случае, команда нарушителя лишается подачи или очка.

13. Подающий переступил лицевую линию. Судья указывает на линию. До удара по мячу подающий игрок не имеет пра-

ва переступать линию площадки или наступать на нее. Переступил — отдавай подачу.

14. Неправильная расстановка игроков во время подачи и подача вне очереди. Судья делает рукой круг и указывает на игрока, допустившего ошибку. Проигрыш очка или подачи.

15. А тут мяч перешел сетку за ограничительной лентой. Судья касается ограничительной ленты. Наказание обычное: противник получает очко или подачу.

16. Замена игрока. Об этом говорит поворот кистей рук одна вокруг другой.

17. Кто-то из игроков коснулся мяча на стороне противника. Судья заносит руку над сеткой.

18. «Ошибки нет. Игра продолжается», — сообщает судья вытянутыми в стороны руками.

19. Конец игры. Руки судьи скрещены на груди.

МОРСКИЕ СТИХИ

ЭЛЬМИРА КОТЛЯР

Морской вал

Вал, вал
Завывал!
Обдавать не забывал
Брызгами солеными,
Брызгами зелеными.
Возвращался невпопад,
Грохотал,
Как водопад.

Камешки

Камешки морские,
Да еще какие!
Гладкие,
Блестящие,
С морем говорящие!

Ракушка

Морская ракушка,
Шепни мне на ушко:
— Шу-шу-шу-у...
Я морем дышу!

Ходики

По морю, как ходики,
Ходят пароходики.
Маятник качается,
Качка получается.

Яхты

Ух ты,
Ах ты,
На море — яхты!
Ах ты,
Ух ты,
Вышли из бухты.
Паруса надуты —
Фу ты,
Ну ты!

Чайки

Чайки пляшут на волне,
Рыбки пляшут в
                                глубине.
Налетает чайка:
— Здесь я хозяйка!
— Нет я!
— Нет я!
Эта рыбка,
Чур, моя!

Фонарик

Вот янтарик,
Это мой!
Я возьму его домой.
Гори, гори, янтарик.
Янтарик,
Как фонарик!

Море

Море, море, мореход,
Море — белый пароход.
В море синяя вода,
В синем море невода.

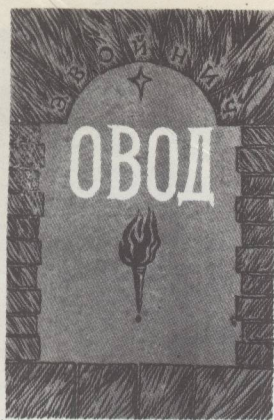
Осьминог

Сколько ног
У осьминога?
Раз, два,
Три, четыре...
Много!

Паук на побережье

Вышел на берег паук:
— У меня на море
                                внук.
Он не ходит по земле,
Он плывет на корабле.

Что Нам Читать?

ВСТРЕЧА С КНИГОЙ

Я учился в шестом классе, когда родители посоветовали мне прочитать роман Э. Войнич «Овод». Они говорили мне, что книга эта учит мужеству, борьбе, решительности, стойкости в своих убеждениях. Я внимательно слушал их, но, увы, страстный поклонник Дюма и обожатель д'Артаньяна, был верен своему кумиру, и коричневый томик с белыми буквами «Овод» на обложке лежал на столе нераскрытым.

Как-то летним вечером я сидел на скамейке в саду. Сад медленно погружался в темноту. Было скучно и холодно. Вдруг глаза мои, жадные до приключений, увидели вдали под яблоней неизвестно откуда взявшуюся книгу, ветер терзал ее страницы. Я подошел ближе. Оказалось, что это только несколько пожелтевших страниц.

Находка меня заинтересовала. Я подобрал остатки книги и вернулся на дачу. Засветив настольную лампу, медленно, не торопясь, предвкушая удовольствие, я стал читать. С первых строчек исчезло все: и сад, и дача, и бабушка.

Я очутился в тюремном дворе, где приводился в исполнение смертный приговор. Солдаты боялись стрелять, каждый целился мимо, втайне надеясь, что убийцей станет сосед. А человек, стоявший на краю могилы, смеялся над ними и сам командовал расстрелом.

Читая, я судорожно переворачивал страницы, а когда все прочел, начал снова.

На следующий день по моей настоятельной просьбе бабушка поехала в город и привезла мне книгу «Овод» (о названии я догадался по имени героя) — коричневый томик с белыми буквами на обложке.

Я прочел «Овод» за пять часов, не отрываясь. Какой прекрасной оказалась эта книга! Я тогда искренно завидовал тем, кто еще не читал ее. Чужая, совершенно незнакомая страна, люди хрупкие и мужественные, честные и сильные, эгоистичные и надменные вставали передо мной...

И неизвестно, сколько времени я не знал бы ничего этого, если бы не пожелтевшие страницы, найденные в темном, запущенном саду!

В. ЯНИЦКИЙ

Познакомьтесь с Марсом

Марсу повезло: из всех планет солнечной системы он давно уже стал самым популярным «героем» космической фантастики.

Это и понятно: Марс — наш близкий сосед. На него давно нацелены телескопы астрономов, люди уже не первую сотню лет копят сведения о Марсе. Ученые определили размер планеты, время ее обращения вокруг собственной оси и вокруг Солнца. Узнали состав атмосферы Марса, температуру на его поверхности... Многое узнали! Но чем больше узнавали, тем больше новых загадок ставил Марс перед учеными.

И вот — так часто бывает, — пока ученые по капельке собирали сведения о далекой планете, нашлось немало людей с горячими, нетерпеливыми сердцами, которые брались подсказать ученым то, чего они пока не знают. И пошли по земле сказки и домыслы о Марсе. Появилось множество книг о Марсе и марсианах. Есть среди них хорошие, есть и плохие. И так получилось в наше время, что у многих читателей, особенно у тех, кому сегодня лет десять — двенадцать, и правда и сказки о Марсе перепутались, переплелись так, что уже и не разберешься, где правда, где выдумка.

А разобраться нужно. Нужно потому, что как раз тем, кому сегодня десять лет, придется готовить настоящие экспедиции на Марс.

Чтобы помочь ребятам разобраться во всех этих сложных марсианских делах, чтобы поставить все на свои места, Павел Владимирович КЛУШАНЦЕВ и написал свою книгу «ОТЗОВИТЕСЬ, МАРСИАНЕ!».

Не бойтесь: Клушанцев своей книгой не закрыл дорог для мечты. «Мечтайте, — как бы говорит он на каждой странице, — фантазируйте, но делайте это так, чтобы мечта ваша стояла на твердых ногах настоящей науки».

Прочтите эту книгу, ребята! Читается она легко, как фантастическая повесть, и принесет вам множество интересных и точных сведений, которые помогут вам стать настоящими покорителями далеких планет.

А. НЕКРАСОВ

Операция «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» продолжается!

Вести о первом туре

Тысячи ребячьих отрядов, называющих себя «Голубыми патрулями», с весны принялись за работу. Сообщения о том, как «Голубые патрули» охраняют рыбу от всяких рыбьих бед, продолжают поступать в Главрыбвод и в редакцию журнала «Пионер».

Ты помнишь, в мартовском номере нашего журнала писатель Константин Иосифов рассказал о стражах «живого серебра» из подмосковного города Видное. Министр рыбного хозяйства СССР А. А. Ишков, крепко похвалив видновцев, назвал адреса многих других ребят—защитников рыбных богатств.

По предложению министра «Пионер» объявил о начале большой общей операции «Живое серебро». Ведь дело, которым занялись комсомольцы и пионеры-школьники,—прекрасное, большое дело государственной важности!

Что сообщают участники операции?

Только в трех районах Ростовской области: Аксайском, Азовском, Семикаракорском—создано 69 отрядов, в которые вошло больше тысячи ребят.

Семьдесят отрядов,—а это не меньше 1200 человек! — принимают участие в операции «Живое серебро» на острове Сахалин. Они ходят дозорами вдоль берегов рек и озер и следят, чтобы никто не ловил рыбу незаконными средствами. А если обнаруживают браконьеров, то либо предупреждают их, либо вызывают на помощь инспекторов рыбоохраны.

«Голубые патрули» из школы № 2 крымского города Феодосия патрулируют вдоль берегов Черного моря и останавливают тех, кто нарушает правила лова.

Белорусские ребята высадили тысячи кустарников и деревьев по берегам рек Сож, Свислочь, Проня, потому что знают: если берега покрыты лесом, то в реке и воды больше и рыбе лучше.

«Голубые патрули» в Браславле (Белорусская ССР) следят за тем, чтобы из разных заводов и заводиков, коровников и автохозяйств не спускали в реки всякую нечисть. Ведь в воде, отравленной промышленными отходами, рыбе жить невозможно.

Ребята из городов Кандалакша и Онега помогают рыбноводным заводам охранять и подкармливать мальков ценных видов рыб.

В устье реки Урала и на Нижней Волге—да и не только там!—«голубые патрули» соединяют каналами «отшнуровавшиеся» после половодья и обреченные на высыхание во-

доемчики с большой водой, либо вылавливают из них мальков, перевозят их в чанах и спускают в реки. В распоряжение юных рыбачьих патрулей выделены и автомашины, и мелкочейные сети, и чаны. Много миллионов рыб спасли они.

Вести о ходе операции «Живое серебро» продолжают поступать.

Министерство рыбного хозяйства подвело итоги первого тура операции, и министр вынес благодарность всем участникам и наградил фотоаппаратами, резиновыми лодками, палатками, биноклями лучших из лучших. Вот они:

Отряды Кочетковской средней школы и седьмой класс средней школы № 2 г. Аксая (Ростовская область).

Отряд Сережи Зеленцова, Юры Чеботарева, Алеши Ермакова, Коли Сосунова из Енотаевского района (Астраханская область).

Отряд юных натуралистов средней школы № 36 г. Дзержинска (Горьковская область).

Отряд «Голубой патруль» Ново-Слободской восьмилетней школы (Могилевская область).

Ученики средней школы № 4 г. Бреста (Белорусская ССР) Валя и Слава Бобровские, Саша Игнатюк, Саша Ольховский.

Награждением самых опытных и деятельных отрядов операция «Живое серебро» не завершается. В июле, когда был подписан приказ министра о наградах, работа была еще в полном разгаре, и в донесениях многих «голубых патрулей» содержалась просьба продлить операцию. Вот что писали, например, ребята из Семикаракорского района, Ростовской области: «Мы обращаемся через ваш журнал к министру рыбного хозяйства тов. Ишкову А. А. с просьбой продлить операцию до осени».

Просьба ребят удовлетворена.

Итоги второго тура операции «Живое серебро» будут подведены по окончании всех летних и осенних работ.

А главное, решено, что операции, подобные «Живому серебру», должны проводиться ежегодно. Сейчас создается постоянный штаб, в который войдут ученые, специалисты, представители Главрыбвода, Всесоюзного общества охраны природы и журнала «Пионер».

Создавайте постоянные отряды «Голубых патрулей», которые будут действовать круглый год!

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Счастливого плаванья, «Белая ладья»

«Белая ладья» снова подняла паруса и отправилась в дальний путь по нашей стране. На борту ее сотни тысяч ребят. В городах и селах прошли соревнования юных любителей шахмат. Ребята упорно сражались за шахматными досками, придумывали интересные планы и хитрые комбинации. Самые лучшие школьные команды из всех республик приехали в город Орел и здесь померялись силами и умением.

«Клуб «Белая ладья» — это будущее наших шахмат», — так сказала, выступая на XVI съезде комсомола, чемпионка мира Нона Габриндашвили. И это верные слова. В шахматных соревнованиях растет и крепнет мастерство, ребята проходят трудную школу спортивных побед и поражений.

Некоторым ребятам, наверно, покажется странным разговор о трудности поражений.

Конечно, потерпеть поражение немудрено. Но как сделать, чтобы в следующий раз выиграть?

Прежде всего серьезно относиться к своей неудаче, постараться найти ее причину и никогда не искать оправданий для себя. Только при этом условии поражение может стать школой будущих побед.

Вот что говорит об этом бывший чемпион мира кубинец Хосе Рауль Капабланка: «Большинство шахматистов считает проигрыш чем-то позорным. Это ложный взгляд. Те, кто хотят совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши как на уроки и учиться по ним, чего избегать в будущем».

Грамота Мише Гаврильчику

Вот какое письмо прислал Пешкину ученик Богусhevской средней школы Миша Гаврильчик из деревни Дубовый лог, Минской области:

«Я впервые принимаю участие в твоём конкурсе, Пешкин, и очень хочу с тобой подружиться. Надеюсь, смогу получить спортивный разряд, но, если на этот раз не выйдет, получу разряд в следующий раз. Обязательно получу.

У нас в деревне много ребят играют в шахматы, а в конкурсе не участвуют. И надо мной смеются: все равно, мол, у тебя ничего не выйдет, получишь картофельную медаль. Но я буду тебе, Пешкин, писать и соревноваться в твоих конкурсах».

И правильно сделаешь, Миша! Только в соревнованиях можно научиться мастерству. Задачи Пешкина ты решал хорошо, и он награждает тебя «Грамотой ферзя и ладьи».

Шахматные снайперы

Трудные шахматные цели предложил Пешкин поразить шахматным снайперам в первом номере журнала. Вот как решаются задачи:

Мишень № 1. 1. Фв8 — h2 и мат следующим ходом.

Мишень № 2. 1. d6 — d7 и если 1... e5 — e4, то 2. d7 — d8 А. Если 1... e5 : f4, то 2. d7 — d8 С, если 1... Кре6 — d6, то d7 — d8 К, и, наконец, на 1... Кре6 — e7 к цели ве-

дет превращение пешки в ферзя. Таким образом, пешка d7 превращается в этой задаче во все фигуры.

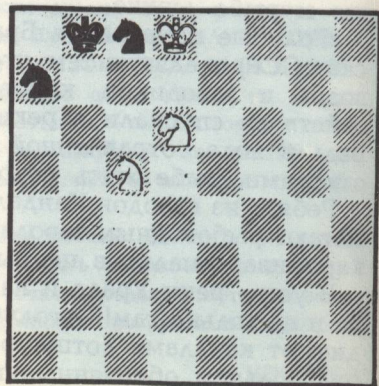
Мишень № 3. 1. Cf4 — e3 + Кра7 — a8 2. e6 — e7 Ла1 : a3 3. Се3 — a7! В решениях указаны только главные варианты.

«Грамотой ферзя и ладьи» Пешкин награждает лучших снайперов «Клуба шахматных королей» школы-интерната г. Прилуки, Черниговской области, Мишу Вишневского (Киев), Сашу Бики (Запорожье), Колю Бойко (Харьков), Толю Юрьева и Колю Шмырина (Свердловская область), Сашу Камелева (Горький), Ильдуса Гатаулина (Казань), Александра Нека (Тернопольская область).

Кавалерийский рейд

Только четыре коня ведут сражение в этой позиции: два белых и два черных.

Казалось бы, ничья неизбежна, но не тут-то было. Белые кони расположены лучше, да и черный король оттеснен в угол. Найдите, как, начиная игру, белые добиваются победы.

— Знаете ли вы, что такое интервью? — спросила Калинка, усаживаясь на спинке любимого маминного кресла.

Марина подумала и ответила:

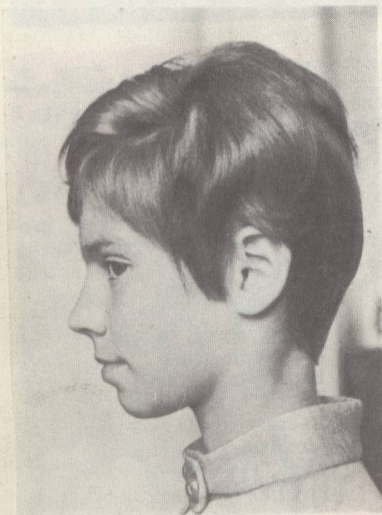
— Когда журналист беседует с важным деятелем по важным вопросам.

— Верно. Я не журналист, но сегодня интервьюировала трех важных деятелей парикмахерского дела — Римму Миронову, Галю Грибову и Валю Игнатьеву — и одного мальчишку двенадцати лет.

— Какая стрижка лучше всего пойдет девочке-школьнице? — спросила я.

«Вот такая», — сказала Римма. Она взяла ножницы и расческу и постригла девочку, очень обросшую после лета. Великолепная получилась прическа — и в школу можно и в гости.

— А что делать, — спросила я, — если у лучшего друга день рождения и не хочется заплетать школьную косичку?

— Тогда, — сказала Галя, взяв в руки бигуди и расческу, — надо хорошенько расчесать волосы, смочить их отваром льняного семени (столовая ложка на стакан воды), или пивом, или соком лимона, на одну треть разведенным водой, и попросить маму накрутить волосы на 6—8 крупных бигуди. Когда волосы высохнут, бигуди снять, волосы расчесать щеткой, а потом украсить их бантом. Вот так. Между прочим, челка до носа давно вышла из моды; если очень высокий лоб, можно подстричь челку, но очень аккуратную, вот такую.

— Как быть, — спросила я, — если коса не очень-то толстая, но длинная и распустить ее нельзя, а Володя, с которым сидишь за одной партой, пригласил в театр и очень хочется причесаться необыкновенно?

Валя ничего не сказала, а заплела девочке две косы, начиная с макушки, уложила их двойным узлом, а хвостик выпустила и закрутила с помощью бигуди красивым локоном. Отличная получилась прическа, строгая и красивая.

А потом я спросила у одного мальчишки двенадцати лет, нравится ли ему, когда девочки ходят в школу лохматые или распускают длинные лошадиные хвосты.

Он подумал и сказал:

— Нет. Мне нравится, когда девочки причесываются вот так... — И нарисовал.

— Ой, — удивилась Лека, — вот эта прическа совсем как у меня! И косичка такая же толстенькая. А как зовут этого мальчишку?

— Заседание считаю открытым! Прошу уважаемых членов клуба повернуться клювом к президиуму, то есть ко мне, — торжественно произнесла бабушка Белобока, но никто даже не оглянулся.

— Призываю присутствующих к порядку!

Никакого впечатления. Белобока чуть не закукарекала от возмущения: уважаемые члены клуба, совершенно неуважительно повернувшись хвостами к своему уважаемому председателю, с раскрытыми клювами слушали сороку Балаболку.

— Безобразие! Это что еще за новости?! —

ОБЫКНОВЕННЫЕ НОВОСТИ!

охотно откликнулась Балаболка.

— Так рассказывайте погромче, — потребовала Белобока-председатель.

— Каждое утро, когда я пролетаю мимо соседней школы, я вижу через окно, как Петя А. входит в свой 5-й «Б» класс... на ру-

ках... Ребята делают ему замечания, а он отвечает: «А что, нельзя, да? Где написано, что нельзя?» И ребята не знают, что сказать.

— Действительно, нигде не написано, что нельзя ходить на руках, — заметила сорока Непони-майка. — Так, может быть, можно, если нигде не написано.

— Конечно, можно, раз не написано, что нельзя! — затараторили сороки.

— Уважаемые члены клуба! Слово для ответа Пете А. просит польский писатель Ежи Есёновский. Вот его стихотворение:

Что можно

— Нельзя ли в горчицу подмешивать джем?
— Можно. Пожалуйста. Только зачем?

— А можно ли шить из железа пальто?
— Ну, предположим... А дальше-то что?

— А по морю плавать в дырявом корыте?
— Дело хозяйское, как захотите.

— А можно ли в шляпе готовить обед?
— Если в своей, почему бы и нет?

— Ходить на руках и не в дверь, а в окно?
— Извольте! Хоть бегайте — разрешено!

— А воду носить не в ведерке, а в сите?
— Опять-таки кто запрещает? Носите!

На многое нет никакого запрета,
И можно поэтому ДЕЛАТЬ все это:

Лопатой гонять в небесах облака,
Цветными чернилами красить быка,
Учить щебетать пожилую ворону,
Себя самого вызывать к телефону,
И вилами письма писать по воде,
И кошку водить по бульвару в узде...
А можно еще (и намного умней!)
НЕ ДЕЛАТЬ бессмысленных всяких вещей.

— У нас еще есть сообщение, — сказали сороки-близнецы Бел и Берда.

— Какое?

— Нам грустно!

— Почему?

— Во-первых, мы выучили грустное осеннее стихотворение, а во-вторых, мы перепутали в нем строчки. Вот послушайте:

Ветер, ветер, ветер
В почерневший сад
Взрослые и дети
По небу летят
Льется дождь колючий
Мокрый листопад
Тучи, тучи, тучи
Грустные сидят.

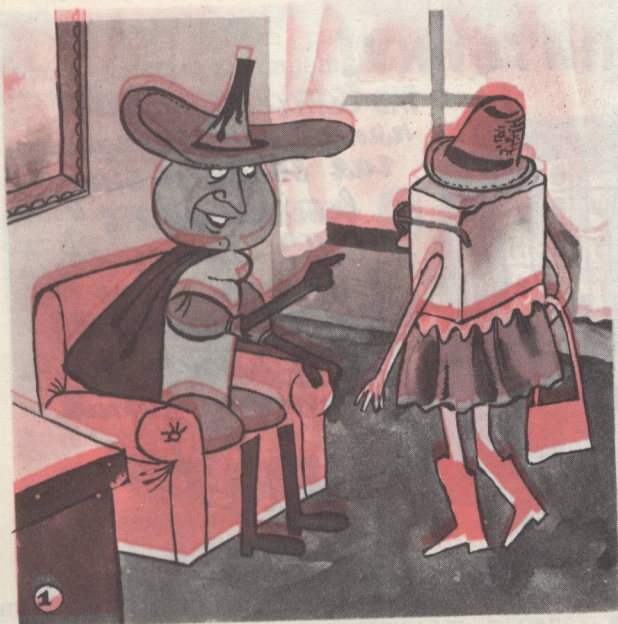
— Не грустите, дорогие Бел и Берда. Я уверена: ребята восстаноят это стихотворение и пришлют его вам, — сказала Белобока, закрывая заседание.

Ждем ваших писем, ребята.

Записки капитана Тиро-86

1. Одна из резинок пожаловалась мне, что утром ей позвонил карандаш и угрожал всю ее исколоть. «Мне кажется,— сказала резинка,— это был известный задира синий карандаш». 2. Мне не раз приходилось распутывать проделки синего карандаша, и я отправился к нему домой. Когда я подошел к дому, то увидел, как карандаш с чемоданчиком в руках вылезал из машины. 3. «Вы ко мне? Милости прошу! Хорошо, что вы пришли сегодня. Вчера бы вы меня не застали: я не был в городе целую неделю». 4. «Нет, нет, что вы? Я никому не звонил! Вы же сами видели: я только что приехал»,— убеждал меня синий карандаш. Я внимательно осмотрел комнату и сразу догадался, что карандаш пытается меня обмануть. А вы догадались?

А.С. 70

Разыскиваются гласные и согласные

ИГРЫ ДЕДА БУКВОВОДА

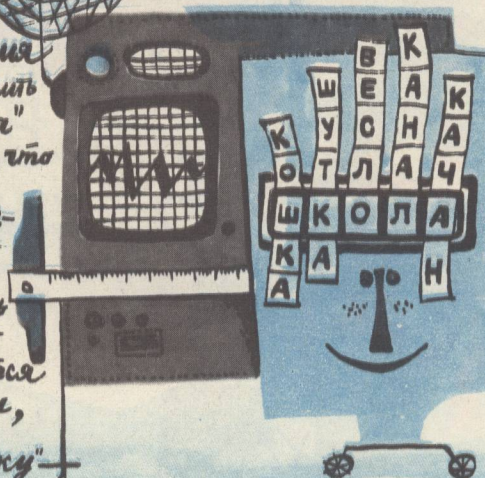
К		К		Н
	Т		Р	
К		З		К
	Р		В	
Н		К		З

Целый вечер я бился, составляя два магических квадрата. Наконец задача была решена: в каждом квадрате по вертикали и по горизонтали читались одни и те же слова. А утром я с огорчением увидел, что из первого квадрата сбежали все гласные, а из второго — согласные буквы. Очень прошу, разыщите их и поставьте на свои места.

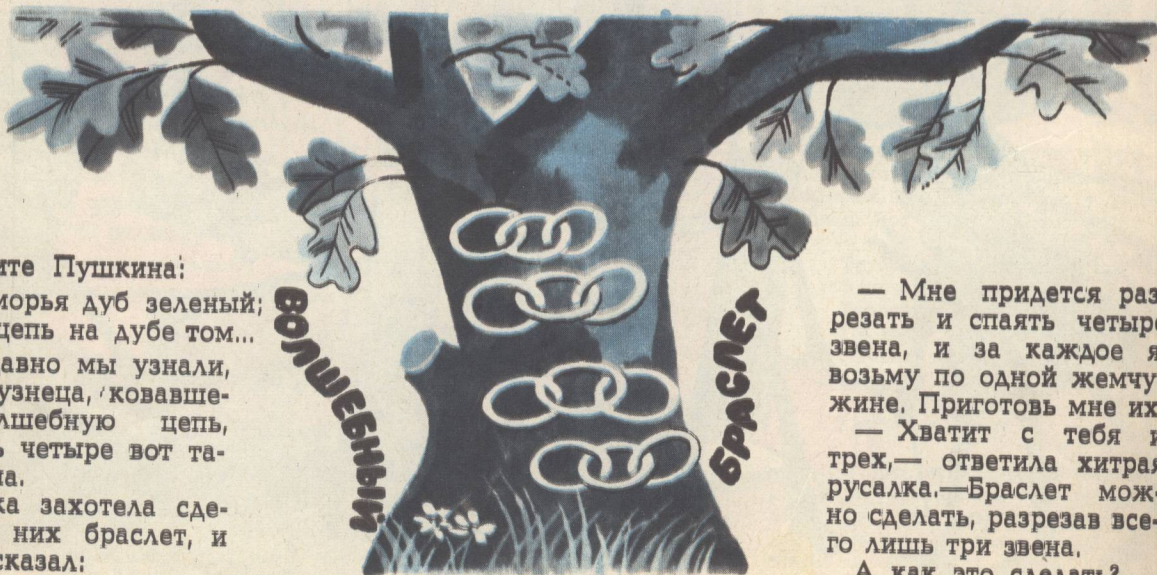
	Е		О	
Е		О		А
	О		Е	
О		Е		О
	А		О	

ПОЛУЧИТЕ ПЯТЁРКУ!

Дорогие друзья!
За последнее время желающих посетить нашу «Палату ума» стало так много, что нам пришлось установить на дверях СТУ (специальное пропускающее устройство). Теперь двери автоматически открываются только перед тем, кто получит «пятёрку»!

— то есть составит пять слов, передвигая вверх и вниз вставленные в СТУ элементы со словами. Одно из слов я уже составил. Вам нужно найти четыре других.
Ваш Дед Буквовод

Помните Пушкина:
У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том...

А недавно мы узнали, что у кузнеца, ковавшего волшебную цепь, осталось четыре вот таких звена.

Русалка захотела сделать из них браслет, и кузнец сказал:

— Мне придется разрезать и спаять четыре звена, и за каждое я возьму по одной жемчужине. Приготовь мне их.
— Хватит с тебя и трех, — ответила хитрая русалка. — Браслет можно сделать, разрезав всего лишь три звена.

А как это сделать?

Кто утащил Грибы?

СООБЩЕНИЕ
ЖИВЖИВКИ,
НАШЕГО
ЛЕСНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

Белка очень расстроилась: кто-то утащил грибы, которые она сушила на ветке сосны.

Целый день белка разыскивала пропавшие запасы, расспрашивала зверей.

Лиса сказала:

— Это хорек.

Волк заявил:

— Нет, не хорек.

Заяц ответил, усмехаясь:

— Я!

Лиса фыркнула:

— Или заяц, или сорока.

Хорек буркнул:

— Волк врет.

Медведь пробормотал:

— Заяц.

Дятел отчеканил:

— Нет, не заяц, не заяц.

Сорока затараторила:

— Не заяц и не я.

Еж подтвердил:

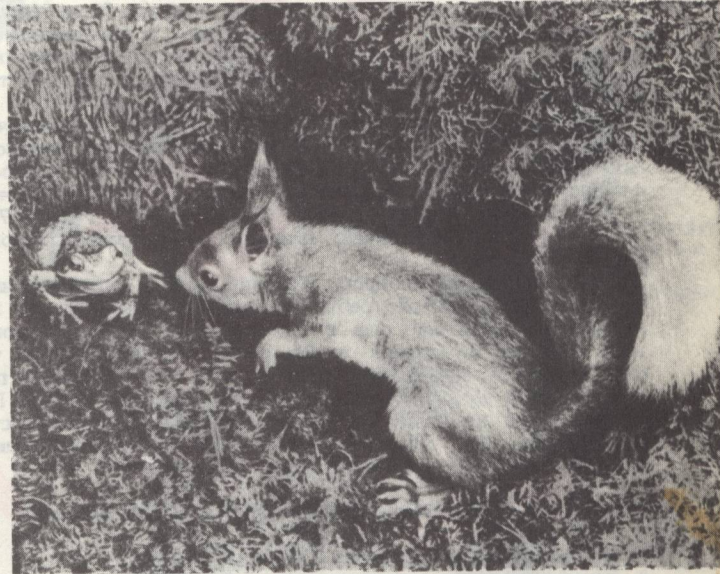
— Сорока говорит правду, и хорек тут ни при чем.

Бедная белка совсем запуталась и рассказала обо всем премудрой жабе. Жаба вспрыгнула на сыроежку и ответила:

— Я знаю, из этих девяти ответов только три правдивые. Я скажу тебе сейчас, кто утащил грибы.— Жаба немножко по-

думала и проквакала: — Ну, конечно, это сорока!

Проверьте: правильно ли рассуждала жаба? Может быть, виноват все-таки хорек?

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 8

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Дежурный солгал несколько раз: на него не могли напасть сзади; он не мог знать, что нападающих трое; он сам перерезал провод и не мог звонить капитану Перо.

СОВРАЛ ЛИ БАРОН МЮНХАУЗЕН?

Барон по обыкновению сказал неправду. Последнюю сказку он никак не мог рассказать на вечерней заре: на нее у него не осталось времени.

ПОМОГИТЕ МАЛЕНЬКИМ ЛЕОПАРДАМ!

Нужно налить молоко в трехлитровую кружку и вылить его в пятилитровую, потом опять наполнить трехлитровую и вылить из нее молоко в пятилитровую, пока она не станет полной. Тогда в трехлитровой кружке останется один литр.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

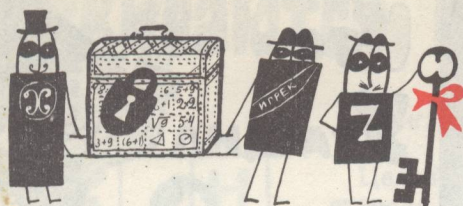
на этот раз такие: 1) Шторм, матрос, аромат. 2) Печка, репка, кепка.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

Спичку можно сломать двумя пальцами вот так:

Неизвестные раскрывают свои тайны

Ответы на вопросы и задачи из лекции Зета

«ПЕРЕСЧИТАЙ МАТЕМАТИКОВ».

1. Только в математическом кружке занимаются 14 ребят. На рисунке они находятся в части М.
2. Только один кружок посещают 19 человек.

«ЗАГАДКИ ШЕСТОГО КЛАССА»

Нарисуем три круга. В правый круг поместим скрипачей, которых будем обозначать буквой С, в левый — пловцов (П), в нижний круг — хомяководов (Х). Как и в предыдущей задаче, в части С стоят скрипачи-фанатики, которые не хотят плавать или возиться с животными. В части ПХ — плавающие хомяководы, не умеющие или не желающие играть на скрипке, в ПСХ — универсалы, занимающиеся всеми тремя видами полезной деятельности. Остальные обозначения вы легко расшифруете сами.

По условиям разводят хомяков или плавают 28 человек — они располагаются у нас или в левом, или в нижнем кругах (или на их пересечении). На долю скрипачей-фанатиков остается $35 - 28 = 7$ человек, естественно записать это так: $C = 7$.

Как сказано в условии, $ПСХ = 3$ и $ПХ + Х = 22$, значит, $П + ПС + СХ = 28 - 3 - 22 = 3$ человека (смотри рисунок). Но по условию эти части — П, ПС и СХ — содержат по крайней мере по одному человеку, значит, $П = ПС = СХ = 1$.

Теперь ясно, что в классе $C + ПС + ПСХ + СХ = 7 + 1 + 3 + 1 = 12$ скрипачей; плавают, но не разводят хомяков ($П + ПС$) двое.

Наконец, третий вопрос. Условий задачи недостаточно, чтобы ответить, сколько ребят увлекаются одними только хомяками (Х), а сколько еще и плавают (ПХ). Чтобы это доказать, заметим, что любой из 22 ребят, находящихся в частях Х или ПХ, может перейти из Х в ПХ или обратно, и при этом условия задачи не нарушатся (так, переход из Х в ПХ означает, что хомяковод увлекся плаванием). В частности, может быть, что $ПХ = 22$, $Х = 0$ — все хомяководы занимаются плаванием, — а может быть, и наоборот.

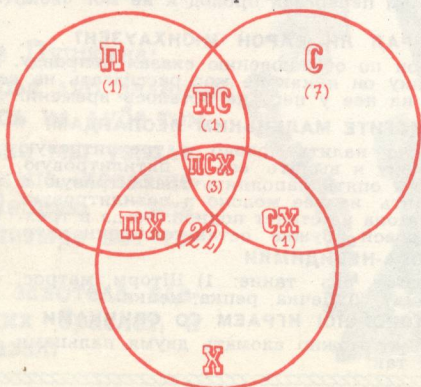
ОТВЕТЫ НА КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ЭТОЙ ЗАДАЧЕ

3. Хомяками не интересуются 9 человек.
4. Четыре скрипача умеют плавать.

КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

10 человек не поют в хоре, не увлекаются спортом и не занимаются в драмкружке.

11 человек увлекаются только спортом.

СОДЕРЖАНИЕ

Горны поход поют! — Заметки с IV Всесоюзного. — Л. Симонова	1
По колено в траве. — Повесть В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева	3
Книги остаются жить. — Р. Фраерман. Фото А. Карзанова	15
Главное богатство. — О. Алексеев. Рисунки С. Трофимова	16
Сто профессий пилота. — В. Орлов	19
Стихи А. Нестерова. Рисунок А. Вовиковой	23
Алешкины обиды. — Рассказ В. Судомы. Рисунки С. Трофимова	24
Учение с увлечением. — С. Соловейчик	27
Они победят. — В. Игнатенко. Фото автора	30
Театр «Фонарик»	
Кто рисует правильно? — Э. Змойро	32
Научный телеграф. — М. Гуревич, О. Либкин	34
Орнитоптер. — Фантастический рассказ М. Шулкина. Рисунки Н. Доброхотовой	36
Я шагаю по небу. — Песня. Слова С. Когана. Музыка В. Боганова	39
Рассказ о рыжей собаке. — Стихи Б. Укачина. Перевел с алтайского И. Фоянков. Рисунок И. Галанина	40
Разноцветные дорожки. Осенний пожар. — Стихи В. Орлова	41
Немухинские музыканты. — Сказка В. Каверина. Рисунки П. Багина	42
Ребята такие, как ты	
Приходи к нам всегда. — С. Богатырева	50
Рыба не мыло. — Рассказ Т. Андриевской. Рисунок А. Рюмина	52
Надо посоветоваться. — В. Розов	55
О чем пишут взрослые газеты	58
Ампулы жизни. — Г. Файбусович. Рисунки Н. Доброхотовой. Фото В. Постникова	60
Пионерский глобус	64
Встречи с Тремя Неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова	65
Спортплощадка	
Говорящие жесты. — В. А. Скорняков. Фото С. Карасева	68
Стихи Э. Котляр	71
Что нам читать?	72
Операция «Живое серебро» продолжается	73
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой	74
Академия домашних волшебников	75
Клуб «Сорок сорок»	76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова	77
Неизвестные раскрывают свои тайны	80

На обложке:

«Я шагаю по небу...» Рисунок И. Галанина к песне на стр. 39.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, **Л. А. Кассиль**,
Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь),
Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов,
А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная,
М. П. Прилежаева.

Оформление **К. М. Высоцкой.**

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП.
Бумажный проезд, 14.
Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 29/VI 1970 г. А 00432.
Подписано к печати 4/VIII 1970 г.
Формат бумаги 84×60¹/₂. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 290 000 экз.
Изд. № 1795. Заказ № 1841.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВЫ-СИНИЕ, А МЫ-ПОЛОСАТЫЕ. ИДЁТ?

Есть площадка, сетка натянута, судья на месте, играем в волейбол.

Бьешь мяч пальцами ни в коем случае ногами!

Чтобы «гасить» мяч резко, высоко прыгать и одновременно бить!

Не захватывай мяч, это двойной удар и потеря подачи, то есть очко в пользу синих, если мы — полосатые.

«Блок» может быть двойным и одинарным.

Это совсем плохой игрок, и снова — очко в пользу противника.

Горячность в игре необходима, однако на линии не наступай!

И при подаче тоже не наступай, а то уж очень будет обидно.

Принимай мяч снизу и никогда не захватывай!

Мяч касается сетки — пожалуйста, но ты — нет и никогда.

Никогда ты этого не сделаешь — не станешь гасить на чужой площадке, даже если очень увлечешься.

И следи за мячом, например, не бери явные ауты.

Будь готов всегда оказывать в любом (нужном) месте площадки.

Еще раз — бери мяч снизу, пальцы пружинь, а то вывихнешь!

Вот так вот, стоя на одной ножке, никогда не играй, лучше посиди сбоку на лавочке. Почему? Потому что, играть так играть.

Ногами? Так это не только глупость, а еще и хулиганство. Я же говорю — посиди лучше на лавочке...

И никогда ни о чем не спорь с судьей во время игры, ибо судит он а ты играешь. Не смывай роли. Возражай потом, но вежливо. Ты меня понял — вежливо!

Ну вот и все, и, по-моему, наши выиграли. Только я уже толком не помню: полосатые мы были или нет? *Воля Бол.*

Любите ли вы птиц? Готовитесь ли помочь своим пернатым друзьям зимой, когда им особенно голодно и холодно?

Сейчас самое время заняться заготовкой птичьих кормов. Запасайте просо, мак, семена конопли, подсолнечника, репы, дыни.

Тыквенные и арбузные семечки — любимая еда синиц и поползней. Семя обыкновенной жгучей крапивы — лакомство для снегирей, а для щеглов — семена чертополоха и лопуха.

Не забудьте и о ягодах рябины, черемухи, бузины, калины, дикого винограда, бирючины, боярышника, брусничника, жимолости.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Цена 25 коп.

Индекс 70694

